АЛЕУТЫ

Каталог коллекций Кунсткамеры

Санкт-Петербург
2014

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

УДК 39(=561)(064)
ББК 63.5
А48

Утверждено к печати Ученым советом Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

Автор-составитель С.А. Корсун
Ответственный редактор Ю.Е. Березкин
Руководитель проекта Ю.А. Купина
Фотографирование С.Б. Шапиро
Фотоработы Е.Б. Толмачевой

Рецензенты: И.В. Тункина, Е.А. Резван

Алеуты: Каталог коллекций Кунсткамеры / Автор-сост. С.А. Корсун, отв. ред. Ю.Е. Березкин.
СПб.: МАЭ РАН, 2014. 384 с.

ISBN 978-5-88431-261-6

Каталог посвящен собранию МАЭ (Кунсткамера) РАН по традиционной культуре алеутов — одного из малочисленных народов американского Севера. В начале XIX в. группа алеутов была переселена в Сибирь, на Командорские острова. Поэтому в настоящее время алеуты проживают как в США, так и в России.

Коллекции по алеутам стали поступать в Кунсткамеру после открытия в 1741 г. Алеутских островов и Аляски участниками экспедиции В.Й. Беринга — А.И. Чирикова. На протяжении более ста пятидесяти лет отечественные мореплаватели, путешественники, ученые, миссионеры и служащие Российско-Американской компании доставляли в музей коллекции по алеутам. Благодаря их собирательской деятельности МАЭ (Кунсткамера) РАН располагает самым старым по времени сбора собранием по этнографии алеутов, которое впервые публикуется в полном объеме в настоящем каталоге.

УДК 39(=561)(064)
ББК 63.5

Издание осуществлено при поддержке отдела по вопросам прессы и культуры
Генерального консульства США в Санкт-Петербурге.

Фотографии на шмуцтитулах:
Алеут Иван Суворов в камлейке, о. Умнак. Фото В.И. Иохельсона, 1910 г. МАЭ № 2826–56.
Алеутка Аграфена Суворова в плетеной накидке, о. Умнак. Фото В.И. Иохельсона, 1910 г. МАЭ № 2826–106.
Алеутка с ребенком в люльке. Фото В.И. Иохельсона, 1910 г. МАЭ № 2692–125.
Алеуты с бубнами, о. Умнак. Фото В.И. Иохельсона, 1910 г. МАЭ № 2826–108.

© А.Л. Кроуэлл, Ш.П. Кэй — статья, 2014
© Е.В. Головко, М.Л. Диркс — статья, 2014
© ООО «КМБХ» — дизайн, оформление, 2014
© МАЭ РАН, 2014

ISBN 978-5-88431-261-6

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

АЛЕУТСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ — ИЗУЧЕНИЕ И ПУБЛИКАЦИЯ

Публикуемый каталог посвящен этнографическим коллекциям алеутов — коренного населения Алеутских островов и полуострова Аляска. Алеуты, переселенные с Алеутских островов, живут и на принадлежащих России Командорских островах, в Алеутском районе Камчатского края.

В этом году мы празднуем 300 лет основания Кунсткамеры, старейшего государственного публичного музея России. Значительная часть вещей, публикуемых в данном каталоге, поступила в Кунсткамеру во второй половине XVIII — начале XIX в. В коллекциях нашего музея это одни из самых ярких экспонатов.

Собрание Кунсткамеры (1714–1836), Музея этнографии (1836–1879), Музея антропологии и этнографии (с 1879 г.) по народам Русской Америки формировалось на протяжении более двухсот пятидесяти лет, начиная с середины XVIII в. Благодаря собирательской деятельности ученых Академии наук, мореплавателей, служащих Российско-Американской компании, российских купцов и администраторов наш музей обладает наиболее ценной в научном отношении и самой ранней по времени сбора коллекцией по традиционной культуре алеутов. Европейские и американские исследователи стали заниматься сбором коллекций на территории Аляски и Калифорнии в основном лишь в конце XIX в. К этому времени многие элементы традиционной культуры аборигенов были утрачены или подверглись сильному влиянию европейской культуры. Поэтому собрание МАЭ по народам Русской Америки имеет непреходящую научную ценность как для исследователей, так и для коренных народов Аляски.

«Алеуты: Каталог коллекций Кунсткамеры» — уже третий том в серии публикаций научных каталогов собрания нашего музея по народам Русской Америки. В 2007 г. был опубликован каталог «Тлинкиты»[1], в 2010 г. — «Эскимосы алютиик»[2].

Сбор коллекций для музея Академии наук, Кунсткамеры, был начат при первой же встрече русских (участников Второй Камчатской экспедиции) с алеутами 4 сентября 1741 г. Этот факт нашел отражение в вахтенном журнале пакетбота «Святой Павел» под

---

[1] Тлинкиты: Каталог коллекций Кунсткамеры / Отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб.: МАЭ РАН, 2007.

[2] Эскимосы алютиик: Каталог коллекций Кунсткамеры / Автор-сост. С.А. Корсун, отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб.: Наука, 2010. Издание на английском языке: The Alutiit / Sugpiat: A Catalog of the Collections of the Kunstkamera / Author and Compiler S.A. Korsun; Editor-in-chief Yu.E. Berezkin. University of Alaska Press, 2012.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

командованием капитана А.И. Чирикова. Российским морякам были подарены два гарпуна, к сожалению, утраченные во время зимовки судна.

Сбор коллекций для Кунсткамеры осуществлялся по именным указам императора и Правительствующего Сената. Еще до создания Академии наук в 1724 г. по личному распоряжению Петра I была снаряжена первая научная экспедиция в Сибирь во главе с Д.Г. Мессершмидтом, одной из задач которой стало описание местных народов и памятников древности. В XVIII в. была осуществлена серия академических экспедиций, участники которых собирали материалы согласно инструкциям, подготовленным академиками Г.Ф. Миллером, П.С. Палласом и др., в том числе были составлены инструкции по описанию народов и сбору коллекций для Кунсткамеры.

Правительственные морские экспедиции по обследованию северо-востока Сибири, кругосветные плавания российского флота, плавания судов Российско-Американской компании сопровождались сбором коллекций, для чего в состав экипажей часто включали сотрудников Академии наук, рисовальщиков. Для XVIII в. это была беспрецедентная практика.

Уникальной в истории нашего музея стала экспедиция И.Г. Вознесенского. Блестяще зарекомендовавший себя в музее и уже успевший побывать в экспедиции на Кавказе двадцатитрехлетний помощник препаратора Зоологического музея Академии наук был специально послан в российские владения на Дальнем Востоке и в Северной Америке для сбора коллекций по зоологии, ботанике, этнографии, минералогии. Он провел в этой экспедиции более девяти лет (1839–1848). Вместе с помощником-креолом Ф. Дружининым И. Вознесенский сумел собрать огромные коллекции, которые при первой же возможности пересылались в Санкт-Петербург. Под его влиянием сбор коллекций был начат рядом служащих Российско-Американской компании, которые взялись помогать И.Г. Вознесенскому. Многие исследователи указывают на планомерность сбора коллекций Вознесенским. Понимая важность классификации и систематики, он старался приобретать не отдельные предметы, а серии экспонатов не только зоологического и ботанического, но и этнографического характера. В общей сложности ему удалось собрать более 1054 предметов этнографических коллекций, сделать более 150 зарисовок. Значительная часть публикуемых в этом каталоге уникальных экспонатов собрана усилиями И.Г. Вознесенского.

Из более поздних чрезвычайно ценных поступлений следует упомянуть коллекцию предметов быта и культуры алеутов Командорских о-вов, переданную в МАЭ в 1896 г. царевичем Николаем Александровичем. Она была подарена ему во время его путешествия по восточным странам.

Особое место занимают материалы экспедиции В.И. Иохельсона — выдающегося исследователя культуры и языков народов севера Сибири, сотрудника МАЭ в начале XX в. На Алеутских островах Иохельсон работал в 1909–1910 гг. Прежде чем приступить к полевой работе, он изучал алеутский язык и знакомился с алеутскими коллекциями в музеях Европы и США. По результатам экспедиции этнографическое и археологическое собрание В.И. Иохельсона превысило 2100 предметов, был составлен словарь алеутского языка из более пяти тысяч слов, записано большое количество фольклорных материалов, передано в МАЭ более 1080 стеклянных фотонегативов.

В настоящем каталоге впервые публикуется полное собрание алеутской коллекции МАЭ, состоящее из более чем 550 экспонатов. Это одна из самых богатых и старых коллекций по алеутам в мире. Музей особенно гордится собранием из более 30 охотничьих шляп, козырьков и их фрагментов, поражающих воображение своей изящной, отточенной формой, богатым орнаментом, украшенных усами сивуча, резными костяными пластинами, фигурками из моржовой кости, бусинами. МАЭ располагает богатейшей коллекцией гарпунов, копий для охоты на сивучей и китов, копий для охоты на птиц, метательных дощечек, моделей байдар и весел байдар, промысловых камлеек и плащей-накидок, изготовленных из кишок сивуча, плетеных корзин.

Читатель этого каталога убедится в том, что собрание МАЭ по культуре алеутов является не подбором случайно приобретенных в разные годы музеем предметов, а полноценным источником ценнейших сведений для исследователей этнографии алеутов.

Мне было чрезвычайно приятно прочесть в публикуемой в этом каталоге статье наших американских коллег и партнеров А.Л. Кроуэлла и Ш.П. Кэй, что «для представителей коренных народов <...> коллекции служат хранилищами, материалы которых могут быть использованы для возрождения традиционных культур и помочь старейшинам местных общин и их ученикам вдохнуть новую жизнь в обретенное наследие предков. Благодаря печатным каталогам и онлайн-публикациям вещи, когда-то утраченные, обретаются вновь и в каком-то смысле возвращаются на родину». Это мнение полностью отвечает мыслям российских авторов каталога и дирекции МАЭ РАН.

Продолжая традицию предыдущих каталогов, публикация экспонатов коллекции сопровождается

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

цитатами из архивных документов, литературных источников, дневниковых записей собирателей, описывающих использование тех или иных орудий охоты, домашней утвари, ритуальных предметов и т.п. Там, где возможно, приводятся названия предметов на диалектах алеутского языка.

В вводной статье сделана очень важная попытка реконструкции данных о собирателях и местах сбора коллекций. Большинство «старых» этнографических музеев испытывают проблемы с научной атрибуцией коллекций, собранных в XVIII–XIX вв. В Кунсткамере была особая ситуация в силу органичной связи музея и Академии. С середины XVIII в. готовились специальные инструкции по изучению быта народов и даже инструкции по сбору коллекций для Кунсткамеры; в сборе того, что мы сегодня понимаем под этнографическими коллекциями, участвовали крупнейшие ученые того времени. И все же многие экспонаты были приобретены купцами, офицерами флота и другими людьми, весьма далекими от науки. Путь этих коллекций, собранных на крайнем северо-востоке и востоке Российской империи, в Санкт-Петербург, в Кунсткамеру, был сложен и долог. Благодаря петровским указам и позже указам Сената сбор коллекций был вменен в обязанности губернаторам. Поэтому многие экспонаты публикуемой коллекции сначала доставлялись комендантам, воеводам, затем отправлялись губернатору Сибири и только оттуда в Санкт-Петербург. Списки этих коллекций при отсылке в Академию часто делали чиновники и писари. Эти сведения сегодня часто недостаточны для научной атрибуции коллекций, которые в нашей музейной документации порой описываются как «из старинных поступлений Кунсткамеры».

В конце XIX — начале XX в., когда началась разборка и регистрация «старых» коллекций музея, происходило их разделение на отделы и фонды, организованные по территориальному принципу. Понятно, что иногда было трудно решить, куда относятся практически депаспортизированные старые экспонаты Кунсткамеры: к отделу Америки или к отделу Сибири. Было не ясно, к какому народу они могут быть отнесены. Поэтому работа по научному описанию и атрибуции коллекций XVIII–XIX вв. продолжается и в наши дни.

В этом отношении мы чрезвычайно положительно оцениваем опыт последних десятилетий по изучению коллекций из Русской Америки. Он включает систематическое изучение коллекций, истории формирования коллекционного фонда по этнографии народов Аляски и прилегающих островов, сотрудничество с музеями Аляски, центрами по изучению культуры коренного населения этого региона по уточнению паспортов музейных экспонатов.

Открытие фондов музея для представителей народов, на территории проживания которых коллекции собирались много десятилетий и даже столетий назад, стало в последние годы одной из основных тенденций в развитии этнографических музеев мира. Однако, с нашей точки зрения, важно не только предоставить возможность посещения фондов музея ученым и специалистам, старейшинам и «знающим». Путешествие из Аляски в Санкт-Петербург могут себе позволить немногие. Публикация полных, прекрасно иллюстрированных научных каталогов коллекций музея по народам Русской Америки — это большой комплексный проект. В него наряду с публикацией каталогов на русском языке входят организационная работа по подготовке к изданию томов каталога на английском языке в издательствах США, размещение на сайте нашего музея (www.kunstkamera.ru) в разделе «W-проекты / Фонды музея онлайн» полных версий каталогов на русском и английском языках. Таким образом, каждый представитель коренных народов Аляски не только имеет удаленный доступ к фондам нашего музея по культуре и быту своего народа, но и может после регистрации на сайте участвовать в уточнении атрибуции предметов коллекции, обсуждая эти вопросы с кураторами коллекций.

Во время работы над изданием «Алеуты: Каталог коллекций Кунсткамеры» мы получили уникальную возможность сотрудничать с группой специалистов[3], специально приехавших с этой целью в Санкт-Петербург из Аляски, — доктором А.Л. Кроуэллом, директором филиала Арктического центра Смитсоновского института в Анкоридже и автором многочисленных публикаций и выставочных проектов, посвященных коренным народам Аляски; госпожой Шэрон Кэй, экспертом в вопросах традиционных алеутских народных промыслов с острова Унга и непревзойденным мастером по изготовлению плетеных корзин; господином Мозесом Дирксом, экспертом в области традиционной культуры и языка алеутов, автором книг по грамматике аткинского диалекта алеутского языка, переводчиком и издателем текстов В.И. Иохельсона. Впервые в русскоязычном издании каталога коллекций Кунсткамеры

[3] Это стало возможно благодаря неоценимой поддержке и финансовой помощи Генерального консульства США в Санкт-Петербурге. В сентябре 2013 г. состоялся приезд наших коллег и была проведена совместная работа над каталогом в МАЭ. Особую благодарность хотим выразить Генеральному консулу США в Санкт-Петербурге г-ну Брюсу Тёрнеру, руководителю отдела по вопросам прессы и культуры Генерального консульства США г-ну Стивену Лабенски, помощнику Консула США по вопросам культуры Т.И. Космыниной.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

по народам Русской Америки публикуются статьи американских ученых и экспертов, представителей коренного народа Аляски.

Также я хотел бы поблагодарить за плодотворную совместную работу над каталогом д.ф.н., чл.-корр. РАН, заместителя директора Института лингвистических исследований РАН Е.В. Головко.

Ю. К. Чистов, доктор исторических наук,
директор МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ АЛЕУТОВ В КУНСТКАМЕРЕ

Собрание участников Второй Камчатской экспедиции

Коллекции по народам Русской Америки стали поступать в Кунсткамеру после открытия в 1741 г. Алеутских островов и Аляски участниками Второй Камчатской экспедиции. Экспедиция совершалась на двух судах: «Св. Петром» командовал Витус Йонассен Беринг (1681–1741), «Св. Павлом» — Алексей Иванович Чириков (1703–1748). Вскоре после выхода в море суда разошлись и в дальнейшем совершали плавание самостоятельно. В составе экспедиции находился адъюнкт Императорской Академии наук (ИАН) Георг Вильгельм Стеллер (1709–1746), в его обязанности, в частности, входил сбор различных естественно-научных коллекций для Кунсткамеры. В ходе плавания экипаж «Св. Петра» сделал остановку вблизи одного из Шумагинских островов, вероятно острова Нагай. Здесь 4 сентября 1741 г.[1] произошла первая встреча русских с алеутами, от которых было получено два гарпуна.

В вахтенном журнале «Св. Петра» о приобретении алеутских вещей сказано: *«Он* (алеут. — *С.К.)* <...> *бросил на пакетбот 2 выструганные палки, к одной привязаны с конца перья, оные перья признавали соколиными, а к другой — птичья нога»* [Из вахтенного журнала 1984: 244]. Тот факт, что переданные алеутами «выструганные палки» были гарпунами для охоты на морских животных, подтверждается записью в дневнике Г.В. Стеллера. Выезжая в море, алеуты закрепляли гарпуны на наружной поверхности байдарки, подсовывая их под специальные крепежные ремни, расположенные с двух сторон от люка байдарки. Г.В. Стеллер отметил, что у алеутских байдарок на корме были закреплены окрашенные в красный цвет «палки», т.е. гарпуны, *«все они изготовлены точно так же, как и та, что мы от них получили»* [Стеллер 1995: 73]. О встрече с алеутами Г.В. Стеллер писал: *«Тем не менее один из них* (алеутов. — *С.К.)* *подплыл совсем близко к нам. Однако прежде чем совсем приблизиться, он полез за пазуху, достал немного земли цвета железа или свинца и изобразил ею на щеках от носа две груши, а ноздри набил травой; крылья его носа с обеих сторон были пронзены тонкими кусочками кости. Потом он взял еловую палку, лежащую позади него*

[1] По судовому журналу пакетбота «Св. Петр» и дневнику С. Вакселя встречи с алеутами произошли 5 и 6 сентября, по рапорту С. Вакселя, дневнику и рапорту Г.В. Стеллера — 4 и 5 сентября. По судовому журналу за начало суток считался полдень.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Карта Алеутских островов

поверх кожаной лодки, разрисованную красным, в три аршина длиной наподобие бильярдного кия. На нее он насадил два соколиных крыла, крепко привязав их китовым усом, показал нам, а затем, смеясь, бросил в воду в направлении нашего судна. <...> Привязал к другой палке целого сокола и передал его нашему переводчику-коряку» [Там же: 70].

Здесь говорится о магических действиях, направленных на защиту от чужеземцев. И.Е. Вениаминов отметил, что при первых встречах алеуты принимали русских за сверхъестественных существ [Вениаминов 1840, ч. III: 18]. Передача алеутами гарпунов, к одному из которых были прикреплены крылья сокола, а к другому — его чучело, являлась обрядом жертвоприношения. О подношениях духам перьев и отдельных частей тел птиц И.Е. Вениаминов писал: *«Самый обряд жертвоприношения состоял в том, что приносящий, взяв известные перья и каждое из них обмакивая в какой-нибудь краске (но более зеленой или красной), кидал их порознь на все четыре стороны, и при каждом разе, когда надобно было кинуть перо, он именно высказывал свою просьбу к невидимым духам»* [Вениаминов 1840, ч. II: 122–123].

На следующий день (5 сентября 1741 г.) произошла очередная встреча экипажа «Св. Петра» с алеутами. Г.В. Стеллер оставил ее подробное описание: *«Примерно через полчаса мы вновь увидели девять американцев в лодках, которые гребли друг за другом к кораблю с теми же криками и церемониями, что и в первый раз. Но лишь двое приблизились к нашему кораблю; снова они передали нам подарки — палки с соколиными перьями и краску для лица железного цвета.*

На головах у этих людей были шляпы, изготовленные из древесной коры и украшенные красными и зелеными пятнами, напоминающие по форме козырьки для глаз, которые обычно надевают на голову: макушка оставалась непокрытой, и шляпы, казалось, были предназначены лишь для того, чтобы защищать глаза от солнца. <...> У некоторых были воткнуты пестрые соколиные перья (в шляпы. — *С.К.*), *а у других — тростинки* (усы сивуча. — *С.К.*). *<...> И здесь сно-*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

ва я нашел четкое указание, что американцы происходят из Азии, поскольку камчадалы и коряки носят такие же шляпы; я приобрел несколько таких для Кунсткамеры.

Когда по нашим многочисленным знакам эти американцы поняли, что мы хотели бы получить одну из этих шляп, они дали нам даже две. На одной было прикреплено маленькое резное изображение сидячего идола из кости, у которого сзади было воткнуто перо, что, без сомнения, должно было обозначать хвост» [Стеллер 1995: 76].

Вещи, полученные от алеутов о. Нагай, находились у В.Й. Беринга. Эта коллекция была потеряна во время зимовки 1741–1742 гг. экипажа «Св. Петра» на одном из Командорских островов, который впоследствии был назван в честь В.Й. Беринга. Лейтенант Свен Лаврентьевич Ваксель (1701–1762), возглавивший экспедицию после смерти В.Й. Беринга, в качестве подтверждения встречи с алеутами отправил в Государственную Адмиралтейств-коллегию только костяную фигурку, которая была прикреплена к одной из шляп. Что касается двух алеутских шляп-козырьков и двух гарпунов, то он отметил, что они были утрачены [Ваксель 1940 а: 143].

Экипаж «Св. Павла» также встречался с алеутами во время стоянки у острова Адак. Судя по описанию А.И. Чирикова, алеуты уже встречались с экипажами азиатских судов. Они не подплывали близко к судну, так как опасались, что по ним будут стрелять из луков; за питьевую воду требовали громадную плату, понимая, что экипаж судна давно находится в плавании и имеет недостаток в пресной воде; знали употребление металла. В судовом журнале «Св. Павла» записано: *«Токмо они скоро к судну подъехать не смели и руками разводили наподобие, как лук растягивают, из чего мы догадались, что они опасаются, дабы от нас по них не было стреляно, и того ради мы им <…> как возможно давали знать, что от нас никакой противности показано не будет. <…>*

Притом увидели мы, что из них некоторые, принеся одну руку ко рту, <…> вдруг ото рта руку отрывали, тогда мы узнали, что они спрашивают у нас (металлических. — *С.К.) ножей, понеже камчадалы и прочие здешние народы, как едят мясо или иное что, то ножами у рта отрезывают, и я велел им один нож дать из подарочных вещей, которые они увидели и очень обрадовались и друг у друга перехватывали и стали от нас ножей с великим прилежанием требовать»* [Лебедев 1951: 308–311].

От алеутов русские получили четыре гарпуна и одну шляпу-козырек [Чириков 1984: 228]. Первый рапорт о плавании к берегам Америки А.И. Чириков отправил в Санкт-Петербург в декабре 1741 г. с матросом Семеном Сплавщиковым. А.И. Чириков полагал, что С. Сплавщиков может погибнуть в пути, поэтому 15 мая 1742 г. он отправил еще один рапорт с гардемарином Андреяном Моисеевичем Юрловым (?–1791), *«с которым и полученные нами вещи от жителей <…> для предоставления в Государственную Адмиралтейств-коллегию от меня посланы будут»* [Там же: 231]. Первый рапорт А.И. Чирикова был доставлен в Санкт-Петербург 29 октября 1742 г. и 1 ноября доложен императрице Елизавете (1709–1761). В современной музейной документации вещи, полученные от участников Второй Камчатской экспедиции, не значатся, но они могут оказаться в коллекциях, которые на рубеже XIX–XX вв. были зарегистрированы как «старинные поступления музея».

Собрание участников торгово-промышленных экспедиций

Во второй половине XVIII в. было организовано более семидесяти торгово-промышленных экспедиций по исследованию и освоению Алеутских островов и Аляски. Некоторые участники этих экспедиций занимались сбором различных «редкостей». Прежде всего собрания «редкостей» доставляли правителю Камчатки, затем их отправляли сибирскому генерал-губернатору и только потом, по его распоряжению, в Санкт-Петербург как подарки императрице Екатерине II. Впоследствии большую часть «редкостей» с Алеутских островов и Аляски передали из Императорского Эрмитажа в Кунсткамеру. В настоящее время в музее находятся на хранении несколько десятков предметов XVIII в. алеутов и эскимосов о. Кадьяк, однако конкретных данных о том, кто, когда и где их приобрел, не сохранилось.

Первая коллекция с «вновь открытых островов» поступила в Кунсткамеру уже в 1748 г. Она состояла из нескольких засушенных рыб, чучела утки и образцов минералов, собранных на о. Медном сержантом Охотского порта Емельяном Софроновичем Басовым (1705–1765) [Станюкович 1953: 122–123].

В 1756–1758 гг. состоялось плавание на Андреяновские острова судна «Св. Петр и Павел» под командованием морехода Петра Башмакова. Передовщиком — руководителем промысла на судне — был Петр Всевидов, сборщиком ясака — казак Максим Лазарев. В рапорте о деятельности экспедиции сказано: *«Всевидовым с товарищи вывезено <…> байдарка малолетних ребят, да при том же оных народов*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

стрелы, которыми бросают с руки дощечкой и во время мореплавания в байдарках носят они на головах, а какого дерева неизвестно, одна шапка, которые при том репорте в приказную избу <...> объявили, кои при особливом репорте в Большерецкую канцелярию декабря 7 дня 1758 году присланы» [Из рапорта... 1989: 51–52]. В 1759 г. эту коллекцию доставили в Тобольск сибирскому генерал-губернатору, тайному советнику Федору Ивановичу Соймонову (1692–1780), он вместе с рапортом отправил вещи алеутов в столицу.

После рассмотрения рапорта Ф.И Соймонова в 1761 г. вышел Указ Сената, в котором сказано: *«Максимом Лазаревым взятых добровольно на тех островах у народов (с которыми они торг имели) байдарка малолетних ребят — одна, четыре стрелы деревянные, две стрелы костяные и одна дощечка деревянная, из которой теми стрелами бросают рукою, одно ратовье копейное* (древко копья. — *С.К.) деревянное ж, одни ножны деревянные ж (а что в них кладут, неизвестно), одна шапка деревянная, выкрашена и кругом истыкана перьями и усами сивучевыми и вырезаны по кости личинки. <...> А показанные присланные от него, тайного советника, найденные на морских островах вещи отослать при указе в канцелярию Академии наук»* [Указ 1989: 58].

В 1759–1762 гг. состоялось плавание на Ближние острова — Атту, Агату и Семичи — бота «Св. Захарий и Елизавета» под командованием морехода Степана Яковлевича Черепанова. В состав его экипажа входил вологодский купец Федор Афанасьевич Кульков. Зиму 1759–1760 гг. участники этого плавания провели на о. Беринга, 26 июня 1760 г. достигли о. Атту. В районе Ближних островов они занимались промыслом в течение двух лет. В 1764 г. Ф.А. Кульков приехал в Санкт-Петербург, здесь с его слов составили *«Известия, собранные из разговоров вологодского купца Федора Афанасьевича Кулькова о так называемых Олеуцких островах в Санкт-Петербурге 1764 году»* [Ляпунова 1979: 98]. В «Известиях» сказано: *«В платье как мужчины, так и женщины разности почти никакой не имеют, зимою и летом носят то же, какое я сообщил в здешнюю Императорскую Кунсткамеру»* [Там же: 104]. Слово «сообщать» наряду с другими значениями в XVIII в. означало «передавать»; таким образом, в этой цитате говорится о передаче алеутской одежды в Кунсткамеру.

В «Известиях» Ф.А. Кулькова в отношении алеутов используется этноним «олеут»: *«Сами себя на своем языке называют Олеут»* [Там же]. Ближние острова в его «Известиях» называются «Олеуцкими» или «Олеутскими», также в рапорте С.Я. Черепанова встречается название «Оттаку» в отношении острова Атту [Черепанов 1948: 115–118]. Этноним «олеут» попал и в музейную документацию Кунсткамеры. Это слово написано на двух самых ранних типах музейных этикеток, относящихся к ритуальным мужским головным уборам (№ 2868–232, 234) и к женской шапочке (№ 2868–233). Это свидетельствует о том, что вышеупомянутые этикетки были сделаны на основании «Известий» Ф.А. Кулькова. Головному убору (№ 2868–234) соответствует описание из книги сотрудника Кунсткамеры О.П. Беляева: *«Мужчины носят также и кегелю подобные кожаные шапки, вышитые слишком на пядь, которых края и два супротивных шва вычурами, а сии и оторочки их волосяною бахромою, шириною в ладонь, верхушка же шкурками и прицепленными к ним улитками* (топорковыми клювами. — *С.К.) украшены»* [Беляев 1800: 179–180].

Осип Петрович Беляев (1763–1807) работал в музее в период с 1783 по 1807 гг., в своей работе «Кабинет Петра Великого» он привел описание тех алеутских предметов, которые были в музее в конце XVIII в. О женском головном уборе (№ 2868–233) у О.П. Беляева сказано: *«Женщины шьют себе шапки из кожи рыбьих шкур или из разнородных звериных кишок. У шапок сих края прямые, шириною в ладонь, притом они повсюду вышиною равны и имеют плоскую и мелкую тулью. Края и тулью украшают весьма пригожим шитьем, которое выводят жилами, волосами, а иногда и бисером, если могут оной достать, тулью же обводят по краям волосяною бахромою длиною в палец»* [Там же: 180].

Также к алеутской коллекции XVIII в. относится деревянная шляпа-козырек (№ 2868–23), на которой есть надпись: «№ 2». Л. Блэк считала ее изделием алеутов Шумагинских островов [Black 1991: 41]. Однако нет сведений о том, что кто-либо из участников русских торгово-промышленных экспедиций занимался сбором коллекций на Шумагинских островах в 60-е годы XVIII в. Эти острова русские промышленники стали осваивать только в 1770-е годы. О шляпах-козырьках алеутов О.П. Беляев писал: *«Летом они ничем головы не покрывают или носят летние шляпы, из дерева вырезанные, кои похожи с виду на утиный нос и которых узкий и передний конец выдался надо лбом вперед фута на полтора, как навесная крышка. Они красят таковые шляпы земляными красками своих островов и огораживают их по краям перьями, а вверху и около рас-*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

ставляют пучки, сделанные из крепких, длиною в пядь и больше, сивучьих <...> усов, да сверх того украшают пригожими пронизками (связками украшений. — *С.К.*) *и перяными пучками* (пучками перьев. — *С.К.*). *<...> Над самою же головою они полы; и на таковом верхнем краю укрепляют они по большей части маленького, длиною в дюйм, идола костяного, в человеческом подобие сидящего»* [Беляев 1800: 179].

В 1758–1762 гг. состоялась экспедиция на судне «Св. Иулиан» под командованием морехода Степана Гавриловича Глотова (1729–1769), сборщиком ясака на этом судне был казак Савин Пономарев, передовщиком — Иван Максимович Соловьев. В ходе экспедиции были открыты острова Умнак и Уналашка, с местными алеутами удалось установить дружественные отношения [Корсун 2006: 554–555]. В рапорте о посещении острова Умнак С.Т. Пономарев писал, что алеуты *«дали добровольно в аманаты первого острова тоена Шашука племянника малолетнего, парня именем Мушкаля, которого мы назвали Иваном, возрастом, например, около 12 или 13 лет, которого со всякими в пути, как возможно, охранением, привезя при сем же, в Большерецкую канцелярию объявляем. А при нем вывезено их тамошнего манира одна парка, из птичьих кож шитья, и их одна ж шапка»* [Пономарев 1989: 63]. На Умнаке и Уналашке, в отличие от Ближних островов, водились неизвестные в то время в Сибири черно-бурые лисицы. В Охотске при разделе промысла шкуры черно-бурых лисиц решили отправить в столицу как подарок для императрицы. Меха были доставлены в Санкт-Петербург в 1764 г. Подарок Екатерине II очень понравился, и она пожелала побеседовать с одним из участников этого плавания. Когда распоряжение императрицы поступило в Охотск, то в городе оказался только купец из Великого Устюга Василий Иванович Шилов. В Санкт-Петербург он прибыл в 1767 г.: *«Государыня расспрашивала его подробно обо всех местных обстоятельствах, новых открытиях, образе их промышленности и была весьма довольна ответами благоразумного Шилова»* [Берх 1823: 69]. В результате беседы с В.И. Шиловым Екатерина II пожелала лично увидеть хотя бы одного алеута. Об аудиенции в 1770 г. у императрицы алеута О.А. Кузнецова (Ишака Киникин / Ишаноюк Икитин) расскажем в дальнейшем.

В 1760–1764 гг. состоялась экспедиция под командованием Андреяна Толстых (?–1766) на судне «Св. Андреян и Наталья». Участники этой экспедиции в течение трех лет исследовали Андреяновские острова Алеутской гряды. В качестве переводчика у А. Толстых с 1761 г. находился алеут с о. Атту Ишака Киникин (Ишаноюк Икитин), которому дали имя Никита. В рапорте А. Толстых сообщает, что алеуты острова Адак преподнесли в дар *«одну малую и малых ребят оболоченную* (обтянутую. — *С.К.*) *кожею байдарку, на которых они в море выезжают, с двумя малыми выкрашенными деревянными веселками, и деревянный их гребень, и поводок с костяными удами к отсылке в Большерецкую канцелярию объявляются»* [Толстых 1989: 96]. Отчет А. Толстых и его коллекция были доставлены в Тобольск сибирскому генерал-губернатору Денису Ивановичу Чичерину (1720–1785). Карту открытых островов и какие-то алеутские вещи Д.И. Чичерин отправил в Санкт-Петербург как подарки Екатерине II. Известно, что среди них были *«три плетеных из травы мешка, нитки из рыбьих жил, костяные удочки»* и *«три дощечки из дерева, которые к тем островам море приносит, две подобные кипарису, а третья — совершенно красное дерево»* (цит. по: [Берг 1946: 291–292]).

Еще одна алеутская коллекция поступила в Кунсткамеру в 1767 г. Ее привез штурман из Охотска А.М. Юрлов, который в 1741 г. участвовал в плавании к берегам Северо-Западной Америки на пакетботе «Св. Павел» под командованием А.И. Чирикова. Как упоминалось, в 1742 г. он доставил в Санкт-Петербург рапорт А.И. Чирикова и этнографическую коллекцию. В состав коллекции, переданной А.М. Юрловым в 1767 г., входили: *«Парка из кож птичьих, кои там живут на камнях, выкрашена и с нашивными по их манеру кистями и ремешками»; «шапка деревянная, выкрашена и наставлена зверей морскими усами»; «костяная небольшая статуя по их манеру* (слово не читается. — *С.К.) и их пропись, которую употребляли на голове женщины»; «сумка травяная»; «ложка костяная с резьбой»; «венец с прикраскою»* [СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. № 1. Л. 20 об. — 22 об.]. Кто был собирателем этой коллекции, неизвестно.

В настоящее время в музее находятся на хранении три костяные ложки алеутов (№ 2937–17, № 4104–54, 55). Коллекция № 4104 поступила в МАЭ в 1930 г. из Военно-морского музея, поэтому к старинным поступлениям Кунсткамеры может относиться только ложка № 2937–17. Возможно, именно она поступила в 1767 г. от А.М. Юрлова. «Венцом с прикраскою», т.е. ритуальным головным убором в форме обруча, может быть орнаментированное женское украшение из полоски кожи с вышитым узором (№ 2868–92).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

В 1764–1766 гг. состоялось плавание судна «Св. Петр и Павел» под командованием морехода И.М. Соловьева на остров Уналашка. По возвращении из плавания И.М. Соловьев в рапорте командиру камчатских острогов Тимофею Ивановичу Шмалеву (1736–1789) писал: *«А при том нашли в юрте стрел, кои бросают с досок, сот до трех да луков до десяти, при коих и стрел тоже было немалое число; и как луки, так и стрелы большие и малые я велел переломать, а для оказия взял тут один лук и семнадцать стрел, кои при сем и объявляю»* [Соловьев 1948: 154]. Далее: *«При сем же вывезенного мною от тамошних народов для оказии объявляю вашему благородию мастерства жителей того острова: два ножа железных; а куют они таким манером: взяв железо, положа на камень, а сверху бьют другим камнем же, куют холодное, на огне не нагревают, а вместо того весьма часть мочат морским рассолом или водою; одну парку птичью, две шапки, один пояс, в каких по их обычаю пляшут»* [Там же: 169].

В собрании МАЭ к коллекции И.М. Соловьева может относиться алеутский пояс (№ 2868–235) и металлический нож (№ 2454–3). Их передали в Кунсткамеру в 1828 г. из Музея государственного Адмиралтейского департамента (МГАД). На этикетке МГАД к поясу сделана надпись: «№ 69. Пояс с острова Уналашки», а в другом документе МГАД об этом же поясе сказано: «Нож с о-ва Уналашки — 1» [Курносов, Ларионов, Соболева 2007: 349]. Вероятно, в МГАД пояс и металлический нож прикрепили друг к другу и объединили в один комплект, так как было известно, что алеуты носили ножи в ножнах на поясах [Стеллер 1995: 74]. Алеутский металлический нож (№ 2454–3) однослойный, грубой холодной ковки, с деревянной рукоятью. При изготовлении его рукояти не использовали металлические инструменты. По форме он напоминает короткий японский меч. Японские джонки, увлекаемые течением Куро-Сио, неоднократно прибивало к Алеутским островам.

Сходный по форме алеутский нож изображен на рисунке участника Второй Камчатской экспедиции Фридриха Христиановича Плениснера (?–1778) [Крашенинников 1994, т. 1: 178]. Нет точных сведений, что этот нож относится к сборам И.М. Соловьева, однако его уникальность состоит в том, что это единственный в мире алеутский металлический нож, сохранившийся до наших дней. Как отмечалось, И.М. Соловьев передал свою коллекцию Т.И. Шмалеву. Он был корреспондентом академика Герарда Фридриха Миллера (1705–1783), автора известного труда «История Сибири». Возможно, коллекцию И.М. Соловьева Т.И. Шмалев лично доставил в Санкт-Петербург в 1770 г.

Как упоминалось, у А. Толстых во время исследований Андреяновских островов в 1761–1764 гг. в качестве переводчика находился алеут с о. Атту Никита (Ишака Киникин, Ишаноюк Икитин). В 1765–1768 гг. Никита служил переводчиком на судне «Св. Иоанн Устюжский», экипаж которого в 1766–1768 гг. вел промысел на Умнаке и Уналашке. На обратном пути из-за шторма судно не смогло подойти к о. Атту, и алеута Никиту доставили на Камчатку. Здесь он провел зиму 1768–1769 гг., переболел оспой, был крещен и при крещении получил имя Осип Арсеньевич Кузнецов. К этому времени в Большерецке было получено распоряжение о желании Екатерины II увидеть кого-либо из алеутов. Весной 1770 г. О.А. Кузнецов в сопровождении поручика Т.И. Шмалева выехал в Санкт-Петербург, где они были представлены императрице. За успешно выполненное поручение Т.И. Шмалева 13 июля 1770 г. произвели в капитаны, а алеута наградили золотой медалью и в качестве царского подарка вручили кафтан красного цвета. Из столицы Т.И. Шмалев и О.А. Кузнецов отправились в Москву к академику Г.Ф. Миллеру, который записал несколько сот алеутских слов, надиктованных О.А. Кузнецовым. На обратном пути О.А. Кузнецов заболел и умер, не доехав до Тобольска [Алексеев 1958: 40–42].

В 1766–1770 гг. состоялось плавание бота «Св. Павел» во главе с мореходом, штурманским учеником Афанасием Очерединым. Экипаж судна в течение четырех лет вел промысел на островах Умнак и Уналашка. По завершении экспедиции А. Очередин представил гражданскому губернатору Иркутска Адаму Ивановичу Брилю карту Алеутских островов. В 1771 г. от А.И. Бриля в Кунсткамеру поступила алеутская коллекция, собранная участниками этого плавания. В ее состав входили *«лук один, стрел больших, действующих с досок — три; малых, коими действие происходит же из луков, — пять; шапка алеутская — одна»* [СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. № 1. Л. 33].

В октябре 1771 г. в Санкт-Петербург возвратился капитан Михаил Дмитриевич Левашов (1738–1775), один из руководителей правительственной «Секретной экспедиции». В 1768–1769 гг. ее участники проводили исследования на о. Уналашка, Унимак и полуострове Аляска. В экстракте из журналов руководителей экспедиции сообщается о посещении алеутских селений на полуострове Аляска: *«25 приехали к мысу, где увидели стоящие на берегу две юрты, только во оных*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

ни одного человека не нашли, а нашли 10 вязанок юколы, разных манеров сделанных, из вынутого из промышленных разбитых судов железа 8 ножей, лук и стрелы с костяными и каменными наконечниками, сетку плетеную из жил для рыбной ловли, и костяные три палочки, которые во время шитья женщины втыкают в землю, и с тем шитье вместо придерживания крепят. <...>

И проехав 12 верст южнее 16-го аляскинского мыса, при береге увидели две алеутские юрты, к которым пристали для осмотра и нашли в связках юколу. <...> Видели же сделанный из двух дощечек щит, из палочек деревянных собранные на жилейных нитках двои латы» [Экстракт... 1979: 356].

На некоторых алеутских предметах Кунсткамеры XVIII в. есть рукописные этикетки с порядковыми номерами 72, 75, 80, 84, 88, 89 и др., которые сделал в конце XVIII в. «помощник надсмотрителя по Библиотеке и Кунсткамере» О.П. Беляев. Например, кожаный колчан (№ 4193–84) имел этикетку с надписью «№ 75. Колчан с гладкими стрелами. Алеутской...». Стрелы из этого колчана зарегистрированы в коллекции № 2868 под порядковыми номерами с 1 по 8. Коллекция № 4193 была зарегистрирована в 1931 г. из вещей, утративших музейные этикетки. Они значились как «старинные предметы». В музейных документах неоднократно сообщается о поступлении в Кунсткамеру в 1771 г. алеутской коллекции. Возможно, в том году поступила не только коллекция от А.И. Бриля, но и какие-то вещи из сборов М.Д. Левашова.

В 1775 г. небольшая алеутская коллекция поступила в Кунсткамеру от Т.И. Шмалева — «из травы морской ковер» (плетеная циновка. — *С.К.*) и две плетеные сумки [СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. № 1. Л. 61 об.]. В настоящее время к американской коллекции XVIII в. относится алеутская корзина (№ 2888–92), к которой есть этикетка: «№ 72. Корзина из травы. Американская» и сумка-корзина (№ 2868–238) — «№ 84. Сумка из соломы выплетенная. Алеутская». Эта сумка-корзина не имеет аналогов среди других алеутских плетеных изделий музея. По форме, материалу и технике плетения она является изделием айну Курильских островов.

В 1779 г. «командир» Камчатки «премьер-майор» Магнус Карл Бем (1727–1806) получил этнографическую коллекцию по народам Океании от участников Третьей экспедиции Джеймса Кука (1728–1779). К этой коллекции М.К. Бем добавил несколько вещей ительменов и алеутов и повез ее в Санкт-Петербург. Коллекция, переданная М.К. Бемом, поступила в Кунсткамеру в 1780 г. Из американских предметов в ее состав входили «веревка, сплетенная из жил», «алеутская рубашка из пузырей», «модель алеутской байдарки» [АМАЭ. Ф. К–IV. Оп. 1. № 3. Л. 118]. От модели алеутской байдарки к настоящему времени сохранился только деревянный каркас (№ 2868–214). По конструктивным особенностям он не похож на изделие алеутов.

Еще одна модель алеутской байдарки XVIII в. зарегистрирована под № 2868–115. К алеутской коллекции XVIII в. относится и шаманская погремушка (№ 2867–35), которая у О.П. Беляева названа «мусикийским орудием» [Беляев 1800: 238]. В «наставлениях» участникам торгово-промышленных экспедиций неоднократно упоминалось о необходимости приобретения «мусикийских», т.е. музыкальных, шаманских инструментов. Аналогичная алеутская погремушка есть в коллекции И.И. Биллингса.

В 1799 г. в Кунсткамеру поступила алеутская коллекция от генерал-прокурора Сената Петра Васильевича Лопухина (1753–1827). Его дочь Анна Петровна Гагарина (1777–1805) была фавориткой императора Павла I. Через В.П. Лопухина пытались добиться монопольных прав на освоение Аляски купцы, возглавляемые Павлом Сергеевичем Лебедевым-Ласточкиным (?–1800). Так как в 1799 г. монопольные права получила другая группа купцов, В.П. Лопухин передал находившуюся у него алеутскую коллекцию в Кунсткамеру [Russov 1900: 19]. О предметном составе этой коллекции сведений найти не удалось.

Несмотря на то что собирателей отдельных алеутских предметов Кунсткамеры XVIII в. точно установить не удалось, выявлены имена промышленников и мореходов, занимавшихся сбором коллекций. Таким образом, ограничен круг лиц, которые могли быть их собирателями. Часть предметов, к которым есть этикетки со словом «олеутское», могут относиться к коллекции Ф.А. Кулькова, поступившей в Кунсткамеру в 1764 г. Металлический нож (№ 2454–3) и пояс (№ 2868–235) могли поступить от И.М. Соловьева. Колчан (№ 4193–84) и стрелы (№ 2868–1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8) могут происходить из сборов А. Очередина, М.Д. Левашова либо И.М. Соловьева. От А.М. Юрлова в 1767 г. могли быть получены костяная ложка (№ 2937–17) и женский головной убор (№ 2868–92). Корзина (№ 2888–92) и плетеная сумка (№ 2868–238), возможно, поступили в 1775 г. от Т.И. Шмалева.

Собрание И.И. Биллингса — Г.А. Сарычева

В 1785–1794 гг. состоялась правительственная Северо-восточная географическая экспедиция под руководством Иосифа Иосифовича Биллингса (1761–1806)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

и Гавриила Андреевича Сарычева (1763–1831). Цель экспедиции состояла в комплексном изучении Северо-Восточной Сибири и Аляски и закреплении этих территорий за Россией. На Алеутских островах и Аляске участники экспедиции провели исследования в 1790–1792 гг. Для И.И. Биллингса это была вторая экспедиция в северный район Тихого океана. Первое плавание он совершил в 1776–1780 гг. в составе Третьей экспедиции Дж. Кука. Научный отряд Северо-Восточной географической экспедиции возглавлял натуралист Карл Генрих Мерк (1761–1799). Он проводил исследования и собирал коллекции по инструкции академика Петра Симона Палласа (1741–1811).

В Санкт-Петербургском филиале архива РАН хранится копия списка коллекции И.И. Биллингса, поступившей в Кунсткамеру осенью 1794 г. Этот список был составлен кем-то из сотрудников музея в конце XVIII в. В Кунсткамере к отдельным предметам сделали музейные этикетки, их порядковые номера и надписи на предметах соответствуют номерам вышеупомянутого списка.

Приведем те части списка, где перечислены вещи алеутов.

«10. Платье хорошее жителей Уналашки, из кожи молодого морского медведя сделанное и богато украшенное с принадлежащей к оному

11. деревянною шапкою.

12. Уборы головные.

13. Пояс женский шитый и мужской обыкновенный пояс.

14. Инструмент (систр) из птичьих носов сделанный и при плясках употребляемый. <…>

17. Парка алеутская из птичьих чрев.

18. Циновка уналашская. <…>

31. Три дощечки, метаемые из рук. <…>

55. Костяной щит алеутов, надеваемый на руку при бросании стрел для защиты сустава, соединяющего кость с кистью. <…>

58. Десять разных костяных вырезанных украшений, прикрепляемых к шапкам, с Алеутских островов. <…>

62. Мешок, искусно сшитый из кишок, жителей острова Уналашки». <…>

[СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. До 1918 г. № 9. Л. 381–383].

Вещи алеутов были приобретены летом 1790 г., когда И.И. Биллингс, командуя судном «Слава России», совершил плавание вдоль Алеутских островов и далее к острову Кадьяк и в район залива Принс-Уильям. В результате исследования удалось соотнести с вышеуказанным списком некоторые предметы МАЭ, которые ранее значились как вещи неизвестного происхождения из «старинных коллекций».

«14. Инструмент (систр) из птичьих носов сделанный и при плясках употребляемый» — погремушка-трещотка с клювами топорка (№ 2867–34). Предметы духовной культуры алеутов в этнографических собраниях встречаются редко. В МАЭ имеются подобные по конструкции погремушки эскимосов о. Кадьяк и тлинкитов. На сходный мифологический цикл о происхождении солнца, луны и звезд у тлинкитов и алеутов указывал И.Е. Вениаминов [Вениаминов 1840, ч. III: 47].

«31. Три дощечки, метаемые из рук» — метательные дощечки (№ 2888–27, 30, 31). Из них № 2888–30, 31 — изделия эскимосов о. Кадьяк, № 2888–27 — алеутов.

«58. Десять разных костяных вырезанных украшений, прикрепляемых к шапкам, с Алеутских островов». Возможно, здесь говорится о фигурках птичек (№ 2937–4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12).

Собрание участников кругосветных экспедиций

В 1803–1806 гг. состоялась Первая русская кругосветная экспедиция под руководством Юрия Федоровича Лисянского (1773–1837) и Ивана Федоровича Крузенштерна (1770–1846), которые командовали судами «Нева» и «Надежда». В июле 1804 г. «Нева» стала на якорь в Павловской гавани острова Кадьяк. После месячной стоянки судно отправилось к о. Ситка. Зиму 1804–1805 гг. экипаж судна провел на Кадьяке, в июне 1805 г. «Нева» покинула берега Русской Америки. В течение почти годичного пребывания в Русской Америке Ю.Ф. Лисянский подробно познакомился с культурой местного населения и сделал ее описание. Что касается этнографических коллекций, то их сбором занимались: Ю.Ф. Лисянский, Григорий Иванович Лангсдорф (1774–1852) и Петр Васильевич Повалишин (1775–1852). Также сбором различных «редкостей» занимался капитан «Надежды» И.Ф. Крузенштерн. Известно, что в состав его собрания входили американские вещи. Вероятно, Ю.Ф. Лисянский передал часть своей коллекции И.Ф. Крузенштерну как руководителю экспедиции. После возвращения в Санкт-Петербург в 1806 г. Ю.Ф. Лисянский разделил свое собрание на три части. Одну часть он передал в МГАД, другую — в Кунсткамеру, третью — министру коммерции, графу Николаю Петровичу Румянцеву (1754–1826). П.В. Повалишин передал свою коллекцию в МГАД. Г.И. Лангсдорф отправил свою коллекцию в Германию. И.Ф. Кру-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

зенштерн что-то передал в Кунсткамеру, а основную часть — в Музей искусств Дерптского университета.

К коллекции Ю.Ф. Лисянского, поступившей в Кунсткамеру, составили реестр, который позднее переписали в журнал поступлений музея. В настоящее время в коллекции Ю.Ф. Лисянского № 536 зарегистрировано 28 номеров. К изделиям алеутов в составе этой коллекции относится только один предмет — деревянная шляпа (№ 536–13). Другая часть коллекции Ю.Ф. Лисянского поступила в Кунсткамеру в 1828 г. в составе этнографического собрания МГАД. Из изделий алеутов в ее состав входят ложки (№ 633–19, 20). Корзина (№ 2888–80) поступила от И.Ф. Крузенштерна, но ее собирателем, вероятно, был Ю.Ф. Лисянский. К сборам П.В. Повалишина относится сплетенная из растительного волокна сумка (№ 633–12), верхняя часть от церемониального головного убора (№ 2868–26) и шаманская погремушка-трещотка (№ 633–7).

В 1819–1822 гг. состоялась кругосветная экспедиция под командованием Михаила Николаевича Васильева (1777–1847). Ее целью был поиск северного морского прохода из Тихого в Атлантический океан. Экспедиция совершалась на двух судах: шлюпом «Открытие» командовал М.Н. Васильев, шлюпом «Благонамеренный» — Глеб Семенович Шишмарев (1781–1835). В состав экспедиции входили художник и двое ученых — астроном Павел Васильевич Тарханов (1787–1839) и штаб-лекарь Федор Штейн. Последний исполнял обязанности натуралиста и должен был заниматься сбором различных коллекций. Сбором «оружия диких, их платья и украшений» для Кунсткамеры и МГАД должны были заниматься все офицеры экспедиции.

3 июня 1820 г. шлюп «Благонамеренный» пришел в Уналашку, 17 июня судно отправилось к о. Св. Лаврентия, а затем в район Берингова пролива. Пройдя Берингов пролив, «Благонамеренный» прошел в залив Коцебу и стал на якорь. 16 июля залива Коцебу достиг и шлюп «Открытие». Исследовав побережье «Ледовитого моря», 31 июля суда подошли к о. Св. Лаврентия, а затем отправились к Уналашке. Покинув Уналашку 28 августа, 20 сентября шлюпы стали на якорь в Ново-Архангельске. 24 октября оба судна отправились на зимовку в Калифорнию, куда они прибыли 10 ноября. Простояв в порту Сан-Франциско три месяца, суда вновь вышли в море. Сделав кратковременную остановку в Ново-Архангельске, в конце мая 1821 г. оба судна отправились в северный район Берингова моря. Во время этой навигации экипаж «Благонамеренного» исследовал о. Св. Лаврентия и район Берингова пролива; экипаж «Открытия» — о. Св. Павла, о. Св. Георгия и побережье Берингова моря от Бристольского залива до залива Нортон, когда 11 июля 1821 г. был открыт остров Нунивак.

После возвращения в Санкт-Петербург 1 августа 1822 г. между М.Н. Васильевым и Главным правлением Российско-Американской компании началась дискуссия о первенстве открытия острова Нунивак у берегов Аляски. В записке от 1 декабря 1822 г. М.Н. Васильев писал: *«Жители Нунивака по-алеутски не разумеют, а говорят наречием американцев, носят платье одинакового с ними покроя и совершенно отличаются от алеут обыкновением пронимать нижнюю губу, подобно всем американским племенам к северу, и вставлять в сии пронятые отверстия различные камешки и пронизки, какие и представлены мною с сего острова в Музеум Адмиралтейского департамента»* [Васильев 2005: 137].

В списках дарителей коллекций МГАД фамилия М.Н. Васильева не значится. «Пронизки», о которых он упоминает, — это каменные и костяные втулки, носимые мужчинами в прорезях с двух сторон под нижней губой, которые часто украшались связками ниток с нанизанными на них бисеринами. Вероятно, М.Н. Васильев передал в МГАД в 1822 г. не всю этнографическую коллекцию, собранную во время экспедиции, а только вышеупомянутые «пронизки» как материальное свидетельство открытия о. Нунивак. Согласно журналу поступлений Кунсткамеры коллекция М.Н. Васильева поступила в музей 1 октября 1823 г. [АМАЭ. Ф. К–IV. Оп. 1. № 2. Л. 138]. Других документов о передаче этой коллекции найти не удалось. Поэтому при определении предметов из собрания М.Н. Васильева приходится опираться на косвенные свидетельства.

В архиве МАЭ хранится «Опись американским вещам, находящимся в Кунсткамере» [АМАЭ. Ф. К–IV. Оп. 1. № 13. 13 л.]. Когда этот документ был составлен, сведений нет, однако известно, что в июне 1827 г. в «опись» дописали коллекцию, купленную через П.П. Бекмана. Из этой «описи» к алеутским вещам из сборов М.Н. Васильева можно отнести гарпуны — «74. Стрел американских 4» (№ 2867–15, 2868–129, 130), метательную дощечку — «75. Бросательных дощечек алеутских 6» (№ 2868–111), модели байдарок — «136. Байдарок моделей с алеутами 2» (№ 2868–206, 211).

Музей государственного Адмиралтейского департамента просуществовал под этим названием с 1805 по 1827 г. Этнографическое собрание МГАД состояло из коллекций, полученных от участников кругосветных и полукругосветных экспедиций. В 1806–1809 гг.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

МГАД получил коллекции Ю.Ф. Лисянского, И.Ф. Крузенштерна, П.В. Повалишина — участников первого русского кругосветного плавания. В 1824 г. были получены две коллекции: одна — от С.П. Хрущева, командира шлюпа «Аполлон», другая — от А.П. Лазарева, командира шлюпа «Ладога». Эти корабли посетили Русскую Америку в 1823 г.

В собрание МГАД попала и коллекция декабриста Д.И. Завалишина, изъятая у него при аресте в 1826 г. Д.И. Завалишин находился на Аляске и в Калифорнии в 1823–1824 гг., будучи мичманом на фрегате «Крейсер» под командованием Михаила Петровича Лазарева (1788–1851).

В 1826 г. МГАД реорганизовали и разделили на четыре отдела: модель-камеру, библиотеку, кабинет атласов и карт, натур-кабинет. В состав натур-кабинета вошли этнографические, зоологические, ботанические, минералогические и нумизматические коллекции. По указу Николая I от 19 октября 1827 г. собрание натур-кабинета предписывалось передать в Кунсткамеру. Передача коллекций была осуществлена 5 марта 1828 г. Вместе с вещами в Кунсткамеру передали общий список собрания натур-кабинета — «Ведомость редкостям, отданным из Музеума бывшего государственного Адмиралтейского департамента в Императорскую Академию наук», в дальнейшем — «Ведомость редкостям». На основании изучения «Ведомости редкостям» и других музейных документов к алеутскому собранию МГАД удалось отнести следующие предметы: пояс (№ 2868–235), нож (№ 2454–3), плетеную сумку из сборов Д.И. Завалишина (№ 2868–29), сумочку (№ 633–13), футляры для бритв из сборов И.И. Сизова (№ 633–26, 27).

Иван Иванович Сизов (Сизой) поступил на службу в Российско-Американскую компанию в 1815 г., в период с 1822 по 1825 гг. служил управляющим на Прибыловых островах, а затем на острове Атка. Кому-то из мореплавателей он подарил два костяных футляра для бритвенных приборов. На одном из этих футляров написана его фамилия. Всего в собрании МГАД было три таких футляра, один из них привез М.П. Лазарев. Также фамилия «Сизов» написана на алеутской метательной дощечке (№ 2868–14).

Дмитрий Иринархович Завалишин (1804–1892) прибыл в Русскую Америку в 1823 г. на судне «Крейсер». В «Ведомости редкостям» под порядковым номером 187 значится плетеная сумочка из травы кипрей. Известно, что две алеутские сумочки были изъяты у Д.И. Завалишина в 1826 г. при его аресте. Одна из них находится в ЦВММ, а другая — в МАЭ. Это сумочка № 2868–29, на музейной карточке к ней наклеена бирка с номером 187, что позволяет отнести именно ее к сборам Д.И. Завалишина.

Андрей Петрович Лазарев (1787–1849) в 1822–1824 гг., командуя шлюпом «Ладога», совершил кругосветное плавание. В 1823 г. он находился в Русской Америке. Во время экспедиции А.П. Лазарев собрал многочисленную естественно-научную коллекцию. Из ее состава удалось выявить только алеутскую шляпу-козырек (№ 2868–43), к которой была этикетка «№ 69». Аналогичные этикетки имеются и к коллекции С.П. Хрущева, они соответствуют порядковым номерам списка его коллекции. Эти рукописные этикетки были сделаны сотрудниками МГАД в 1824 г.

Степан Петрович Хрущев (1790–1865) в 1821–1824 гг. в чине лейтенанта совершил кругосветное плавание на шлюпе «Аполлон». 31 марта 1822 г., после кончины командира шлюпа капитана 1-го ранга И.С. Тулубьева, С.П. Хрущев принял командование судном. В Русскую Америку «Аполлон» прибыл 10 октября 1822 г., зиму 1822–1823 гг. его экипаж провел в Калифорнии, с 9 апреля по 3 сентября шлюп находился в водах Аляски, а затем вновь отправился в Калифорнию. В обратное плавание «Аполлон» вышел 12 января 1824 г. Коллекция С.П. Хрущева поступила в МГАД в октябре 1824 г. Приведем те части списка его коллекции, где перечислены алеутские вещи. В настоящее время на музейных этикетках некоторых предметов МАЭ написаны номера, соответствующие порядковым номерам этого списка.

«28. Уналашенская шапка китобоев (№ 2868–40. — *С.К.)*.

29. Алеутская корневая шляпа.

30. Модель Лисьевской однолючной китобойной байдарки с прибором. <…>

35. Манщик или чучела нерпичья для ловли оных.

36. Линь из жил к манщику нерпичьему. <…>

38. Сумка кишечная.

39. Камлейка праздничная алеутская.

40. Парка женская из урильих шеек.

41. Одеяло такое же.

42. Нитки и шнурки из жил алеутские (№ 2868–222. — *С.К.)*.

43, 44. Бумажники работы алеуток (№ 633–14, 15. — *С.К.)»*

[РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 764. Л. 28–30].

Также необходимо указать на вещи, которые могут происходить из собрания МГАД. В коллекции № 2868 зарегистрировано несколько алеутских шляп-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

козырьков, собиратели которых неизвестны. Согласно «Ведомости редкостям» из МГАД в Кунсткамеру передали восемь шляп-козырьков. После того как собиратели двух шляп (№ 2868—43, 40) установлены, можно предположить, что шляпы-козырьки (№ 2868—44, 84, 42, 80, 83, 106) относятся к сборам русских мореплавателей. В отношении других деревянных головных уборов алеутов МАЭ имеются сведения либо о времени их поступления, либо о том, из каких учреждений они были переданы в музей.

В 1930 г. из Военно-морского музея (преемника МГАД / Морского музея) в МАЭ передали этнографическую коллекцию по алеутам и эскимосам № 4104, которая была собрана до продажи Русской Америки в 1867 г. Бóльшую часть этой коллекции составляют орудия морской охоты, модели байдарок и отдельные части костюмов морских охотников — камлейки, шляпы-козырьки, дорожные сумки. Многие предметы очень хорошего качества, они практически новые и не использовались в быту, среди них есть уникальные вещи. Это говорит о том, что коллекция № 4104 была собрана по специальному заданию. Сбором этнографических коллекций по специальным инструкциям ИАН занимались участники только трех кругосветных экспедиций: И.Ф. Крузенштерна — Ю.Ф. Лисянского, М.Н. Васильева — Г.С. Шишмарева, Ф.П. Литке — М.Н. Станюковича.

В 1826—1829 гг. состоялась комплексная экспедиция Ф.П. Литке — М.Н. Станюковича по исследованию побережья северной части Тихого океана. Общее руководство экспедицией и командование военным шлюпом «Моллер» было поручено Михаилу Николаевичу Станюковичу (1786—1869). Федор Петрович Литке (1797—1882) командовал шлюпом «Сенявин». На Уналашку в Гаванское селение «Моллер» прибыл 30 августа 1827 г., здесь судно оставалось до 5 сентября, а затем взяло курс на Ново-Архангельск. Зиму 1827—1828 гг. провели на Гавайских островах. Вновь «Моллер» прибыл на Уналашку 27 апреля 1828 г. В мае экипаж проводил опись Алеутских островов, а с 3 июня — северной части полуострова Аляска от Исаноцкого пролива до устья реки Накнек. 26 июля шлюп вернулся на Уналашку и 3 августа отправился в обратный путь в Россию. Шлюп «Сенявин» находился в водах Русской Америки летом 1827 г. — около пяти недель в Ново-Архангельске, затем посетил Уналашку, Прибыловы острова, исследовал о. Св. Матвея и останавливался у Командорских островов.

На «Сенявине» находились ученые — натуралист Андрей Карлович (Карл Генрих) Мертенс (1796—1830), минералог и художник Александр Филиппович Постельс (1801—1871), естествоиспытатель и художник Фридрих Генрих Киттлиц (1799—1874). В состав экипажа «Моллера» входил натуралист Иван Кастальский и художник Павел Николаевич Михайлов (1786—1840) [Корсун 2007: 242—246]. Они собрали большое количество одежды, оружия, домашней утвари и украшений разных народов, в том числе населения Русской Америки. Некоторые из этих предметов изображены на рисунках А.Ф. Постельса, Ф.Г. Киттлица и П.Н. Михайлова. Как упоминалось, научные отряды «Моллера» и «Сенявина» работали по инструкциям и программам Императорской Академии наук. Возможно, коллекция № 4104 была собрана участниками этой экспедиции.

Образование Этнографического музея

В 1836 г. произошло официальное разделение Кунсткамеры на семь самостоятельных музеев, когда из ее состава выделили Этнографический, Анатомический и другие музеи. Из всех новых музеев Этнографический оказался в наихудшем положении, так как у него не было директора. Им по академическому уставу мог быть только академик, но в тот период ни один из действительных членов ИАН не занимался этнографией. Ответственным за Этнографический музей в 1837 г. назначили минералога А.Ф. Постельса — участника экспедиции 1826—1829 гг. на военном шлюпе «Сенявин», хранителем его коллекций по совместительству стал «консерватор» — хранитель Зоологического музея Егор Иванович Шрадер. В 1845 г. директором Этнографического музея утвердили академика Андрея Михайловича Шегрена (1794—1855), должность хранителя в октябре 1846 г. занял лингвист Леопольд (Лев) Федорович Радлов (1818—1865).

В 1838 г. в Этнографический музей поступила небольшая коллекция № 568 от летописца Русской Америки Кирилла Тимофеевича Хлебникова (1784—1838). Первоначально она состояла из пяти предметов, в настоящее время в этой коллекции зарегистрированы алеутская шляпа-козырек и эскимосский лук. Эти вещи К.Т. Хлебников мог приобрести во время одной из инспекторских поездок по отделам Российско-Американской компании. Во время летней навигации 1825 г. на бриге «Байкал» он посетил о. Уналашку, Прибыловы острова и о. Атку. В 1827 г. на судне «Кяхта» К.Т. Хлебников посетил острова Атку, Беринга, Атту и Амчика, в 1829 г. на бриге «Головнин» — о. Уналашку и Прибыловы острова.

Также к поступлениям 1838 г. относится собрание, зарегистрированное Францем Ивановичем Рупрехтом (1814—1870). На некоторых предметах музея сохранилась карандашная надпись — «Ruprecht 1838». Ф.И. Рупрехт в 1838 г. поступил на службу в Ботанический

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

музей ИАН. Вероятно, его привлекали и к регистрации этнографических коллекций, либо эти вещи первоначально поступили в Ботанический музей, а уже оттуда их передали в Этнографический музей. Всего удалось выявить четырнадцать предметов, на которых карандашом написана фамилия — Ruprecht. Их бóльшая часть относится к изделиям алеутов. Это метательная дощечка (№ 2868–12), семь легких гарпунов для охоты на каланов (№ 2868–129—135), четыре гарпуна для охоты на сивучей (№ 2868–142, 161, 167, 228), легкий гарпун, бросаемый с метательной дощечки (№ 2868–225). Только один предмет — лук (№ 2915–25), имеющий надпись с фамилией Рупрехта, — не является алеутским. Кто был собирателем этой коллекции, установить не удалось.

В начале 1840-х годов в Этнографический музей поступила коллекция от «купеческого сына» Василия Ивановича Кашеварова. В 1831–1838 гг. он являлся управляющим Кадьякского отдела Российско-Американской компании, в 1839 г. возвратился в Санкт-Петербург. В настоящее время часть коллекции В.И. Кашеварова зарегистрирована в коллекции № 518, она состоит из вещей чугачей и денайна. Также к его сборам относится алеутская деревянная шляпа (№ 2868–38), на этикетке к которой написана фамилия Кашеварова. В МАЭ есть две коллекции, полученные от Кашеваровых, — В.И. Кашеварова и А.Ф. Кашеварова, и к обоим из них есть списки предметов. Алеутская деревянная шляпа указана только в списке коллекции В.И. Кашеварова.

Экспедиция И.Г. Вознесенского в Русскую Америку

Главным правителям Русской Америки из ИАН неоднократно отправлялись наставления по сбору «предметов естественной истории». В 1834 г. несколько экземпляров отпечатанных в типографии «наставлений» получил Фердинанд Петрович Врангель (1796–1870). Он переслал эти наставления правителям контор Российско-Американской компании на Кадьяк, Уналашку, Атку и в Калифорнию. В 1838 г. главное правление Российско-Американской компании в Санкт-Петербурге получило отношение от ИАН с просьбой прислать череп и кости морской коровы. Это отношение переслали в Ново-Архангельск главному правителю Ивану Антоновичу Купреянову (1799–1857).

После разделения Кунсткамеры в 1836 г. выяснилось, что американские собрания специализированных музеев крайне малочисленны. Чтобы восполнить коллекции, руководство ИАН приняло решение отправить в Русскую Америку и на Камчатку одного из сотрудников. Выбор остановили на помощнике хранителя Зоологического музея Е.И. Шрадера — Илье Гавриловиче Вознесенском (1816–1871), которому в 1839 г. исполнилось двадцать три года. Он происходил из мещанского сословия, был сыном отставного унтер-офицера, работавшего при Академии. И.Г. Вознесенский получил «самое элементарное образование», соответствовавшее его социальному положению. В возрасте пяти лет его определили «наборным учеником» в академическую типографию, где он проработал шесть лет, затем его перевели в Зоологический музей. В детстве И.Г. Вознесенский самостоятельно выучил французский и немецкий языки, а позднее — испанский. По-немецки он говорил свободно, в то время почти все сотрудники ИАН были немцами по происхождению и немецкий язык являлся «рабочим языком» в их среде.

И.Г. Вознесенский отправился из Санкт-Петербурга в Русскую Америку 20 августа 1839 г. на транспорте «Николай I». На этом же судне находился новый главный правитель русских владений в Америке Адольф Карлович Этолин (1798–1876). К месту назначения в Ново-Архангельск судно прибыло 1 мая 1840 г. Здесь И.Г. Вознесенский оставался более двух месяцев. Главный правитель И.А. Купреянов назначил в помощники И.Г. Вознесенскому ученика местной школы — тринадцатилетнего креола Филата Дружинина (1827–1862), который стал его постоянным спутником. За пятилетнее пребывание в Русской Америке И.Г. Вознесенский посетил почти все ее районы. Являясь зоологом, он собирал и этнографические коллекции сериями, а не отдельными предметами. И.Г. Вознесенский приобрел алеутскую байдарку со всем охотничьим снаряжением. Сериями же он собирал маски, посуду, предметы вооружения и т.д. Что касается предметов, которые он получал как подарки, то в своих дневниках И.Г. Вознесенский отмечал, кто подарил ту или иную вещь. Посылки с коллекциями И.Г. Вознесенский отправлял в течение всего пребывания в экспедиции. Из-за недостатка выставочных площадей в музее посылки с коллекциями И.Г. Вознесенского не распаковывались и не регистрировались. В начале XX в. более половины собрания И.Г. Вознесенского оказалось зарегистрированным в сборных коллекциях и коллекциях, которые числились как «старинные поступления музея». В настоящее время значительная часть этих предметов атрибутирована [Корсун 2005: 123–165].

6 мая 1843 г. И.Г. Вознесенский вышел в плавание к Алеутским островам на бриге Российско-Американской компании «Охотск» под командованием шкипера Антона Егоровича Нецветова (1814–?). Во время этого

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Алеуты в охотничьих костюмах, о. Умнак. Фото В.И. Иохельсона, 1910 г., МАЭ № 2826–53

путешествия он посетил о. Унга из Шумагинского архипелага, о. Уналашку, Прибыловы острова. На о. Унга И.Г. Вознесенский посетил алеутское селение Унгинское (Греко-Деларовское). Какие этнографические предметы И.Г. Вознесенский приобрел здесь, точно установить не удалось. 31 мая бриг «Охотск» встал на якорь в Гаванском селении на острове Уналашка, здесь судно простояло в течение шести суток. 8 июня судно останавливалось у о. Св. Георгия, где И.Г. Вознесенский провел несколько часов. На следующий день «Охотск» подошел к о. Св. Павла, однако высадиться на берег не удалось. И.Г. Вознесенский отправил на остров своего помощника Ф. Дружинина, который должен был провести здесь самостоятельные исследования, в то время как И.Г. Вознесенский на «Охотске» отправился в район Берингова пролива. В начале сентября 1843 г. бриг «Охотск» вышел в обратное плавание из залива Нортон и взял курс на Уналашку, по пути зашел на Прибыловы острова, где забрал Ф. Дружинина. Почти три месяца, проведенные им на островах, оказались не так успешны в отношении сбора этнографических коллекций, как на это рассчитывал И.Г. Вознесенский. Это объясняется тем, что алеуты Прибыловых островов являлись наемными рабочими Российско-Американской компании, которая снабжала их всем необходимым. Они не имели ни времени, ни инструментов, чтобы заниматься побочными промыслами. Ф. Дружинин приобрел на о. Св. Павла одежду, дорожные сумки, материал и нитки для шитья. Большую помощь в сборе различных коллекций ему оказал управляющий островом креол Касьян Васильевич Шаяшников (1796–1859).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Охотники в байдарке, о. Умнак. Фото В.И. Иохельсона, 1910 г., МАЭ № 2826–109

Во время стоянки «Охотска» у берегов Уналашки, в середине сентября 1843 г., И.Г. Вознесенский значительно пополнил коллекции по алеутам. Здесь он познакомился с главным тоеном Уналашкинского отдела Иваном Гавриловичем Паньковым (1778?–1849), который ранее помогал Ивану Евсеевичу Вениаминову (митрополиту Иннокентию, 1797–1879) в переводе церковных книг на алеутский язык. И.Г. Вознесенский купил у И.Г. Панькова однолючную байдарку с полным комплектом орудий охоты. К сборам этого периода относится и многочисленная коллекция орудий морской охоты, головных уборов и одежды. На Уналашке добровольным помощником И.Г. Вознесенского стал «лекарский ученик» Иван Семенович Петелин (?–1858). Впоследствии И.С. Петелин посылал в Ново-Архангельск различные коллекции доктору А.Д. Романовскому — близкому знакомому И.Г. Вознесенского.

Весной–летом 1844 г., во время плавания к Курильским островам и обратно, И.Г. Вознесенский еще раз посетил Алеутские острова. Он вышел из Ново-Архангельска 25 апреля на бриге «Промысел» под командованием Александра Михайловича Гаврилова (1816–1848). После исследований на Курильских островах 17 июля бриг пришел в Петропавловск-Камчатский. В обратное плавание И.Г. Вознесенский вышел 25 июля на галиоте «Мореход». Судно взяло курс к острову Беринга и после двухдневной остановки (28–29 июля) отправилось к острову Атту, а затем к Атке, где галиот находился до начала двадцатых чисел августа. К сборам этого периода относятся орудия охоты, модели байдарок, изделия из моржовой кости и две парки алеутов о. Атка (№ 2888–82, 86). Известно, что парку № 2888–86 И.Г. Вознесенский приобрел у тоена Н.В. Дедюхина за 25 рублей. Николай Васильевич Дедюхин (?–1852) являлся главным тоеном Атхинского отдела с 1824 г. до своей смерти в 1852 г. В одном из списков коллекций И.Г. Вознесенского об этой парке сказано: *«Тоенская парка, или парка старшин алеутов о-вов Андреяновской группы. Сшитая из шкурок птиц, называемых топорками (Fratercula cirrata), парка эта украшена волосами диких горных коз и узорчатыми прошивками самой изящной работы, какая только может встречаться на Алеутском архипелаге; воротник, опушка на рукавах и вокруг подола, равно как и висящие ремешки, — из шкурок бобра или морской выдры (Enydris marina)»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. До 1918 г. № 9. Л. 124 об.].

26 августа 1844 г. «Мореход» подошел к острову Св. Павла и, простояв здесь в течение дня, отправился к острову Св. Георгия, где также сделал только кратковременную остановку. С июня 1845 г. по сентябрь 1848 г. И.Г. Вознесенский проводил исследования на Камчатке и на побережье Охотского моря, а затем на судне «Атха» выехал в Россию. В Кронштадт он прибыл 23 июня 1849 г. За десятилетнее пребывание в экспедиции И.Г. Вознесенский собрал более десяти тысяч насекомых, 3687 предметов по зоологии, 1054 — по этнографии, сделал гербарий на двух тысячах ли-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

стах, собрал около восьмисот образцов минералов и сделал более 150 рисунков.

Собрание Этнографического музея

Благодаря собирательской деятельности И.Г. Вознесенского многие служащие Российско-Американской компании стали заниматься сбором различных коллекций. Врач, штаб-лекарь Александр Данилович Романовский поступил на службу в Российско-Американскую компанию в 1838 г. В Русскую Америку он отправился в 1839 г. на судне «Николай I». На этом же судне находились И.Г. Вознесенский и А.К. Этолин. После окончания срока службы в Русской Америке А.Д. Романовский уехал в Россию через Сибирь. С 1846 г. служил врачебным инспектором при Московском университете. Свою этнографическую коллекцию он передал в Этнографический музей во второй половине 40-х годов XIX в. (№ 568). В настоящее время в ее составе числится 29 предметов. Это метательная дощечка и легкие гарпуны алеутов, стрелы индейцев Калифорнии и три модели каяков эскимосов о. Кадьяк. Первоначально коллекция А.Д. Романовского была более многочисленной. Несколько предметов его собрания в настоящее время зарегистрированы среди сборных коллекций.

К десяти предметам североамериканского собрания музея есть этикетки, на которых по-немецки написано: «Middendorf. 28 Aprel 1847», на некоторых из них сделана приписка — «Вознесенский». Известный исследователь Александр Федорович (Теодор) Миддендорф (1815–1894) в 1842–1845 гг. совершил путешествие по Северо-Восточной Сибири — через Иркутск в Якутск, оттуда на побережье Охотского моря, затем на Шантарские острова и в район Амура. А.Ф. Миддендорф и И.Г. Вознесенский в середине 1840-х годов не встречались, но знали об исследованиях друг друга. Они были ровесниками, оба одновременно работали в составе академических экспедиций и занимались сбором естественно-научных коллекций. Возможно, в 1844–1845 гг. И.Г. Вознесенский получил от А.Ф. Миддендорфа какую-то коллекцию и в качестве ответного дара отправил ему этнографическую коллекцию по народам Русской Америки. К изделиям алеутов в коллекции А.Ф. Миддендорфа относятся три фигурки каланов (№ 2937–25, 26, 27), инструмент для расщепления нитей (№ 2938–20), гравированная пластина (№ 2938–19), костяная модель двухлючной байдарки (№ 7497–4). Можно предположить, что 28 апреля 1847 г. И.Г. Вознесенский отправил эту коллекцию на имя А.Ф. Миддендорфа либо в этот день ее получили в Санкт-Петербурге.

С капитаном Российско-Американской компании Илларионом Ивановичем Архимандритовым (1822?–1872) И.Г. Вознесенский познакомился в первые дни своего пребывания в Русской Америке. И.И. Архимандритов был креолом — сыном русского и алеутки. Образование он получил в Санкт-Петербурге, в 1833–1837 гг. учился на штурмана в Училище торгового мореплавания. Затем вернулся на Аляску и плавал на судах Российско-Американской компании сначала штурманом, а затем шкипером — капитаном торговых судов. В середине XIX в. Российско-Американская компания активно участвовала в освоении района Амура и о. Сахалин, ее флот совершал регулярные плавания между Аляской и Дальним Востоком России.

В 1853–1856 гг. состоялась экспедиция натуралиста Леопольда Ивановича Шренка (1826–1894) по исследованию природы и населения Сахалина и Приамурья. Во время пребывания на Дальнем Востоке в 1854–1856 гг. Л.И. Шренк познакомился с И.И. Архимандритовым, который передал ему две церемониальные маски алеутов о. Атка (№ 536–1, 2). Они относятся к числу уникальных экспонатов музея. Коллекция И.И. Архимандритова «предметов естественной истории и этнографии» поступила в Этнографический музей в 1857 г. В настоящее время в различных музеях мира находится менее двадцати алеутских масок и их фрагментов. Маски из коллекции И.И. Архимандритова являются наиболее хорошими по сохранности. Они были приобретены в середине XIX в., когда у алеутов сохранялась память о ритуалах, связанных с их использованием.

Коллекция креола Аполлона Филипповича Кашеварова (1825–?) поступила в Этнографический музей в 1866 г. А.Ф. Кашеваров с 1840 г. состоял писарем при ново-архангельской конторе Российско-Американской компании. В 1865 г. по окончании обязательного для креолов двадцатипятилетнего срока службы он вместе с семьей выехал в Россию. 11 августа 1866 г. А.Ф. Кашеваров отправил на имя И.Г. Вознесенского посылку с этнографическими предметами, среди которых были «13 поддонов разных, сплетенных из травы». В настоящее время в музее имеется только один сосуд (№ 2868–53), который подходит под это описание. Он повторяет форму европейского блюда для пищи с двумя ручками с боковых сторон.

Образование Музея антропологии и этнографии

В 70-е годы XIX в. при Физико-математическом отделении ИАН создали комиссию, которая рассматривала вопрос об объединении Анатомического и Этнографического музеев. Особенно активно

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Алеуты выезжают на промысел морских животных, о. Умнак. Фото В.И. Иохельсона, 1910 г., МАЭ № 2826–91

в составе комиссии работал академик Л.И. Шренк. 24 октября 1878 г. от членов комиссии в канцелярию Конференции ИАН поступило предложение об образовании Музея антропологии и этнографии. Через год, 22 октября 1879 г., решение о создании объединенного музея утвердил император. 10 ноября состоялось заседание Физико-математического отделения ИАН, на котором официально объявили о слиянии Этнографического и Анатомического музеев в единый «Музей антропологии и этнографии преимущественно народов России». В тот же день его директором утвердили Л.И. Шренка.

В конце XIX в. состоялось несколько крупных передач в МАЭ этнографических и археологических коллекций из других музеев. Самое значительное по объему собрание МАЭ получил в 1891 г. из музея Императорского Русского географического общества (ИРГО). С момента основания ИРГО в 1845 г. в его структуре действовало Отделение этнографии под руководством академика Карла Максимовича (Эрнеста) Бэра (1792–1876). В 1848 г. при ИРГО создали музей, в который стали поступать различные естественно-научные коллекции. В состав многих коллекций входили этнографические предметы, собранные как в России, так и за границей. В то время Русская Америка входила в состав Российской империи, соответственно коллекции музея ИРГО по народам Аляски относили к населению России. По мере увеличения коллекций перед музеем ИРГО все острее становилась проблема нехватки музейных площадей. В 1891 г. руководство ИРГО приняло решение о ликвидации музея и передаче его коллекций в МАЭ.

Основную часть американского собрания музея ИРГО зарегистрировали в МАЭ в 1897 г. в коллекции № 337. Бóльшая часть этой коллекции состоит из сборов Петра Петровича Дорошина (1823–1875). В 1845 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Деталь фото МАЭ № 2826–91

он окончил Институт корпуса горных инженеров в Санкт-Петербурге и после прохождения практики поступил на службу в Российско-Американскую компанию. В Русской Америке он находился с 1848 по 1853 г. Как и другие служащие Российско-Американской компании, П.П. Дорошин был знаком с И.Г. Вознесенским. В 1854 г. после возвращения в Санкт-Петербург он передал свою этнографическую коллекцию в музей ИРГО. В 1879 г. издали каталог коллекций этого музея, где перечислены следующие алеутские вещи из сборов П.П. Дорошина:

«512. Шляпа Лисьевских алеут с острова Унги, надеваемая в байдарке. <...>

520. Изделия Лисьевских алеутов острова Унги и нитки из жилы кита, которыми шьют алеутки, камлейки из лисьих кишок или кишок медведя, парки из птичьих или звериных шкурок (№ 337–4, 8. — *С.К.*). <...>

522. Байдарка однолючная Лисьевских алеутов, с острова Унги (№ 2868–212. — *С.К.*). <...>

524. Решетка двухлючной байдарки и байдарка Лисьевских алеут острова Унги (№ 337–9, 10, 12 и 4193–50, 51. — *С.К.*). <...>

528. Звери из моржового клыка, изделие Лисьевских алеут Бельковского селения на юго-восточном берегу Аляски (№ 337–17/1, 17/2, 17/3. — *С.К.*). <...>

533. Стрелки Лисьевских алеут с острова Унги. Большою стрелкою бьют нерп (тюленей), малою — морских выдр. Обе стрелки бросают не с лука, а с дощечки, служащей как бы продолжением указательного пальца.

534. Дощечка, с помощью которой Лисьевские алеуты бросают свои стрелки. С острова Унги (№ 337–21/1, 21/2, 21/3, 21/4, 21/5 и 2888–74. — *С.К.*). <...>

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

549. Дощечки для бросания бобровых стрел, которые иногда пускаются из лука (№ 2868–116. — *С.К.*) <...>» [Каталог... 1879: 24–25].

П.П. Дорошин опубликовал несколько статей о своих исследованиях в Русской Америке. Большинство из них посвящены геологии, и только одна статья имеет характер путевых заметок. В ней есть этнографические сведения о чугачах, ияк и атена. Кроме коллекций П.П. Дорошина, в МАЭ имеются и другие вещи народов Русской Америки, поступившие из музея ИРГО. Из алеутских предметов к ним относится гарпун (№ 2867–1), переданный врачом фактории Аян Густавом Ивановичем Шнейдером (1823–1886). Он находился на службе в Российско-Американской компании с 1854 г. до середины 60-х годов XIX в.

Собрание по алеутам Командорских островов

Оригинальным собранием МАЭ является коллекция по алеутам Командорских островов, полученная от цесаревича Николая Александровича Романова (1868–1918). Эту коллекцию Николаю Александровичу подарили в 1891 г., когда он совершал путешествие по странам Востока. Предполагалось, что цесаревич посетит Командорские острова. Этого не произошло, но коллекцию, приготовленную для него алеутами, впоследствии передали наследнику престола. В МАЭ она поступила в 1896 г. В 1892–1893 гг. коллекция находилась на выставке подарков, преподнесенных Николаю Александровичу во время путешествия по странам Востока. В каталоге этой выставки указаны следующие алеутские предметы:

«647. Байдара с одиннадцатью пассажирами (№ 313–47. — *С.К.*).

648. Две байдарки однолючные (№ 313–48/1, 48/2. — *С.К.*).

649. Байдарка с двумя пассажирами (№ 313–49. — *С.К.*).

650. Байдарка трехлючная (№ 313–50. — *С.К.*).

651. Лыжи и посох (№ 313–51 a, b, c. — *С.К.*).

652. Образцы всевозможных снарядов, которыми дикие северные инородцы ловят песцов, с незапамятных времен пользуясь именно такими промысловыми орудиями (№ 313–52, 55, 56, 57. — *С.К.*).

658. Инородческая землянка (№ 313–58. — *С.К.*).

659. Сеть для ловли птиц (№ 313–59. — *С.К.*).

660. Боевая стрела (№ 313–60. — *С.К.*).

661. Два снаряда (для ловли птиц) (№ 313–61, 62. — *С.К.*).

663. Сума (№ 313–63. — *С.К.*).

664. Плясовой костюм (прежних времен).

665. Парка птичья (№ 313–64. — *С.К.*).

666. Инородческая одежда и рукавицы (№ 313–66 a, b, c, d. — *С.К.*).

668. Алеутская шапка, для танцев (№ 313–68, 69, 70. — *С.К.*)». [Каталог выставки... 1998: 72–73].

Коллекция вызывает большой научный интерес как единственное комплексное собрание МАЭ по обособленной группе алеутов Командорских островов. Первую группу алеутов завезли на Командоры в 1825 г., в 1872 г. 30 человек переселили с о. Атту. В 1877 г. жителей из трех поселений на Курильских островах в количестве 83 человек переселили в Петропавловск-Камчатский. В следующем 1878 г. были переселены с Курил последние 15 человек. В числе этих переселенцев было несколько десятков алеутов с Андреяновских островов, среди них были семьи Михаила Пышенкова, Кирилла Галкина, Прокопия Попова, Климента Лошева, Мифодия Шипицина, Степана Пышенкова [Шубин 1992: 40]. В 1888 г. из «курильцев» в живых осталось только 26 женщин и детей, которых тогда же переселили на о. Беринга. На Командорских островах алеуты жили двумя обособленными группами. Алеуты, происходившие с Атки и других Андреяновских островов, жили на о. Беринга. Алеуты с Атту — на о. Медном.

Ко времени формирования коллекции в 1890 г. алеуты Командорских островов подверглись сильному влиянию как русской, так и американской культур (в 1871 г. на двадцать лет острова были сданы в аренду Американской торговой компании). Несмотря на это, они сохраняли навыки изготовления многих предметов традиционной культуры, о чем и свидетельствует настоящая коллекция. В ней зарегистрировано двадцать четыре номера, которые объединяют несколько десятков предметов. Это модели байдарок с фигурками охотников — однолючные (№ 313–48/1, 48/2), двухлючная (№ 313–49) и трехлючная (№ 313–50). Также имеется модель байдары — большой открытой лодки — с одиннадцатью фигурами охотников (№ 313–47). Такие лодки использовались при промысле китов и при переездах женщин с детьми.

Оригинальным изделием является модель алеутского полуподземного жилища, в конструкции которого видны следы русского влияния. Входное отверстие в крыше традиционного алеутского жилища заменено дверью с его боковой стороны (№ 313–58). Европейское влияние проявляется в конструкции ловушек для промысла песцов (№ 313–52, 55, 56, 57) и в детском костюме, который хотя и сделан из пищевода сивуча, но не в виде камлейки,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Охотник у байдарки, о. Атту. Фото В.И. Иохельсона, 1909 г., МАЭ № 2826–284

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Бараборы — жилища полуподземного типа. Селение Никольское, о. Умнак. Фото В.И. Иохельсона, 1909 г., МАЭ № 2826–527

а в виде куртки со штанами, сапог и рукавиц (№ 313–66 a, b, c, d). Сибирское влияние легко увидеть в лыжах с посохом (№ 313–51a, b, c) и в кожаной сумке (№ 313–63),

К изделиям традиционной культуры алеутов относятся плетеная корзина (№ 313–53), модель сети для ловли птиц (№ 313–59), модель гарпуна для охоты на калана (№ 313–60), модель метательной дощечки (№ 313–61), модель сачка для ловли птиц (№ 313–62), детская парка из птичьих шкурок (№ 313–64), два мужских танцевальных головных убора (№ 313–68, 70) и женская накидка-платок (№ 313–69). Этот перечень показывает, что в конце XIX в. алеуты сохраняли основной комплекс предметов традиционной культуры.

В МАЭ есть отдельные предметы и небольшие коллекции других собирателей по алеутам Командорских островов. В 1890 г. от исследователя Арктики Александра Александровича Бунге (1851–1930) поступила модель двухлючной байдарки (№ 2867–37). В 1887–1890 гг. А.А. Бунге в составе экипажа клипера «Разбойник» проводил научные исследования в северной части Тихого океана и посетил Командорские острова. В 1906 г. из Геологического музея ИАН поступила праща (№ 1026). Геологическому музею ее передал зоолог Отто Альфред Федорович Герц (1852–1905), который в конце XIX в. проводил зоологические исследования на Командорах. От врачебного инспектора Камчатки Александра Юлиановича Левитского (1863–?) в 1912 г. поступила модель байдарки (№ 1975). В 1915 г. хранитель Хабаровского краеведческого музея им. Н.И. Гродекова М. Венедиктов отправил в МАЭ три модели байдарок (коллекция № 2442). В 1927 г. от О.Д. Ниловой поступили две камлейки алеутов Командорских островов, приобретенные адмиралом Константином Дмитриевичем Ниловым (1856–1919) в конце XIX в. (коллекция № 3483). Антропологические коллекции № 322, 2057, 5215 в конце XIX — начале XX в. поступили от зоолога Николая Александровича Гребницкого (1849–1908), который

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Полуподземное жилище. Селение Никольское, о. Умнак. Фото В.И. Иохельсона, 1909 г., МАЭ № 2826–493

в 1877–1907 гг. был начальником промыслов на Командорских островах.

В 20–30-е годы XX в. алеутские предметы неизвестного происхождения были зарегистрированы в коллекциях № 2867, 2868, 2888, 2937, 2938, 4193. В 1930-е годы благодаря межмузейному обмену в МАЭ поступило несколько этнографических коллекций из других музеев. В 1930 г. из Строгановского дворца-музея была передана сборная коллекция по алеутам и эскимосам № 4087. Тогда же поступила алеутская коллекция из Военно-морского музея № 4104, в 1931 г. из этого музея поступила еще одна коллекция, в составе которой были вещи алеутов (№ 4270). В 1932 г. из Государственной академии истории материальной культуры передали сборную коллекцию по алеутам и эскимосам № 4507. В том же году коллекция по народам Русской Америки поступила из музея Академии художеств (№ 4291). Последний по времени поступления алеутский предмет был передан в МАЭ в 1984 г. из Государственного Эрмитажа (№ 6708–5). При подготовке настоящего каталога алеутские вещи, давно утратившие музейные номера, были перерегистрированы в коллекции № 7497.

Кроме вещевых коллекций, в МАЭ есть небольшая иллюстративная коллекция из двенадцати групповых снимков алеутов селения Преображенского о. Медного № 4566. Эти фотографии были сделаны в конце XIX — начале XX в. На некоторых фото алеуты изображены в фуражках с надписью на околыше «О. Медный». До 1917 г. все алеуты, достигшие двадцати лет, зачислялись в службу охраны котиковых лежбищ, и каждому из них выдавали морскую форму: брюки, китель и фуражку с надписью «О. Медный» или «О. Беринга».

Экспедиция В.И. Иохельсона на Алеутские острова

Владимир Ильич Иохельсон (W. Jochelson, 1855–1937) начал сотрудничать с МАЭ в 1898 г., в 1912–1917 гг.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

он являлся внештатным сотрудником музея, а в 1918–1922 гг. был штатным сотрудником. Что касается его вклада в изучение алеутов, то в 1909–1910 гг. В.И. Иохельсон провел этнографические и археологические исследования на Алеутских островах. Позднее он передал часть своих полевых материалов в МАЭ.

В 1908 г. ИРГО организовало комплексную экспедицию по изучению Камчатки, которую профинансировал московский меценат Федор Павлович Рябушинский (1885–1910). По рекомендации директора МАЭ Василия Васильевича Радлова (1837–1918) Ф.П. Рябушинский предложил В.И. Иохельсону провести этнографические исследования на Камчатке. В.И. Иохельсон включил в план работы не только изучение ительменов, но и комплексное исследование населения Алеутских островов. В апреле 1908 г. В.И. Иохельсон выехал в Англию. В Лондоне он занимался изучением алеутского языка по работе И.Е. Вениаминова «Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка». В.И. Иохельсон писал: *«Готовясь в 1908 г. в Британском музее к поездке на Алеутские острова, я изучил также работу И.Е. Вениаминова. Она дала мне известную подготовку по алеутскому языку, значительно ускорившую предварительную стадию его изучения. Но на месте я скоро убедился, что Вениаминов не понял главных основ строения алеутского языка»* [Иохельсон 1920: 135]. И все же В.И. Иохельсон отметил, что переводы И.Е. Вениаминова на алеутский язык краткого катехизиса и Евангелия от Матфея сделаны на хорошем уровне: *«Объясняю я это обстоятельство влиянием помогавших ему переводчиков — алеутов, которые не могли допустить грубого искажения своего языка, поскольку они сами понимали переводимое»* [Иохельсон 1920 а: 314].

В Нью-Йорк В.И. Иохельсон прибыл 1 октября 1908 г., в Американском музее естественной истории (АМЕИ) он изучал этнографические коллекции и литературу по алеутам. Во время пребывания в Нью-Йорке вне его внимания осталась литература на алеутском языке, которую издавала Русская православная церковь в Америке. Впоследствии В.И. Иохельсон усовершенствовал алеутский алфавит И.Е. Вениаминова, не зная, что он уже был изменен и что на новом варианте алеутского алфавита были опубликованы церковные книги [Лодочников 1898; Шаяшников 1902; Деяния 1902; Святое Евангелие от Иоанна 1902; Святое Евангелие от Луки 1903]. Из Нью-Йорка на десять дней В.И. Иохельсон ездил в Вашингтон. В Смитсоновском институте он познакомился с известным исследователем алеутов Уильямом Доллом (W.H. Dall, 1845–1927). Проехав на поезде через всю страну, В.И. Иохельсон и его супруга Дина Лазаревна Иохельсон-Бродская (1864–1943) 21 ноября прибыли в Сан-Франциско. 30 ноября выехали в Сиэтл, 8 декабря на судне «Санта Клара» отплыли на Аляску. 17 декабря прибыли в селение Сьюард, расположенное на восточном побережье Кенайского полуострова. 24 декабря на боте «Фаралон» отправились к острову Уналашка. По пути остановились у о. Кадьяк, где из-за шторма провели три дня в одноименном селении (бывшая Павловская Гавань). Последнюю промежуточную остановку «Фаралон» сделал у о. Унга.

К месту назначения — на о. Уналашку — В.И. Иохельсон с супругой прибыли 3 января 1909 г. В редакционной заметке журнала «Землеведение», опубликованной по результатам исследований В.И. Иохельсона, сказано: *«Всего алеутов насчитывается теперь не более 1600, в том числе около 700 так называемых креолов, т.е. помесей с белыми, преимущественно с русскими, хотя за последние десятилетия также с американцами и другими европейцами. <…> Алеуты здесь* (на Уналашке. — *С.К.*) *более европеизированы, тут имеется американская правительственная школа, миссия методистов с приютом, русская церковь со школой и т.д.; алеуты здесь одеваются по-европейски, и многие говорят по-английски. <…> Православных церквей имеется на островах несколько, со священниками из русских, а отчасти (2) и из алеутов. Нынешний русский священник на Уналашке — еще молодой интеллигентный человек* (Александр Пантелеев, 1874–1948. — *С.К.*)*, женатый на бывшей учительнице. Знание русского языка, однако, мало распространено среди алеутов, хотя они охотно учатся, особенно по-церковнославянски, чтобы читать Псалтырь, Евангелие, большей частью не понимая читаемого. Все молодое поколение Уналашки проходит правительственную школу, которую обязаны посещать также и ученики русской церковной школы»* [Экспедиция… 1911: 138].

На Уналашке В.И. Иохельсон включил в состав своего отряда двух алеутов — вождя Алексея Мироновича Ячменева (1866–1937) и псаломщика православной церкви Леонтия Ивановича Сивцова (1872–1919). Также он постоянно нанимал алеутов для проведения археологических раскопок. В.И. Иохельсон и Д.Л. Иохельсон-Бродская занимались археологическими, этнографическими, лингвистическими и фольклорными исследованиями на Уналашке в те-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Заготовка травы для плетения, о. Атту. Фото В.И. Иохельсона, 1909 г., МАЭ № 2826–772

чение пяти месяцев. Одной из задач экспедиции был сбор фольклорного материала. Главным информантом на Уналашке был слепой «доктор», т.е. знахарь, Исидор Соловьев (1849–1912), который надиктовал 42 текста.

С 15 июня по 9 августа В.И. Иохельсон со своим отрядом провел исследования на о. Атту, где занимался археологическими раскопками древнего селения Наникак. В.И. Иохельсон писал: *«Наконечники стрел поражают разнообразием форм. Коллекция алеутских стрел и гарпунов представляет этнологический материал высокого интереса. <…> Из других вещей, найденных в раскопках на острове Атту, упомяну еще тут каменные и костяные лампы различных форм и размеров. Их в коллекции теперь 20 штук. <…>*

Позволю себе в заключение указать на те условия, при которых нам приходится работать. Здешние алеуты живут летом в таких маленьких землянках (весьма любопытного типа, прибавлю), похожих скорее на лисьи норы, чем на человеческие жилища, поэтому для возможности работать нам пришлось раскинуть свой собственный лагерь, состоящий из трех палаток и брезентового навеса-кухни. За отсутствием дров палатки не отапливаются, хотя у нас есть для этой цели одна походная печка. Климат же Алеутских островов, в особенности климат острова Атту, отвратительный. Солнце редко появляется. Все туманы, облака, дожди. О степени сырости воздуха можно судить по тому, что негативы, оставленные в нашей палатке для сушки, оказываются еще мокрыми на четвертый день. Все в палатке покрыто плесенью. Аппараты и инструменты приходится постоянно заворачивать и вытирать. Фотографические

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Алеутка за плетением корзины. Селение Никольское, о. Умнак. Фото В.И. Иохельсона, 1910 г., МАЭ № 2826–31

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

кассеты приходится сушить над огнем и хранить в жестяных ящиках, иначе они так разбухают, что невозможно выдвинуть задвижек во время съемки. Ночная температура воздуха теперь в июле месяце редко поднимается выше 6 градусов по Цельсию. Частые сильные ветры делают жизнь в палатке еще более тяжелой» [Из писем... 1909: 620–623].

После завершения исследований на острове Атту отряд В.И. Иохельсона 10 августа переехал на Атку, а оттуда 14 сентября — на остров Умнак, где в течение осени в разных частях острова были раскопаны четыре древних селения. Зиму 1909–1910 гг. В.И. Иохельсон и Д.Л. Иохельсон-Бродская провели в селении Никольское. В этот период они занимались изучением алеутского языка, сбором фольклорного материала и антропологическими исследованиями. В.И. Иохельсон писал Андрею Андреевичу Достоевскому (1863–1933) — секретарю ИРГО: *«Я производил раскопки четырех древних селений в разных пунктах острова. <...> Ночевки в легкой палатке и работа под открытым небом в глубокую алеутскую ночь были очень тяжелы. Часто приходилось прерывать работу из-за ураганов и дождей. <...> Найденные в раскопках костяные стрелы и части гарпунов просто замечательны разнообразием своих форм. Особенно интересны стрелы, оказавшиеся на скелете одного воина. Каменные стрелы и другие каменные орудия тоже отличаются разнообразием как по форме, так и по породе, из которой они сделаны. Из найденных костяных и каменных украшений большой интерес представляют несколько так называемых кулитах, по-английски labrets, которые вставляются в разрез нижней губы или щек. Среди них есть два, сделанные из полированного мрамора. <...>*

При изучении алеутского языка, чрезвычайно трудного и сложного, мне приходилось и еще приходится преодолевать большие трудности. <...> Трудность изучения алеутского языка увеличивается оттого, что из числа моих учителей один, Сивцов, знает довольно плохо как русский язык, так и английский, а другой, Ячменев, понимает только по-русски, но еще хуже первого. Остальные же, кроме алеутского языка, ни на каком другом не говорят. Как трудно при таких условиях разобраться в грамматических тонкостях, изобилующих притом древними оборотами, должно быть понятно.

Одно достоинство, и весьма крупное, имеют мои учителя. Это то, что они все довольно хорошо грамотны, т.е. пишут по-алеутски Вениаминовской азбукой, состоящей из смеси русских и славянских знаков, и мои знаки, более соответствующие алеутским звукам, чем азбука Вениаминова, они усвоили чрезвычайно легко. Они поэтому в состоянии значительно облегчить мне труд точного и правильного списывания текстов с фонографа или записывания под диктовку» [Из писем... 1911: 98–100].

На Уналашку В.И. Иохельсон вернулся 5 мая 1910 г., оттуда вместе с Л.И. Сивцовым он совершил кратковременную поездку на Прибыловы острова. 26 июля 1910 г. В.И. Иохельсон и Д.Л. Иохельсон-Бродская вышли в плавание к берегам Камчатки на русском военном транспорте «Колыма». Планировалось, что «Колыма» доставит их на остров Беринга, но из-за шторма и сильного тумана судно не смогло сделать остановку у Командорских островов. 4 августа 1910 г. «Колыма» встала на якорь в гавани Петропавловска-Камчатского. В.И. Иохельсон писал 14 ноября 1910 г.: *«Время ожидания зимнего пути в Петропавловске я использовал отчасти для ознакомления с Алеутскими диалектами на Командорских островах. Для этой цели я воспользовался пребыванием здесь алеута Сергея Иванова с острова Беринга, высланного в Петропавловск административным порядком во время последней войны по нелепому обвинению в сочувствии японцам. Из занятий с ним я мог установить, что на острове Беринга говорят на аткинском наречии, а на острове Медном — на аттовском наречии»* [Из писем... 1911: 109]. В.И. Иохельсон записал со слов С. Иванова сказание на аткинском диалекте, вместе они сделали предварительный перевод этого текста [Иохельсон 1919: 1995]. Еще одну сказку на аткинском диалекте С. Иванов записал самостоятельно [Там же: 2000]. Этот факт говорит о том, что в 1910 г. на Командорских островах были алеуты, которые умели писать и читать на своем языке.

По результатам экспедиции этнографическое и археологическое собрание В.И. Иохельсона превысило 2100 предметов, антропологическое — десяток полных скелетов и 78 черепов. Словарь алеутского языка состоял из более пяти тысяч слов, также были записаны 108 легенд, мифов и песен алеутов. В 1918 г., после того как В.И. Иохельсона приняли в постоянный штат музея, и в 1922 г., незадолго до эмиграции в США, он передал в МАЭ более 1080 стеклянных фотонегативов (№ 2692, 2826). Из них опубликована основная часть портретов алеутов [Корсун, Таксами, Ушаков 2001].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

В.П. Хабаров — первый алеут-этнограф

В конце 1925 г. было организовано Северное отделение рабочего (подготовительного) факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ). Его учащимися стали 24 человека, из них 18 — представители коренных народов Сибири, среди них был алеут с острова Медный Валентин Поликарпович Хабаров (1898–1942). В 1927 г. студентов Северного отделения ЛГУ перевели на Северный факультет Ленинградского восточного института (другое название — Институт восточных языков). Летом и осенью 1927 г. В.П. Хабаров вместе с супругой-хантыйкой Милицей Хабаровой находился на полевой практике на Командорах. В.П. Хабаров был одним из наиболее активных студентов. Зимой 1928 г. сотрудники Ленинградской государственной консерватории записали на фонограф несколько алеутских песен. Их надиктовал студент-алеут Института восточных языков [Коллекции... 2005: 16–17, 36]. Вероятно, этим студентом был именно В.П. Хабаров. В марте 1928 г. он участвовал в работе V пленума Комитета народов Севера в Москве. В 1929 г. на основе Северного факультета Ленинградского восточного института создали Институт народов Севера (ИНС). В 1931 г. состоялся первый выпуск пятнадцати студентов четвертого курса ИНС, в числе которых были супруги Хабаровы.

В середине 1930-х годов В.П. Хабаров поступил в аспирантуру ИНС и готовил кандидатскую диссертацию по теме «Котиковое хозяйство в СССР». Его научным руководителем стал известный исследователь Командорских островов Евгений Константинович Суворов (1880–1953). В.П. Хабаров поддерживал деловые отношения с сотрудниками отдела Сибири МАЭ: Владимиром Германовичем Богоразом (1865–1936), Сергеем Васильевичем Ивановым (1895–1986), Георгием Николаевичем Прокофьевым (1897–1942). В.П. Хабаров участвовал в написании статей об алеутах для «Дальневосточной энциклопедии» и сборника «Народы Сибири и Дальнего Востока», которые не были опубликованы. В 1938 г. для сборника «Народы Сибири и Дальнего Востока» В.П. Хабаров прислал статью «Алеуты».

Приведем несколько цитат из этой рукописи.

«Жители Алеутских островов имели множество местных названий, например: алеуты островов Унги и Умнака называли себя Каган Ангагинанги, т.е. восточные люди; Унимакцы — Унимгин — значит здешние; жители островов Креницына до острова Уналашки назывались Кигугин — северо-восточные; Андреяновские — Намигугин — западные люди. <...>

*Интересно отметить, что Вениаминов в том же 1840 г. пишет: "Алеуты самых ближних островов к Камчатке называют себя Сасигнан", это неправдоподобно. Сасигнами назывались алеутами те темнокожие, которых они встречали среди русских (айно, ительмены и др.). Наоборот, алеуты Аттовских островов называли себя Унанган — т.е. в тылу по отношению полуострова Аляска. Надо сказать, что слово Унанган следует понимать двояко и нераздельно. Вернее, сперва их (*жителей восточной части Алеутских островов. — *С.К.) (аттовские) за воинственность, за удачливость побеждать называли Унанган, а позже сами аттовские стали называть себя Унанган. Кроме того, слово Унанган ведь — это гордость самоназвания алеутов, связанная с воинственностью и удачливостью побеждать врага внезапно. Отсюда самоназвание Унанган (нынешние медновцы)»* [АМАЭ. Ф. К–V. Оп. 1. № 106. Л. 1–2].

«По данным Алеутского райисполкома на 1 января 1938 г., алеутов в СССР — 336 чел.; мужчин — 155, женщин — 148. <...> Беринговцы свой остров называют Танамаш, т.е. "наша земля", а Медный — Икун Тангих, значит "морской камень". Медновцы остров Беринга называют Икун Танак — видимая земля, а свой остров, т.е. Медный, — Танамах — значит "наша земля"» [Там же: 3].

«По своим религиозным воззрениям алеуты были анимистами-шаманистами. Весь мир, по их представлениям, населен духами. Особое влияние в культе имели: души людей, промысловых животных — души нерпы и трески, духи-хозяева вод, утесов, стихий, враждебных человеку. Заговоры, рисунки, талисманы имели широкое распространение. <...> Основными сюжетами повествовательного творчества были родовые предания, рассказы о путешествиях и приключениях героев, о посещении ими чужих поселков, населенных великанами (аглигих), карликами (чалькаках), разными животными духами. Героем многочисленных мифов являлся ворон. Большое место в алеутском фольклоре занимают юмористические рассказы о плохих охотниках. Песенное творчество алеутов: шаманские, игровые, былинные, лирические и др. Влияние христианства получило свое отражение в фольклоре; рядом с разнообразными мифами о вороне, аглигих и чалькаках, в рассказах о происхождении промысловых животных, приключениях героев воз-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

никли сказания о творце неба (агогех), о нечистой силе (инунаннах) и о помощнике последней (чугугорох) и т.д.

Магические фигуры, художественно сделанные из дерева, кости, клыка, камня и раскрашенные красками (из крови и желчи животных и разноцветной глины), получили свое отражение в изобразительном искусстве алеутов, в том числе в татуировке и раскрашивании лица. Религиозное значение имели и пляски (кагаюгих) в раскрашенных масках, изображающих героев, животных (нерпа и треска) и духов» [Там же: 23–25].

***

В 1940 г. руководство МАЭ решило переработать сборник «Народы Сибири и Дальнего Востока» и на его основе подготовить том «Народы Сибири». При обсуждении новой книги отказались от публикации рукописи В.П. Хабарова и поручили написать статью о командорских алеутах сотруднице отдела Сибири Валентине Васильевне Антроповой (1909–1976). При ее написании В.В. Антропова использовала публикации В.И. Иохельсона, Е.К. Суворова и других авторов, процитированную выше рукопись В.П. Хабарова и устные сведения, полученные от кого-то из алеутов. Вероятно, ее информантом был именно В.П. Хабаров, который в 1940 г. находился в Ленинграде. В.В. Антропова писала: «Тов. Хабаров, бывший студент Института народов Севера в Ленинграде, успешно защитил диссертацию и первым из алеутов получил звание (ученую степень. — *С.К.*) кандидата географических наук» [АМАЭ. Ф. К–I. Оп. 1. № 232. Л. 441]. В 1941 г. его диссертацию опубликовали.

Ниже приведем несколько цитат из рукописи В.В. Антроповой.

«Среди командорских алеутов распространено два самоназвания: жители о. Беринга считают своим самоназванием “унанган”, о. Медного — “алеуты”. Кроме того, среди жителей о. Медного встречается самоназвание “сасигнан”. Оно распространено главным образом среди алеутов, переселенных в прошлом столетии с Курильских островов» [Там же: Л. 399].

«Численность алеутов Камчатской области составляла, по переписи 1926 г., 345 чел., из них: мужчин — 177 и женщин — 168. На родном языке говорило 332 алеута. По данным Алеутского райисполкома, на 1 января 1938 г. алеутов было 336 человек, из них на Командорских островах — 303 человека» [Там же: 401].

«Особенно много разных примет было связано с промыслами. Например, если морские животные (котик, бобр, сивуч) попадались в речке, то это предвещало несчастие. При шторме во время охоты на сивуча делали маленькую лодочку, помещали в нее насекомое и пускали по волнам со словами: “Останови шторм с этой стороны, чтобы пришли сивучи”. Во время штормовой погоды обращались к ветру, чтобы он перестал бушевать; если было нужно вызвать ветер, то свистели. <…> Распространены были различные поверья о великанах (аглигих) и карликах (чалакоках). Великан, по представлениям алеутов, жил в горах, от его крика получалось эхо. Карлики жили в земле, роль, приписываемая им, походила на роль русского домового, отчасти лешего: украсть юколу, сорвать крыши, всячески посмеяться над человеком. <…>

Прежде у алеутов были распространены различные сценические танцы. Исполнители изображали в костюмах и масках различные сцены из промысловой и бытовой жизни. Танцы обычно состояли из нескольких действий, в которых попеременно выступали танцоры, изображающие животных и людей-героев. Танцы происходили под аккомпанемент различных музыкальных инструментов и часто сопровождались пением. Музыкальные инструменты (чайях и др.) представляли из себя особого вида барабаны, обтянутые кожей котика, сивуча или нерпы, поверх которой натягивались струны из жил. Другим типом музыкального инструмента была дощечка, по форме напоминающая камертон. Национальные танцы и музыкальные инструменты давно вышли из употребления. Последний раз подобный танец был исполнен в 1912 г. по специальному заказу команды одного из русских пароходов» [Там же: 434–437].

Экспедиция Е.П. Орловой на Командорские острова

Елизавета Порфирьевна Орлова (1899–1976) в 1921–1925 гг. училась на этнографическом отделении Географического института. В 1930 г. по направлению Комитета народов Севера уехала в Хабаровск. Она преподавала в Дальневосточном техникуме народов Севера и занималась созданием письменности для коренных народов Сибири. В 1931 г. с помощью студентов-алеутов Е.П. Орлова подготовила к печати алеутский букварь, который не был опубликован.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

В 1949 г. Е.П. Орлова по договору работала в МАЭ, в 1950 г. перешла на постоянную работу в Государственный музей этнографии народов СССР (ГМЭ), где была руководителем отдела народов Сибири. В мае 1961 г. она переехала в Новосибирск, с 14 июля до 27 декабря 1961 г. находилась в этнографической экспедиции и изучала ительменов, коряков, эвенов и алеутов. В августе–сентябре она провела более тридцати дней на Командорских островах [Орлова 1962]. В 1963 г. Е.П. Орлова вышла на пенсию и вернулась в Ленинград. Она передала в МАЭ свои полевые и архивные материалы, включая личное дело.

Приведем несколько цитат из ее рукописи, подготовленной по результатам экспедиционных исследований среди алеутов.

«Первым алеутом, переселенным на остров Беринга, был Аликучагу (не отсюда ли происходит слово алеуты, которое в произношении самих алеутов звучит как алихутас?), окрещенный потом Захаром» [АМАЭ. Ф. 23. Оп. 1. № 20. Л. 8].

«В 1961 г. от алеутов узнала, что раньше для коллективного промысла они употребляли большую 12-весельную байдару "улухтах" с двойной кожаной обшивкой, на которую шло от 6 до 12 шкур сивуча; шили такую обтяжку женщины на улице всем коллективом. <...>

На Командорах бытует шесть национальных лирических песен, которые алеуты поют на своем родном языке, а именно "Агитадам" — "Товарищ" — самая любимая песня о друге, утонувшем в море; "Ягнанасим асхинуис" — "Удачная охота за девушками"; "Кихяхчис малгадулас" — "Песни поют и плачут"; "Итан,их" — "Первый"; "Сулхаяхтас" — "Обманщик" и "Укогом яман,аю" — "Жду не дождусь". Песня "Агитадам" записана на магнитофонную ленту в исполнении алеута П.Ф. Волокитина — моего ученика по Дальневосточному техникуму народов Севера, участника лингвистической бригады, которая под моим руководством в 1931–1932 гг. написала первый алеутский букварь "Агадгих хан,аких" — "Солнца восход", который был одобрен Учпедгизом и подписан к печати, но, к сожалению, не был издан.

У алеутов Командорских островов до сороковых годов бытовали и часто исполнялись пять танцев, они иногда исполняются и в наши дни. Это "Балансах", "Кадриль", "Восьмерка" — "самый длинный и красивый танец" в их определении. Эти танцы, несомненно, заимствованы у служащих и администрации промыслов, но несколько видоизменены в зависимости от национального вкуса. Сохранились еще два действительно национальных танца-инсценировки — это "Тулукидах" и "Кагадугех". В последнем передается жизнь охотника от ранней юности до старости. Танец этот исполнялся в национальной одежде: мужчины выступали в камлейках, торбасах из нерпичьей кожи с черными голенищами, поставленных на белые сивучьи подошвы, в деревянных шляпах, с копьями и стрелами в руках; женщины — в парках и шапках, сшитых из шкурок топорков и ипаток, или в тужурках, сшитых из рыбьей кожи; на ногах — торбаса с черными голенищами на белых подошвах. При исполнении танца "Тулукидах" мужчины выходили на середину обширной комнаты и принимались играть в бубны, ударяя по ним рукой, — колотушек для бубнов никогда не было. Бубны были небольшие, круглые с подвесками или колокольчиками. В танце изображались различные сцены охоты на морских зверей. Женщины сидели справа от входа, хлопали в ладоши в такт игре бубнов и выкрикивали: "Хи-хи, ха-ха! Хи-хи, ха-ха!".

С 1945–1946 г. танцы исполнялись уже в других костюмах: мужчины выступали во всем черном: костюм, галстук, но требовалась непременно белая рубашка. Женщины, все как одна, выходили в черных юбках и белых кофточках, на ногах — торбаса с черными голенищами, белыми подошвами и с белыми ремнями-завязками. По мнению алеутов, было очень красиво, стука не было никакого, а только шелестели по полу кожаные мягкие подошвы. В танцах держались всегда парами — мужчина с женщиной; однополые пары ни в коем случае не допускались в круг игры или танца, одиночки сидели у стен» [Там же: Л. 28–30].

***

В 1963 г. полевые исследования на Командорских островах провел известный лингвист, сотрудник Института языкознания АН (Института лингвистических исследований РАН) Георгий Алексеевич Меновщиков (1911–1991), он сделал несколько десятков фотографий алеутов. В настоящее время эта фотоколлекция находится на хранении в отделе Сибири МАЭ (№ И–1956).

Полевые исследования Р.Г. Ляпуновой

Роза Гавриловна Ляпунова (1928–1992) в 1952 г. поступила на работу в МАЭ. Свою научную деятель-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

ность она начала с изучения алеутского собрания музея. В течение трех сезонов, в 1975, 1976, 1977 гг., Р.Г. Ляпунова проводила полевые исследования среди алеутов Командорских островов. В архиве МАЭ в деле № 1305 приводятся данные о народных медицинских знаниях, способах обработки шкур, рыболовстве и т.д. [АМАЭ. Ф. К–I. Оп. 2. № 1305. Л. 29–57]. Эти сведения были записаны во время экспедиции 1976 г. Тогда же Р.Г. Ляпунова провела археологическую разведку на территории покинутого селения Преображенское на о. Медном. Она обнаружила рыболовный крючок, несколько грузил для удочки, багор, медные наконечники гарпунов, изделие из кости неизвестного назначения, которые передала в Алеутский краеведческий музей селения Никольское, о. Беринга.

В 1980-е годы Р.Г. Ляпунова провела еще три полевых сезона среди алеутов Командорских островов, в 1981 г. совместно с Александром Николаевичем Анфертьевым (1953–2007), в 1984 г. — с Галиной Ивановной Дзенискевич (1933–2002). Последняя экспедиция Р.Г. Ляпуновой состоялась в 1988 г. В отчете по результатам экспедиции 1981 г. она писала: *«Резкое численное преобладание русского населения, сложившееся за последние два-три десятилетия, естественно, ведет к стиранию этнических различий между коренным и пришлым населением. Малочисленность алеутского населения объясняет тенденцию, особенно усилившуюся в последние годы, к росту смешанных браков; на глазах исчезают многие черты традиционного быта. Особенно следует остановиться на языковой ситуации. В течение всего времени пребывания алеутов на Командорских островах в качестве письменного языка они пользовались русским, а алеутский сохранялся только в быту. В условиях относительной изоляции двух островов друг от друга сложились два обособленных диалекта, беринговский и медновский, причем их носители при взаимном общении пользовались преимущественно русским языком. Оба диалекта застыли в своем развитии, не обогащались, причем с некоторого времени пользование ими стало считаться признаком невысокого культурного уровня. <...> В настоящее время его активными носителями остаются исключительно лица старших поколений»* [АМАЭ. Ф. К–I. Оп. 2. № 1307. Л. 4–5].

По сведениям Г.И. Дзенискевич, в 1984 г. на о. Беринга проживало 292 алеута. Она собрала сведения об образовательном уровне 178 алеутов. Из них три человека были неграмотными, у 30 алеутов было начальное образование, у 78 — неполное среднее, у 44 — среднее, у 20 — специальное среднее и только у троих — высшее образование [АМАЭ. Ф. К–I. Оп. 2. № 1390. Л. 22 об. — 23]. Г.И. Дзенискевич отметила, что родным языком владели менее тридцати алеутов. Попытки факультативно преподавать алеутский язык в школе не увенчались успехом.

Во время полевых исследований 1988 г. Р.Г. Ляпунова составила полный список алеутского населения Командорских островов из 322 человек, эти данные показывают низкую продолжительность жизни алеутов. Среди алеутов, родившихся в 1918 г., перечислены Прасковья Александровна Березина, Валентина Терентьевна Вожикова, Анна Ивановна Ладыгина. В 1922 г. родился Сергей Илларионович Сушков, в 1924 г. — Валентина Михайловна Киякина, Ольга Сергеевна Григорьева, Александра Апполинарьевна Бадаева. В 1927 г. родилась Вера Терентьевна Тимошенко, в 1928 г. — Петр Иванович Пешков. Таким образом, из 322 алеутов преклонного возраста достигли только девять человек, и никто из них не был старше семидесяти лет [АМАЭ. Ф. К–I. Оп. 2. № 1594. Л. 24–31]. Некоторые представители старшего поколения алеутов знали свой язык, но о традиционной культуре имели лишь поверхностное представление.

Свои полевые материалы Р.Г. Ляпунова частично использовала при написании главы «Этническая история командорских алеутов (первая четверть XIX в. — современность)» в монографии «Алеуты. Очерки этнической истории» [Ляпунова 1987: 177–201].

***

Этнографические коллекции по алеутам поступали в Кунсткамеру на протяжении более 250 лет, а полевые исследования на Алеутских и Командорских островах сотрудники музея проводили начиная с экспедиции В.И. Иохельсона. Благодаря этой работе в МАЭ собран большой фактический материал (этнографические и антропологические коллекции, фотографии, архивные документы), позволяющий проводить комплексное изучение традиционной культуры алеутов. Примером такого исследования является настоящий каталог, в котором во вступительных статьях к разделам и аннотациях к предметам приведены сведения из работ мореплавателей, миссионеров, служащих Российско-Американской компании и других очевидцев, наблюдавших жизнь алеутов в XVIII–XX вв.

С.А. Корсун,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

ИСТОЧНИКИ

Архив Музея антропологии и этнографии

АМАЭ. Ф. К–I. Оп. 1. № 232. Л. 399–442. — Антропова В.В. Алеуты // Народы Сибири: Чукчи. Коряки. Эскимосы. Нивхи. Юкагиры. Айны. Ительмены. Алеуты. (Сборник). 1948.

АМАЭ. Ф. К–I. Оп. 2. № 1305. 57 л. — Списки населения острова Беринга — «Сведения об алеутах, трудящихся на звероводе» и «Школа-интернат с. Никольское и алеутское население». О материальной культуре алеутов.

АМАЭ. Ф. К–I. Оп. 2. № 1307. 62 л. — Отчет участников Командорского отряда Северной экспедиции ИЭ АН СССР под руководством с.н.с. д.и.н. И.С. Гурвича «Некоторые вопросы экономического и культурного развития коренного населения Командорских островов».

АМАЭ. Ф. К–I. Оп. 2. № 1390. 42 л. — Дзенискевич Г.И. Полевой дневник. Алеутский нац. район Камчатской обл. 1984.

АМАЭ. Ф. К–I. Оп. 2. № 1594. 33 л. — Ляпунова Р.Г. Похозяйственные книги (копии). Список коренного населения Алеутского района на 01.03.1988 г. 1988.

АМАЭ. Ф. К–IV. Оп. 1. № 2. Л. 138. — 1823 October 1. № 29. § 311 // Журнал поступлений МАЭ. Т. I. 1719–1836.

АМАЭ. Ф. К–IV. Оп. 1. № 3. Л. 114–118. — Опись вещам, привезенным из Камчатки Майором Бемом, 1780 г. // Журнал поступлений МАЭ. Т. II. 1837–1877.

АМАЭ. Ф. К–IV. Оп. 1. № 13. 13 л. — Опись американским вещам, находящимся в Кунсткамере.

АМАЭ. Ф. К–V. Оп. 1. № 106. 41 л. — Хабаров В.П. Алеуты.

АМАЭ. Ф. 23. Оп. 1. № 20. 32 л. — Орлова Е.П. Алеуты Командорских островов.

Российский государственный архив Военно-морского флота

РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 764. Л. 28–30. — Реестр редкостей, собранных во время вояжа на шлюпе «Аполлон» под командою капитан-лейтенанта Хрущева, посылаемых в Музеум Государственного Адмиралтейского департамента.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. № 1. Л. 20 об. — 22 об. — В Канцелярию Академии наук из Иркутской губернской канцелярии Репорт.

СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. № 1. Л. 30–33. — Письмо сибирского губернатора г. Бриля о присланных с Алеутских островов тамошних жителей орудий и вещей.

СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. № 1. Л. 61 об. — О поступлении в Кунсткамеру разных материалов 1729–1775 гг.

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. До 1918 г. № 9. Л. 123–130. — Опись № IV этнографических предметов, собранных от обитателей Камчатки и Алеутских островов, калифорнийских индейцев и иных стран жителей российских владений в Северо-Западной Америке.

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. До 1918 г. № 9. Л. 381–383. — Опись уборам, одеждам, орудиям и прочим капитаном Биллингсом присланным мелочам.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев А.И. Братья Шмалевы: Исторический очерк. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1958. 76 с.

Беляев О.П. Кабинет Петра Великого. Отделение второе, содержащее в себе подробное историческое описание всех вообще достопамятных как естественных, так и искусственных вещей, в Кунсткамере Санктпетербургской Императорской Академии наук, сохраняющихся, с присовокуплением многих таблиц, и разных любопытных анекдотов. СПб.: Императорская типография, 1800. 287 с.

Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга: 1725–1742. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946. 379 с.

Берх В.Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или Подвиги российского купечества. С присовокуплением исторического известия о меховой торговле. СПб.: в типографии Н. Греча, 1823. 169 с.

Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.; М.: Издательство Главсевморпути, 1940. 175 с.

[*Ваксель С.*] В Государственную Адмиралтейств-Коллегию всепокорнейший репорт // Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.; М.: Издательство Главсевморпути, 1940 а. С. 138–151.

[*Васильев М.Н.*] Записка М.Н. Васильева, подготовленная для публикации в печати, об обстоятельствах открытия о. Нунивак и его описание // Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1815–1841 / Отв.ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Наука, 2005. С. 134–138.

[*Вениаминов И.Е.*] Записки об островах Уналашкинского отдела, составленные И. Вениаминовым / Издано иждивением Российско-американской компании. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1840. Ч. I. 367 с.; Ч. II. 415 с.; Ч. III. 147 с.

Деяния Святыхъ Апостолъ. Нью-Йорк: Тип. «Американского Православного Вестника», 1902. 177 с.

Из вахтенного журнала пакетбота «Св. Петр» о плавании к берегам Америки. 1741 г. мая 24 — декабря // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. / Отв. сост. Т.С. Федорова. М.: Наука, 1984. С. 232–249.

Из писем В.И. Иохельсона, начальника этнологического отдела Камчатской экспедиции Ф.П. Рябушинского, к секретарю ИРГО // Известия Императорского Русского географического общества. 1909. Т. XLV. Вып. IX. С. 613–625.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Из писем В.И. Иохельсона, начальника этнологического отдела Камчатской экспедиции Ф.П. Рябушинского // Известия Императорского русского географического общества. 1911. Т. XLVII. Вып. I–V. С. 97–111.

Из рапорта Нижнекамчатской приказной избы в Большерецкую канцелярию о плавании П. Башмакова на судне «Св. Петр и Павел» в 1756–1758 гг. на Алеутские острова и открытии островов восточнее Ближних. 1758 г. декабря не ранее 7 // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. / Отв. сост. Т.С. Федорова. М.: Наука, 1989. С. 50–52.

Иохельсон В.И. Опись фольклорных и лингвистических материалов В.И. Иохельсона, хранящихся в Азиатском музее Российской академии наук // Известия Российской академии наук. 1918. Пг., 1919. Т. 12. № 17. С. 1979–2003.

Иохельсон В.И. Алеутский язык в освящении грамматики Вениаминова // Известия Российской академии наук. 1919. Пг., 1920. Т. 13. № 2. С. 133–154.

Иохельсон В.И. Алеутский язык в освящении грамматики Вениаминова // Известия Российской академии наук. 1919. Пг., 1920 а. Т. 14. № 4–7. С. 287–315.

Каталог выставки предметам, привезенным Великим князем Государем наследником цесаревичем Николаем Александровичем из путешествия Его императорского величества на Восток в 1890–1891 гг. // Путешествие на Восток. СПб.: Союз-5, 1998. 151 с.

Каталог предметов, собранных от разных учреждений и лиц Императорским Русским географическим обществом. СПб.: Тип. Второго отделения Е.И.В. канцелярии, 1879. 32 с.

Коллекции народов Севера в Фонограммархиве Пушкинского Дома / Ред. А.А. Бурыкин, А.Х. Гирфанова, А.Ю. Кастров, Ю.И. Марченко, Н.Д. Светозарова, В.П. Шифф. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 132 с.

Корсун С.А. Собрание МАЭ по народам Русской Америки: история формирования и документальная атрибуция // Аборигены Америки: предметы и представления (Сборник МАЭ. Т. L). СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 59–189.

Корсун С.А. Роль алеутских тоенов в межэтнических контактах с русскими в XVIII — начале XIX века // Власть в аборигенной Америке / Отв. ред. А.А. Бородатова, В.А. Тишков. М.: Наука, 2006. С. 545–574.

Корсун С.А. Рисунки П.Н. Михайлова по народам Русской Америки // Русская Америка: материалы III Междунар. науч. конф. «Русская Америка» (Иркутск, 8–12 августа 2007 г.). Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы», 2007. С. 242–246.

[*Корсун С.А., Таксами Н.Ч., Ушаков Н.В.*] Сокровища Кунсткамеры. Алеуты: какими их увидел В. Иохельсон. Treasures of the Kunstkamera. Aleuts: How they were seen by V. Iokhel'son. СПб.: МАЭ РАН, 2001. 100 с.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. Т. I. 438 с.

Курносов С.Ю., Ларионов А.Л., Соболева Е.С. Материалы по истории коллекций Музеума Государственного Адмиралтейского департамента и Центрального Военно-морского музея // Культура и быт австронезийских народов (История коллекций и их собирателей). (Сборник МАЭ. Т. LIII). СПб.: Наука, 2007. С. 334–364.

Лебедев Д.М. Плавание А.И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережьям Америки с приложением судового журнала 1741 г. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 429 с.

[*Лисенков П.*] Поданное Прокопьем Лисенковым описание находящимся по акияну-морю от Камчатки островам, и какие на тех островах люди, звери и птицы, и какое у людей против российских с отменою обыкновение, и какое ж носят платье, о том значит ниже сего // Русская тихоокеанская эпопея / Сост. В.А. Дивин. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1979. С. 344–349.

[*Лодочников А.*] Молитвы и песнопения Православной церкви на Алеутском наречии / Переводил на алеутский язык бывший псаломщик Уналашкинской церкви Андрей Лодочников. Нью-Йорк: Тип. «Американского Православного Вестника», 1898. 78 с.

Ляпунова Р.Г. Новый документ о ранних плаваниях на Алеутские острова («Известия» Федора Афанасьевича Кулькова 1764 г.) // Страны и народы Востока. Вып. XX: Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 4. М.: Наука, 1979. С. 97–105.

Ляпунова Р.Г. Алеуты: Очерки этнической истории. Л.: Наука, 1987. 238 с.

Орлова Е.П. У алеутов Командорских островов // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Новосибирск, 1962. № 8. С. 3–10.

[*Пономарев С.Т.*] Рапорт казака С.Т. Пономарева и передовщика С.Г. Глотова в Большерецкую канцелярию о плавании в 1758–1762 гг. на боте «Св. Иулиан», открытии о-вов Умнак и Уналашка и приведении их жителей в российское подданство. 1762 г. сентября 12 // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. / Отв. сост. Т.С. Федорова. М.: Наука, 1989. С. 60–65.

Святое Евангелие от Иоанна на алеутско-лисьевском языке. Нью-Йорк: Тип. «Американского Православного Вестника», 1902. 139 с.

Святое Евангелие от Луки на алеутско-лисьевском языке. Нью-Йорк: Тип. «Американского Православного Вестника», 1903. 125 с.

[*Соловьев И.*] Рапорт морехода Ивана Соловьева прапорщику Т.И. Шмалеву об его пребывании на Алеутских островах в 1764–1766 гг. // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. / Под ред. А.И. Андреева. М.: Государственное издательство географической литературы, 1948. С. 146–170.

Станюкович Т В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1953. 239 с.

Стеллер Г В. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки. 1741–1742. М.: ПАN, 1995. 224 с.

[*Толстых А.*] Рапорт селингинского купца А. Толстых в Нижнекамчатскую приказную избу о плавании в 1760–1764 г. на Алеутские острова. 1764 . сентября 29 // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. / Отв. сост. Т.С. Федорова. М.: Наука, 1989. С. 85–96.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Указ Сената о разрешении купцам промысла зверей на Курильских островах. 1761 г. августа 24 // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. / Отв. сост. Т.С. Федорова. М.: Наука, 1989. С. 58–59.

[*Черепанов С.*] Сказка тотемского купца Степана Черепанова об его пребывании на Алеутских островах в 1759–1762 г. / Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / Под ред. А.И. Андреева. М.: Государственное издательство географической литературы, 1948. С. 113–120.

[*Чириков А.И.*] Рапорт А.И. Чирикова в Адмиралтейств-коллегию о плавании к берегам Америки. 1741 г. декабря 7 // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. / Отв. сост. Т.С. Федорова. М.: Наука, 1984. С. 222–231.

[*Шаяшников И.*] Краткое правило для благочестивой жизни / Перевод священника И. Шаяшникова. Нью-Йорк: Тип. «Американского Православного Вестника», 1902. 22 с.

Шубин В.О. Жизнь «курильцев» на Камчатке в 1877–1888 гг. // Краеведческий бюллетень. 1992. № 4. С. 37–52.

Экспедиция В.И. Иохельсона на Алеутские острова и Камчатку // Землеведение. 1911 г. Кн. IV. М., 1912. Т. XVIII. С. 136–139.

Экстракт из журналов флота капитана П.К. Креницина и капитан-лейтенанта М.Д. Левашова // Русская тихоокеанская эпопея / Сост. В.А. Дивин. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1979. С. 349–362.

Black L.T. Glory remembered: wooden headgear of Alaska sea hunters. Juneau: Alaska State Museum, 1991. 173 p.

Russov F. Beitrage zür Geschichte der ethnografischen und anthropologischen Sammlung der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg // Сборник МАЭ. СПб., 1900. Т. 1. С. 1–32.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

ПЛЕТЕНЫЕ ИЗДЕЛИЯ АЛЕУТОВ В КУНСТКАМЕРЕ: СВЯЗЬ ТРАДИЦИОННОГО И СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Введение[1]

Для современных алеутских (унанганских) ремесленников предметы их предков из собрания Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) представляют собой «сокровища, достойные восхищения», они отвечают самым высоким стандартам традиционного ремесла. В этих предметах, изготовленных в XVIII–XIX вв., можно найти разгадки давно забытых или, казалось бы, безвозвратно утерянных навыков и приемов работы. Как удавалось плести из растительного волокна корзины, имевшие столь сложный и тонкий рисунок, что на вид и на ощупь они напоминают гобелены? Какое значение имеют алеутские орнаменты и какое место они занимали в культуре, верованиях и мировоззрении этого народа? Кажется, что каждый предмет хранит неразгаданные тайны.

Открытие музейных коллекций для изучения представителями народов, которые эти вещи когда-то создавали, стало возможным благодаря современной модели музея как «контактной зоны» для взаимовыгодного сотрудничества. Такой подход обогащает этнографию и в то же время очень важен для возрождения культуры коренных народов [Clifford 1997, 2013; Fienup-Riordan 1996; Sleeper-Smith 2009]. Традиционные знания, ремесла и языки, которые с течением времени утратили свою самобытность вследствие контактов с Западом, представлены произведениями материальной культуры и могут быть восстановлены и вновь осмыслены в ходе сотрудничества между музеями и аборигенами.

Для представителей коренных народов, равно как и для ученых, художников, журналистов, коллекции служат хранилищами, материалы которых могут быть использованы для возрождения традиционных культур и помочь старейшинам местных общин и их ученикам вдохнуть новую жизнь в обретенное наследие предков. Благодаря печатным каталогам и онлайн-публикациям вещи, когда-то утраченные, обретаются вновь и в каком-то смысле возвращаются на родину.

Кунсткамера активно участвует в этом процессе, приглашая в качестве экспертов представителей коренных народов. Таким образом, в настоящее время аборигены могут работать с ее обширными американскими коллекциями и принимать участие в публикациях, примером которых служит настоящее издание и ранее опубликованные каталоги [Корсун 2007, 2010; Korsun 2012]. Арктический центр при Смитсоновском институте за последние двадцать лет вел полевые

[1] Автор введения А.Л. Кроуэлл.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

исследования, печатал многочисленные материалы и устраивал выставки индейских, эскимосских и алеутских художников. Яркий пример такого сотрудничества с коренным населением — недавно состоявшаяся в Анкоридже выставка «Жизнь наших культур и наше общее наследие: первые народы Аляски» [Crowell et al. 2001; Crowell et al. 2010]. В рамках сотрудничества между музеями и коренными народами Севера, включая жителей Алеутского региона, состоялось знакомство с коллекциями Кунсткамеры знатока традиционных алеутских народных промыслов Шэрон Кэй с острова Унга — непревзойденного мастера по изготовлению корзин.

Ш. Кэй посетила Кунсткамеру в сентябре 2013 г. по приглашению директора музея Ю.К. Чистова и заместителя директора Ю.А. Купиной, при поддержке Государственного департамента США, который оплатил перелет и расходы по пребыванию в России. За неделю работы с алеутскими коллекциями в отделе Америки в сотрудничестве с алеутским лингвистом Мозесом Дирксом и мной, а также при любезном участии заведующего отделом Америки Ю.Е. Березкина и старшего научного сотрудника С.А. Корсуна ей удалось осуществить экспертизу множества корзин и циновок из коллекции МАЭ. Во время пребывания в Кунсткамере она сделала презентацию, посвященную алеутским корзинам, и продемонстрировала приемы плетения всем, кто собрался ее послушать. Статья Ш. Кэй описывает историю и способы алеутского плетения: исторические корни этого ремесла, его развитие, последовавший упадок и, наконец, возрождение в наши дни.

Как пишет Ш. Кэй, искусство плетения из стеблей дикой ржи имело большое значение в безлесной, холодной и продуваемой ветрами местности, какой являются Алеутские острова. Стебли дикой ржи, произраставшей близ берега моря, тщательно отбирали, высушивали, расщепляли, после чего из нее плели десятки различных предметов, в том числе корзины для сбора и хранения продуктов. Циновки из тонко сплетенной травы использовали в качестве постелей, покрытий для пола и перегородок, разделявших помещения. Из травы также плели подкладки для рукавиц и стельки для обуви. Сувениры вроде маленьких корзиночек с крышками и футляров для бутылок были популярны в колониальный период. Техника плетения была сложной и разнообразной, насчитывалось по меньшей мере восемь различных способов, для каждого из которых были характерны особые технические приемы [Black 2003: 161–173; Shapsnikoff, Hudson 1974; Ляпунова 1975].

Как подчеркивает Ш. Кэй, передача соответствующих знаний и навыков от поколения к поколению былаподорвана в результате сокращения населения в период после перехода Алеутских островов под контроль сначала русской, а затем американской администрации, не говоря уже о катастрофической по своим последствиям депортации алеутов в период Второй мировой войны. Возрождающееся в наши дни искусство плетения основано на изучении музейных коллекций и передаче опыта немногих старых мастериц, в числе которых Парасковья Локанин Райт и Анфиса Т. Шапсникофф. Ш. Кэй работала не только в Кунсткамере, она изучала коллекции алеутских корзин в музеях США и Европы. Приобретенные опыт и знания она использует в своих исследованиях и преподавании искусства плетения среди молодого поколения алеутов.

Алеутское плетение[2]

Плетеные корзины и циновки упоминаются в алеутском фольклоре, поэтому мы знаем, что искусство плетения существовало у этого народа с незапамятных времен. Развиваясь и достигнув высочайшего совершенства, оно в дальнейшем практически исчезло.

Никто не может точно сказать, откуда пришли алеуты, поселившиеся на островах. Данные радиоуглеродного анализа свидетельствуют о том, что первые люди на Алеутских островах появились примерно девять тысяч лет назад. До того как в середине XVIII в. российские мореплаватели открыли Алеутские острова и установили контакты с их населением, алеуты жили в полной зависимости от того, что им давали море и суша. Их жилища-полуземлянки надежно защищали от столь характерных для этих мест ледяных ветров, дождей и туманов. У каждого алеута была своя роль в обществе. Мужчины охотились, добывая пропитание для семьи, делали каркасы байдарок, изготавливали различные орудия, охотничьи шляпы, оружие и ловушки. Дядя учил племянников приемам охоты и способам выживания. Тетушка показывала племянницам, как вести домашнее хозяйство, шить одежду и плести корзины и циновки. Женщины и девочки собирали растущие близ берега моря стебли дикой ржи (Elymus mollis), которые служили материалом для плетения, а также листья и корни различных растений, использовавшихся для приготовления пищи и лекарств. Алеутки собирали ягоды, птичьи яйца, ловили рыбу и моллюсков, окрашивали и высушивали кожу и киш-

[2] Автор раздела Ш.П. Кэй.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Ш.П. Кэй за сбором травы для плетения

ки морских животных (морских котиков, тюленей, моржей и каланов), которые использовали для изготовления одежды, обуви, кошельков, сумок для рукоделия, одеял и покрышек для байдарок. Нити, сплетенные из сухожилий животных, использовались для шитья и изготовления веревок.

Из высушенных стеблей травы делали корзины для сбора и хранения продуктов, циновки, на которых спали, перегородки, разделявшие жилище на отдельные помещения, и подстилки, на которых сидели во время плавания в байдарке. Техника плетения из травы использовалась также при изготовлении обуви, рукавиц, банных веников и саванов для покойников. После того как алеуты вступили в контакт с русскими и американцами, они стали изготавливать новые вещи: декоративные плетеные футляры для стеклянных бутылок, пасхальные корзинки, наперстки, серьги, салфетки под посуду, кольца для салфеток, а также круглые коврики, использовавшиеся в православном богослужении.

Виды и техники плетения

Твайнинг (оплетение) — основной прием, используемый для плетения всех алеутских корзин. Это способ плетения, при котором один, два или три горизонтальных прогона утка (горизонтальные утки) оплетают вертикальные основы (двухпрядное и трехпрядное оплетение). Процесс выполняется слева направо, от дна корзины к ее кромке, по периметру всей корзины. Алеутскую корзину изготавливают, помещая ее вверх дном, при этом пряди основы свисают вниз. Конкретные детали плетения варьируются от острова к острову вдоль всей гряды Алеутского архипелага. В настоящее время насчитывается три стиля (приема) плетения, называемых по соответствующим островам: атту, атка и уналашка.

Для стиля атту характерно, что основа как бы замыкается между двумя утками. При этом методе утки располагаются под углом и образуют своеобразный рисунок в виде косых черточек. В стилях уналашка и атка два утка выходят на внешнюю сторону изделия. Большой и указательный пальцы раздвигают утки таким образом, что они охватывают прядь основы с обеих сторон. Это придает рисунку выпуклость и замедляет процесс изготовления корзины, а структура плетения оказывается не такой плотной, как в стиле атту. Кроме того, узор менее наклонный, чем в стиле атту. На крышках корзин атту есть шарообразные ручки («кнопки»). Еще до того, как начинают плести тулово (основу) корзины, на кромке такой ручки, на верхнем крае крышки и на внешней кромке дна делают особые ряды из трех утков. Еще одно отличие между стилями атту, атка и уналашка касается «кромки» или заключительных рядов на самой корзине и на ее крышке. У изделий стиля атту кромка выглядит так же, как остальной твайн, тогда как у корзин стилей атка и уналашка кромка грубее.

Корзины разных стилей отличаются и по форме. У корзин атту дно соединяется со стенками под острым углом. На корзинах из других районов эта часть изделий закруглена. Высота корзины атту с крышкой, начиная от ручки (кнопки), обычно равна ширине основания корзины, а пропорции корзин других стилей более разнообразны. Ручки (кнопки) на крышках корзин сравнительно короткие и толстые. На корзинах стиля уналашка ручка закругленная и маленькая по сравнению с крышкой. На корзинах стиля атка поверхность крышки плоская, широкая и слегка вдавленная. Во времена русского и американского правления жителей Уналашки увозили на работу на другие острова, поэтому уналашкинский метод изготовления корзин получил наиболее широкое распространение. Мастеров с Атки на другие острова не увозили, поэтому их техника плетения не распространилась в других районах. Вместе с тем в колониальный период мастерицы с Атту переселялись на другие острова, например после замужества. Во время Второй мировой войны многие из них оказались в японском плену. Назад на Атту им вернуться не разрешили, поэтому многие «аттуанцы» поселились на острове Атка. В результате этих событий определенные стили плетения, некогда характерные исключительно для отдельных островов, смешались. Например, можно встретить корзину с острова Атка с трехуточными углами в стиле атту, которая, однако, сплетена в стиле уналашка. Появление смешанного стиля следует рассматривать как новую стадию в длительной эволюции алеутского искусства плетения.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Виды корзин

Алеутские корзины можно разделить на два основных вида, которые различаются плотностью плетения: монолитные (плотные) и дырчатые (разреженные).

Плотные корзины (сплетенные так, что два горизонтальных утка плотно обернуты вокруг каждой вертикальной основы) характеризуются монолитным плетением, не пропускающим воду. Грубо сплетенные корзины этого типа использовались для приготовления пищи. В корзину наливали воду и погружали в нее продукты для варки (например, мясо) и раскаленные камни из очага, в результате чего вода закипала. Такие корзины монолитного плетения, иногда с крышками, предназначались также для хранения личных вещей, высушенных лекарственных растений, кореньев, сушеной рыбы, сушеного мяса и прочих предметов хозяйственного назначения. В собрании Кунсткамеры есть корзина такого типа под № 2888–80 (рис. 393). Корзины монолитного плетения, с ремнями для ношения на плече, использовались для сбора яиц буревестников, чаек и уток. Чтобы яйца не разбились, их перекладывали слоями мха. Благодаря наплечному ремню руки оставались свободными и сборщики яиц могли взбираться на прибрежные скалы. Корзины для сбора яиц украшали птичьими перьями и крашеной травой, а в ремни для прочности вплетали сухожилия.

Старейшие образцы корзин с Алеутских островов найдены в пещерах острова Кагамил из группы Четырехсопочных островов, где в захоронениях были обнаружены мумифицированные останки людей и погребальный инвентарь, включавший корзины и циновки. Возраст этих предметов может достигать тысячи лет [Black 2003: 161–162; Coltrain et al. 2006; Hrdlička 1945: 594–604]. Я обследовала один фрагмент плетеной корзины из погребальной пещеры с острова Кагамил в коллекции Тэда Бэнкса в Музее алеутов на острове Уналашка (в каталоге UMMA № 44573). Плетение грубое, скрученные пряди основы имеют наклон Z(/), что необычно, так как на большинстве старинных и современных корзин скрученные пряди наклонены S(\). Повторив этот прием, я поняла, что Z-наклон прядей (/) делает плетение более прочным. Так древний мастер передал мне свой секрет.

Корзины с дырчатым (разреженным) плетением предназначались для сбора мидий или ягод. Рисунок с разреженным плетением получается от оплетения параллельных вертикальных основ (||), соединяющихся под углом (△), перекрещивающихся (✕) и параллельных горизонтальных основ (=), в результате чего на поверхностях корзин образуются небольшие отверстия. Пищу, которая находилась в корзине, можно было мыть, опустив корзину в море или ручей, а когда ее доставали, вода выливалась через отверстия.

Среди корзин такого типа в коллекциях Кунсткамеры можно назвать экспонаты № 337–4 (рис. 386); сумку-корзину № 4101–99 (рис. 388), № 4101–100 (рис. 389), № 4104–101 (рис. 390), № 4104–102 (рис. 391), № 2888–92 (рис. 392) и № 313–53 (рис. 394). У этих корзин для прочности кромку устья обычно плели «косичкой», а у некоторых корзин «косичкой» из травы или кожи был сплетен и наплечный ремень. Также для прочности в корзины вплетали сухожилия, а для украшения использовали разноцветную траву или птичьи перья.

В наши дни алеутские мастера по-прежнему делают корзины, но уже не для использования их в хозяйстве, а в качестве сувениров, подарков или пожертвований. На продажу корзины иногда делают для того, чтобы финансово поддержать возведение и функционирование в алеутских селениях православных церквей. Среди событий, которые привели к упадку традиционного плетения и исчезновению мастеров, называют эпидемию гриппа 1919 г. и Вторую мировую войну, когда одних алеутов отправили в лагеря в Японию, а других эвакуировали в США. Ритм современной жизни не позволяет обучать молодежь по-старому, когда девушки и женщины осваивали навыки плетения, наблюдая за работой своих матерей и тетушек. Однако плетению корзин сейчас можно научиться в культурных центрах на территории Аляски, которые открыты для всех интересующихся и в особенности для молодежи.

Материалы и подготовительные стадии

Качество трав, растущих вдоль береговой полосы островов, зависит от местности. Известно, что самая прочная трава растет на острове Атту, который теперь является необитаемым. Вместе с тем трава на Атту не такая длинная, как на острове Атка, а по цвету она темнее, в то время как на Атке трава самая светлая. Именно ее предпочитали собирать для своих изделий изготовители корзин и коллекционеры. Трава на острове Уналашка длинная, но не особенно прочная и не такая светлая. Соответствующие различия обусловлены погодой и минеральным составом почв. Я собирала траву для плетения корзин вдоль моря на побережье острова Сэнд-Пойнт в группе Шумагинских островов и обнаружила, что при высушивании она приобретает рыжеватый оттенок, возможно, из-за высокого содержания минералов. В этой же местности трава, растущая в отдалении от берега, была бледнее по цвету и менее плотная, и собирать ее было труднее.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Стебли дикой ржи собирают в разное время года, это зависит от местных традиций. На Уналашке, Акутане, Сэнд-Пойнт и Кинг-Коув большинство мастеров, занимающихся плетением, собирают материал для работы в конце июня или начале июля, когда трава выросла и достигла почти двухметровой высоты. Такие стебли достаточно длинны для того, чтобы использовать их в качестве утка. В каждом пучке береговой травы имеется от пяти до шести стеблей, а на конце центрального стебля находятся семена. Этот стебель алеуты называют травой-матерью и не срезают, поскольку из семян на будущий год появится новый травостой. Траву-мать следует благодарить за урожай нынешнего года. Некоторые сборщики предпочитают собирать траву осенью, когда она выцвела естественным путем. В наши дни все меньше и меньше алеутских женщин занимаются утомительным и длительным процессом сбора и сушки травы. Представьте себе, что вы собрали такую охапку, что удержать ее вам едва хватает рук, но из этого количества травы вы сможете отобрать для плетения лишь небольшой пучок толщиной в запястье. Из него можно сплести несколько маленьких корзинок высотой пять сантиметров. Сколько же травы надо было собрать в старину, чтобы сплести из нее все, что было необходимо для домашнего хозяйства? Это был долгий и тяжелый труд.

Я собираю траву в июле, когда она достигла пика роста. Каждый стебель отрезаю у основания острым ножом. Нарезав достаточное количество, складываю траву в пластиковые мешки, чтобы не повредить стебли по дороге домой. Для просушки осторожно раскладываю стебли на чистом полотнище, расстеленном на полу сарая, где прохладно, темно и сухо. Раз в два дня переворачиваю стебли, чтобы они дышали и не заплесневели. Постепенно, на протяжении нескольких недель или месяцев, стебли бледнеют. Затем можно начинать расщеплять стебли и связывать их в пучки. Я осторожно отделяю каждый стебель, не сгибая его. Листья, находящиеся в середине, самые нежные и светлые, их используют для утка. Листья второго ряда идут на уток или основу, а третий ряд (или слой) самый грубый. Он используется для основы, потому что эти листья будут закрыты утком и на готовой корзине не будут видны. Оставшиеся два или три листа травы выбрасывают, потому что они обычно бесцветные и грубые, к тому же с темными пятнами, в работе их использовать нельзя. В старину из таких листьев делали грубые циновки (например, № 337–8 с острова Унга, рис. 395). Собранную траву не выбрасывали — она вся шла в дело. Я же затем сортирую траву по длине и связываю в пучки, чтобы досушить на веревке.

Когда все готово для плетения, я смачиваю траву теплой водой из-под крана, заворачиваю ее во влажное полотенце и на несколько дней помещаю в холодильник. В результате трава становится мягкой и пригодной для плетения. Прежде чем траву понадобится снова увлажнить, с ней можно долго работать. Ногтем большого пальца я расщепляю каждый стебель на более тонкие полоски, а затем вплетаю их в корзину, в первую очередь сплетая дно. Сбор и приготовление травы для плетения — кропотливый труд, и если вы живете в городе и вам нужно ехать сотни миль, чтобы добраться до нужного места, вы наверняка станете высоко ценить свои изделия. Бывают годы, когда погода плохая и трава не достигает достаточной высоты, поэтому алеутские женщины всегда стараются запасти побольше травы впрок. Если ее правильно хранить, то запасы могут сохраняться в течение многих лет.

Рафия, коммерческое волокно, изготавливаемое из пальмовых листьев, впервые стала использоваться алеутскими мастерами плетения в XIX в. С течением времени она заменила собой дикую рожь, став основным материалом для плетения. Одной из причин исчезновения пригодной для плетения местной травы стало то, что на некоторых островах начали разводить овец. Другая причина — большой спрос на плетеные вещи со стороны туристов и коллекционеров, удовлетворить который с помощью традиционных трудоемких методов сбора травы и ее плетения стало невозможно.

Корзины прошлого

Многие алеутские женщины, и я в их числе, никогда не видели корзин, изготовленных мастерами прошлого, равно как и не видели в детстве, как плетут корзины. Сейчас я живу в Анкоридже, но родом я с острова Унга, из восточной части Алеутского архипелага. В 1983 г. я впервые взяла уроки плетения у Парасковии Локанин Райт, которая стала моим учителем и другом. Меня интересовала культура алеутов, и я решила начать именно с уроков плетения. Парасковья была одной из сорока трех алеутов, депортированных во время Второй мировой войны японцами, и лишь ей одной из двадцати трех выживших удалось вернуться на Аляску. Если бы не знания Парасковии и еще нескольких мастеров, древнее искусство плетения в стиле атту было бы утрачено безвозвратно. Научившись плетению, я стала давать уроки в культурных центрах, летних лагерях и других подобных учреждениях. В 2007 г. я написала книгу «Учимся плести корзины атту». Я хотела сохранить эти знания и передать их

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

будущим поколениям. Кроме того, я стала соавтором ряда других публикаций.

Меня восхищают трудолюбие и энергия алеутских женщин, красота их изделий — как в прошлом, так и в наше время. Мне довелось видеть плетеные изделия алеутов в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке, Музее Анкориджа при Центре Расмуссена и Музее алеутов на Уналашке. В Смитсоновском институте в Вашингтоне и других учреждениях я изучала фотографии корзин и публикации, посвященные им.

В Американском музее естественной истории в Нью-Йорке находятся предметы и мумии, обнаруженные экспедицией Стола—МакКрэкена в 1928 г. в погребениях 300—400-летней давности стоянки Крепость Рок недалеко от острова Уналашка [Weyer 1929]. В этой коллекции есть циновка тончайшей работы, которой была накрыта мумия мужчины, являвшегося, судя по богатству погребального инвентаря, вождем. Циновки из стоянки Крепость Рок были изготовлены методом плотного оплетения. Материал изделия — неокрашенная прибрежная трава в сочетании с окрашенной красной охрой и сухожилиями черного цвета. Это элегантное изделие свидетельствует о том, насколько искусным было алеутское плетение сотни лет назад.

В сентябре 2013 г. мне представилась возможность исследовать и сфотографировать коллекцию плетеных предметов с Алеутских островов, находящуюся в Кунсткамере. Так сбылась моя мечта, я особенно благодарна С.А. Корсуну за то, что он помог мне осмотреть корзину для ловли рыбы или сбора ягод с острова Унги — моей родины (№ 337—4, рис. 386). Радость моя была неописуема, и первая мысль была о том, что, возможно, эту корзину сделал кто-то из моих предков. Эту корзину приобрел П.П. Дорошин в 1848—1853 гг.

Эта и другие корзины, а также циновки из собрания, хранящегося в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого, — подлинные сокровища. Одна из них, приобретенная экспедицией Ю.Ф. Лисянского и И.Ф. Крузенштерна в 1804—1805 гг., — самая большая из всех, которые я видела (№ 2888—80, рис. 393). При ее изготовлении мастер использовал несколько техник, в том числе плотный твайнинг (оплетение) в стиле атту, плотную разряженную оплетку типа «Х» и расположенные на внешней поверхности ряды, выполненные травой цвета охры, которые иногда называют фальшивой вышивкой. По всей поверхности корзины в структуру включено сухожилие, окрашенное охрой. Оно придает корзине прочность, а также имеет декоративную функцию. Горизонтальный рисунок схож с тем, который мы видим на алеутских циновках столетней давности. Весьма вероятно, что эта корзина была изготовлена еще до контактов алеутов с русскими. Возможно, она предназначалась для хранения рыбы или съедобных корений. Одна из плетеных косичек на верхнем крае отсутствует, поэтому трудно сказать, был ли на корзине наплечный ремень. Как специалист, знакомый с техниками плетения, я могу представить себе, сколько труда и времени потребовалось для изготовления такого искусного изделия.

Другой эстетически привлекательный экспонат в коллекции — плотно сплетенный поднос с двумя ручками, материалом для его изготовления послужила неокрашенная прибрежная трава двух оттенков, трава, окрашенная охрой, и крашенное в черный цвет сухожилие (№ 2868—53, рис. 385). Эти материалы переплетены таким образом, что получается рисунок, состоящий из ромбов. Необычна заделка углов в том месте, где дно переходит в стенки подноса. Углы закреплены двумя слоями (рядами) встроенных утков, что является маркером стиля атту. Из этих двух слоев два утка сплетены из натуральной травы, а третий — из сухожилия черного цвета. Кромка или закрепление края выполнено в стиле уналашка. Ручки, в которые для прочности вплетено окрашенное в черный цвет сухожилие, были изготовлены отдельно и прикреплены уже к готовому подносу. Ни местность, где поднос был собран, ни дата его приобретения неизвестны.

В алеутской коллекции Кунсткамеры насчитывается семь корзин для хранения рыбы или сбора ягод. Одна из таких корзин, происходящая с Командорских островов (№ 313—53, рис. 394), сплетена открытым плетением с трехпрядным утком. Остальные шесть (№ 337—4, рис. 386; № 4104—98, рис. 387; № 4101—99, рис. 388; № 4101—100, рис. 389; № 4104—101, рис. 390 и № 4104—102, рис. 391) имеют параллельные вертикальные отверстия между прядями основы. Две из этих корзин декорированы рисунками из черной и красной шерсти (рис. 386 и 394). В коллекции Кунсткамеры нет корзин, расшитых хлопчатобумажными и шелковыми нитками для вышивания, которые обычно использовались в период после перехода Алеутских островов под управление США. При изготовлении большинства сумок и циновок, хранящихся в Кунсткамере, использованы сухожилия, окрашенные в черный цвет. Они служили как для украшения, так и для придания изделиям прочности.

Некоторые из небольших складных алеутских сумок или сумок-кошельков (№ 633—12, рис. 382; № 2868—29, рис. 383 и № 2888—93, рис. 384) сплетены так искусно, что по виду и на ощупь напоминают ткань,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

так что трудно поверить, что они сделаны вручную. Они изготовлены в стиле атту из трав как естественного цвета, так и окрашенных, причудливо орнаментированы геометрическими узорами, а на одной сумке (рис. 384) вышит двуглавый орел. Для создания таких вещей требовались вдохновение и мастерство. Созерцание этих предметов вызвало у меня прилив гордости за моих предков, но и одновременно горечь от осознания того, что многие из созданных ими шедевров безвозвратно утрачены.

В коллекции Кунсткамеры находятся некоторые из самых ранних и совершенных образцов плетеных изделий, собранных на Алеутских островах. Эти культурные ценности тщательно сохраняются, и трудно поверить в то, что некоторым из них свыше двухсот лет. Значение этого собрания для алеутов, а также для исследователей, которые стремятся описать и документировать стили, способы плетения и материалы, использованные алеутскими мастерами прошлого, невозможно переоценить.

Мне хотелось бы выразить свою признательность за предоставленную возможность работать с коллекциями Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ). Прежде всего я благодарна директору МАЭ Юрию Чистову, заместителю директора Юлии Купиной, Юрию Березкину — заведующему отделом Америки, старшему научному сотруднику этого отдела Сергею Корсуну, Евгению Головко из Института лингвистических исследований Российской академии наук, Стивену Лабенски, специалисту по связям с общественностью в Консульстве Соединенных Штатов Америки, и его помощнице Татьяне Космыниной, Ольге Соколовой, куратору отдела Америки МАЭ; Арону Кроуэллу — директору филиала Арктического центра Смитсоновского института в Анкоридже. Моя особая благодарность — Милли МакКеон, директору Алеутской ассоциации островов Прибылова, которая предложила мою и Мозеса Диркса кандидатуры в качестве представителей алеутского народа. Благодаря усилиям перечисленных мною специалистов наше пребывание в Кунсткамере было увлекательным, успешным и незабываемым.

А.Л. Кроуэлл,
директор филиала Арктического центра
Смитсоновского института в Анкоридже;
Ш.П. Кэй,
знаток традиционных алеутских ремесел,
специалист по плетению

БИБЛИОГРАФИЯ

[*Корсун С.А.*] Тлинкиты: Каталог коллекций Кунсткамеры / Отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб.: МАЭ РАН, 2007.

[*Корсун С.А.*] Эскимосы алютиик: Каталог коллекций Кунсткамеры / Авт.-сост. С.А. Корсун, отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб.: Наука, 2010.

Ляпунова Р.Г. Плетеные изделия алеутов // Из культурного наследия народов Америки и Африки. (Сборник МАЭ. Т. XXXI). Л.: Наука, 1975. С. 36–51.

Black L.T. Glory Remembered: Wooden Headgear of Alaska Sea Hunters. Juneau: Alaska State Museum, 1991.

Black L.T. Aleut Art Unangam Aguqaadangin. Second edition. Anchorage: Aleutian Pribilof Islands Association, Inc., 2003.

Clifford J. Museums as Contact Zones. In Routes: Travel and Translation in the Late Twentieth Century. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1997. P. 188–219.

Clifford J. Returns: Becoming Indigenous in the Twenty-First Century. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2013.

Coltrain J.B., Hayes G.M., O'Rourke D.H. Hrdlička's Aleutian Population-Replacement Hypothesis: A Radiometric Evaluation // Current Anthropology. 2006. № 47 (3). P. 537–548.

Crowell A. L., Steffian A.F., Pullar G.L. Looking Both Ways: Heritage and Identity of the Alutiiq People. Fairbanks: University of Alaska Press, 2001.

Crowell A.L., Worl R., Ongtooguk P., Biddison D.D. Living Our Cultures, Sharing Our Heritage: The First Peoples of Alaska. Washington D.C.: Smithsonian Books, 2010.

Fienup-Riordan A. The Living Tradition of Yup'ik Masks: Agayuliyararput (Our Way of Making Prayer). Seattle, Washington: University of Washington Press, 1996.

Hrdlička A. The Aleutian and Commander Islands and their Inhabitants. Philadelphia: Wistar Institute of Anatomy and Biology, 1945.

Ivanov S.V. Aleut Hunting Gear and its Ornamentation // Proceedings of the 23rd International Congress of Americanists. 1930. P. 477–509.

Jochelson W. History, Ethnology, and Anthropology of the Aleut. Washington, D.C.: Carnegie Institute of Washington, 1933.

Korsun S.A. The Alutiit/Sugpiat: A Catalog of the Collections of the Kunstkamera / Editor in chief Yu. E. Berezkin. Fairbanks: University of Alaska Press, 2012.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Liapunova R.G. Essays on the Ethnography of the Aleuts: At the End of the Eighteenth and the First Half of the Nineteenth Century / Translated by Jerry Shelest. Edited by William B. Workman and Lydia T. Black. Fairbanks: University of Alaska Press, 1996.

Shapsnikoff A.T., Hudson R.L. Aleut Basketry // Anthropological Papers of the University of Alaska. 1974. № 16 (2). P. 41–69.

Sleeper-Smith S. Contesting Knowledge: Museums and Indigenous Perspectives. Lincoln: University of Nebraska Press, 2009.

Veniaminov I. Notes on the Islands of the Unalaska District / Translated by Lydia T. Black and Richard H. Geoghegan; Edited by Richard A. Pierce. Kingston: The Limestone Press, 1984.

Weyer E.M. An Aleutian Burial // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. New York: American Museum of Natural History, 1929. Vol. 31, Part 3.

Перевод Н.Н. Васильковой

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

АЛЕУТЫ И АЛЕУТСКИЙ ЯЗЫК

Культурные и языковые изменения за последние два с половиной века[1]

До середины XVIII в., когда на Алеутских островах появились первые русские путешественники и промышленники, существовало восемь групп («племен») алеутов, живших не менее чем в 160 поселках. Алеуты занимали всю гряду Алеутских островов — от острова Атту на западе до полуострова Аляска на востоке (см. карту). В то время общая численность алеутов составляла, вероятно, не более 10 тыс. чел. За сорок лет, последовавших за обнаружением в 1741 г. экспедицией Витуса Беринга Алеутских островов, численность алеутов сократилась не менее чем в пять-шесть раз, примерно до полутора тысяч человек, а богатейшие природные ресурсы были в значительной степени разрушены.

После образования в 1799 г. Российско-американской компании (РАК) положение дел несколько улучшилось, однако и этот период также не способствовал восстановлению численности населения, в первую очередь из-за эпидемий различных завезенных в регион заболеваний и высокой детской смертности. Кроме того, именно в это время стали заметны первые признаки того, что в современной лингвистике принято называть языковым сдвигом или, иными словами, исчезновением языка. Ослабление позиций алеутского языка объяснялось как самим фактом появления в регионе более сильного в социальном отношении русского языка, так и многочисленными переселениями носителей разных диалектов алеутов с острова на остров: такова была обычная практика РАК, преследовавшей прежде всего экономическую выгоду.

Последние сорок лет русского владения островами и Аляской (до продажи их Соединенным Штатам Америки в 1867 г.) в целом характеризуются более мягкой политикой в «колониях» на северо-востоке России (из всей территории к востоку от Урала только Аляска и Алеутские острова в российских официальных документах назывались «колониями»). Во многом это стало следствием усиления правительственного контроля над деятельностью РАК.

Отчасти улучшение обстановки можно поставить в заслугу Ивану Евсеевичу Вениаминову (1797–1879). Разумеется, целью этого православного священника, как и любого миссионера, была христианизация алеутов, т.е. глубокое воздействие на традиционную культуру (а значит, и на язык) исходя из принципов,

[1] Информацию о структурных и социолингвистических особенностях алеутского языка можно также найти в работах: [Головко 1996 а; Головко 1996 б; Головко, Вахтин, Асиновский 2009].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

которые казались ему единственно верными. Известно, что такого рода воздействие, до неузнаваемости меняющее культурный облик «просвещаемого» народа, не всегда осуществляется самыми деликатными способами. Однако И.Е. Вениаминов в силу своих личных качеств был склонен придерживаться гуманных принципов, поэтому указанный период стал, по словам М. Краусса, «не только более благоприятным в истории языков и культур коренного населения Аляски, чем любой из предыдущих, но и более благоприятным, чем любой из последующих американских периодов» [Краусс 1981: 156].

Для более успешного распространения православия Вениаминов создал алеутскую письменность, в основу которой положил церковнославянский алфавит, дополнив его специальными надстрочными знаками. В сотрудничестве с алеутом Иваном Паньковым И.Е. Вениаминов в 1826 г. составил алеутский букварь, перевел на алеутский язык катехизис и ряд других нравоучительных книг. В период с 1834 по 1903 г. Русской православной церковью было издано еще несколько переводных книг: «Указание пути в царствие небесное», «Начатки христианского учения», «Евангелие от Матфея», «Евангелие от Луки», «Евангелие от Иоанна», сборники молитв и псалмов. Чрезвычайно ценно то, что некоторые переводы сделаны помощниками и учениками И.Е. Вениаминова, коренными жителями, священниками Лаврентием Саламатовым (Саломатовым), Яковом Нецветовым и Иннокентием Шаяшниковым. Все они происходили «из креолов»[2], поэтому одинаково хорошо владели и русским, и алеутским (для Л. Саламатова и Я. Нецветова родным был диалект о. Атка, для И. Шаяшникова — диалект о. Уналашка). Наибольшую ценность с точки зрения качества перевода представляет «Евангелие от Марка», переведенное Л. Саламатовым не позднее 1861 г. (перевод был опубликован только в 1959 г.) [Bergsland 1959].

Примечателен даже не столько сам факт издания книг на алеутском языке, сколько появление письменной традиции и широкое распространение грамотности, связанное прежде всего с деятельностью церковных школ. Это, в свою очередь, имело чрезвычайно важные последствия для алеутской культуры. Расцвет письменной традиции приходится на момент продажи Аляски и Алеутских островов США в 1867 г. Не будет преувеличением сказать, что в то время ни один из так называемых малочисленных коренных народов не мог сравниться с алеутами по уровню грамотности. С одной стороны, это можно связать с гуманной политикой в области просвещения и образования, при этом еще раз отметив это как личную заслугу И.Е. Вениаминова; с другой стороны, еще более важными, с нашей точки зрения, оказались другие факторы: тесная связь распространения грамотности с чрезвычайно удачно прижившейся на алеутской почве новой религией (о параллелях между некоторыми чертами православия и традиционной алеутской культуры, а также о формах адаптации христианства у алеутов см.: [Black 1992]). Работая в начале XX в. на Алеутских островах, русский этнограф Владимир Ильич Иохельсон отмечал, что его информанты «довольно хорошо грамотны, т.е. пишут по-алеутски вениаминовской азбукой» [Иохельсон 1911: 100].

Несмотря на то что Аляска и Алеутские острова были проданы США в 1867 г., церковно-приходские школы, где обучали на алеутском и русском языках, а также преподавали эти языки как предметы, просуществовали до 1912 г., пока они не были закрыты новыми властями. Алеуты, к тому времени во многом перенявшие русские культурные традиции, упорно сопротивлялись американскому влиянию и отказывались учить английский язык, игнорируя посещение школ. Знание русского языка наряду с алеутским стало важной составной частью новой алеутской идентичности. Не в последнюю очередь это объясняется тем, что русский был языком принятого алеутами православия. Знание разговорного русского языка и умение писать на алеутском с использованием вениаминовской системы письма продержалось примерно до начала 60-х годов XX в.

Наряду с развитием алеутской письменности не прекращалось повсеместное и с каждым годом усиливавшееся влияние русского языка на алеутский. Во введении к фундаментальному алеутскому словарю [Bergsland 1994: xxxiii] даны следующие цифры: более 800 заимствований во всех диалектах на территории США (640 — в уналашкинском, 531 — в аткинском, 39 — в аттуанском). Однако и эти данные не окончательные: М. Краусу (устное сообщение, 2007 г.) удалось записать в дополнение к 800 словам, выявленным К. Бергсландом, еще около 300 русских заимствований, значительная часть которых — «церковная» лексика.

В первый период американского правления для сохранения алеутского языка практически не было

[2] До сих пор не ясно, кто ввел этот термин в качестве официального (употреблялся в документах РАК) по отношению к части населения Русской Америки, см. об этом: [Black 1990; Vinkovetsky 2001]. Важно отметить, что креолы в Русской Америке были не просто населением, произошедшим от смешанных браков, но прежде всего особой социальной категорией (впрочем, это относится и к термину «алеут»). О понятиях «креол» и «алеут» применительно к Русской Америке, а также об особенностях социального устройства «колоний» подробно см.: [Black 2004: 209–222; Вахтин, Головко, Швайтцер 2004: 109–115; Гринев 2000; Люрман 2001; Luehrmann 2008: 115–120].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

серьезных препятствий, прежде всего потому, что Аляска и Алеутские острова не вызывали у американцев интереса и число приезжих было небольшим. Позднее активизация миссионерской деятельности протестантских миссионеров, которые были категорически против обучения на родном языке и употребления его в религиозных обрядах, подтолкнули языки коренного населения Аляски, в том числе алеутский, к исчезновению. Наряду с этим численность алеутов продолжала сокращаться, причины оставались те же — болезни и высокая детская смертность.

Принятый в 1967 г. федеральный закон о двуязычном обучении открыл возможность преподавать в американских школах на других языках, кроме английского, и это заметно улучшило положение дел. Центр изучения языков коренного населения Аляски, созданный по инициативе М. Краусса при Университете штата Аляска (г. Фэрбанкс), выпускает учебные пособия и другую литературу на алеутском языке. Составляются школьные программы, проводятся семинары по вопросам повышения грамотности, консультации с учителями. Создан обширный архив, фонды которого содержат практически все известные на сегодняшний день печатные и рукописные документы, имеющие какое-либо отношение к языкам коренного населения Аляски, включая алеутский.

По данным на конец XX в. [Bergsland 1989; 1998], в США было 510–525 носителей алеутского языка. Они распределялись по островам следующим образом: Атка — 80 чел., Умнак — 25, Уналашка — 10–15, Акутан — 10–15, Кинг-Коув (бывший Белковский — поселение на Аляске) — 10–15, острова Прибылова: Св. Павла — 250, Св. Георгия — 125.

Исследователи, собиравшие социолингвистические данные примерно в тот же период, дают несколько другие цифры владеющих языком: Атка — 44 (самый молодой носитель в возрасте 25 лет), Акутан — 4 (самый молодой — 70 лет), о. Св. Павла — 40 (самым молодым носителям не менее 50 лет), о. Св. Георгия — 15 (самые молодые носители старше 50 лет), Кинг-Коув — 10 (самые молодые носители старше 60 лет).

В таких разночтениях нет ничего удивительного: они возникают почти всегда, когда дело касается числа владеющих языком. Однако все данные не расходятся в одном: хотя говорящих на аткинском диалекте в абсолютном исчислении меньше, чем говорящих на уналашкинском, средний возраст носителей аткинского существенно ниже.

Следует отдельно отметить особую ситуацию с той языковой общностью, которая возникла на островах Прибылова. Уровень владения языком в этой группе носителей восточного диалекта значительно выше, чем в других местах. Этот факт, а также некоторая территориальная обособленность «работают» на создание местными жителями своей собственной коллективной идентичности. В последнее время они все чаще настаивают на том, что их язык не похож на язык других носителей восточного диалекта. Такая позиция хорошо укладывается в процесс конструирования собственной идентичности, хотя, если подходить к вопросу языковых различий со строго лингвистических позиций, оснований для объявления языкового варианта алеутов островов Прибылова самостоятельным диалектом все-таки недостаточно.

Необходимо дать пояснения, касающиеся общего числа алеутов. По данным переписи 1990 г., численность алеутов в США — 23 797 чел., по данным переписи 2000 г. — чуть более 17 000 чел. Именно столько людей идентифицируют себя как алеуты. Эта внушительная цифра включает всех называющих себя алеутами — как из «идейных» (об особенностях самоидентификации см. подробнее ниже), так и из экономических соображений (чтобы использовать льготы, полагающиеся коренному населению).

Начало конструирования единой «алеутской этничности» (как и любой другой) связано с вмешательством государства. Разумеется, до появления на Аляске европейцев у предков нынешних алеутов не существовало никакого представления о себе как едином народе. Стремление государства к точным подсчетам вело к поискам оснований для такого подсчета. В качестве классифицирующего этнического признака в науке того времени использовался прежде всего язык. Поэтому «алеутами» были записаны все, кто говорил на диалектах этого языка (точнее, на том, что посчитали диалектом). Нечто подобное происходило в колониальный период в большинстве регионов мира. Однако в случае с алеутами сыграли роль и другие факторы. РАК ввела свою внутреннюю социальную классификацию: (русский) промышленник — креол — алеут. Она не столько отражала степень «чистоты — смешанности», сколько приписывала различные социальные статусы, закрепляла за «рабочими» РАК различные права и обязанности.

То, что введенная категоризация имела социально-экономическую, а не этническую основу, подтверждается случаями перевода из разряда «алеутов» в разряд «креолов», а из разряда «креолов» — в разряд «нормальных» российских подданных (такие факты «повышения по службе» приводятся в работе [Black 1980: xxiii]). Таким образом, «алеутами» в период существования РАК оказались записаны не только говорящие на соответствующих диалектах, но и разнообразные группы коренного

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

населения, попавшие в сферу юрисдикции РАК, например современные тихоокеанские эскимосы (алютиик), небольшая часть группы эскимосов центральный юпик, некоторые другие. Несмотря на то что современные научные классификации (в основе которых лежат прежде всего языковые данные) относят, например, коренных жителей острова Кадьяк к эскимосам, сами они сегодня настаивают на своей алеутской идентичности и используют при этом соответствующее самоназвание Alutiiq [Pullar 2010]; по-английски они называют себя Aleut, т.е. «алеутами». В США такой способ самоидентификации сегодня учитывается на административном уровне: упомянутые группы, несмотря на попытки возродить эскимосское название Sugpiaq, числятся алеутами.

Помимо США, алеуты живут и на территории Российской Федерации. Общая численность алеутов в России, по данным на начало XX в., 540 чел. Большинство российских алеутов — жители Камчатской области. Большую часть алеутов, около 300 чел., составляют жители Командорских островов, сосредоточенные в единственном ныне существующем на островах селе Никольском (о. Беринга).

Командорские острова, открытые Второй Камчатской экспедицией Витуса Беринга в 1741 г., расположены приблизительно в 160 км к востоку от побережья Камчатки и включают, помимо двух мелких островков (остров Топорков и остров Арий Камень), два крупных острова — Беринга и Медный. В отличие от островов Алеутской гряды, Командорские острова не имели коренного населения, по крайней мере, не найдено надежных доказательств существования древних жителей. С 1826 г. РАК стала завозить на острова промысловых рабочих-алеутов с Алеутских островов и островов Прибылова. К 1890 г. население обоих островов составляло 619 чел.: на острове Беринга — 345, на острове Медном — 274 [Суворов 1912: 104]. С этого времени переселения на острова прекратились и численность населения стала неуклонно уменьшаться, достигнув к 1920 г. 377 чел. (о. Беринга — 206, о. Медный — 171). Сегодня единственное место в Российской Федерации, где алеуты живут компактной группой, — село Никольское (о. Беринга), которое является центром Алеутского муниципального образования.

Алеутские и Командорские острова

До 1980-х годов алеутский язык на Командорских островах никогда не преподавался в школе. В 1931 г. Елизавета Порфирьевна Орлова с помощью «бригады» алеутов (Николай Будаков, Павел Волокитин, Александр Ножиков, Моисей Паньков, Степан Сушков, Александра Шадрова) — студентов Дальневосточного техникума народов Севера (Хабаровск) составила алеутский букварь с названием *Аг'адгих' нан'акух'* — «Солнце восходит». Букварь был создан на основе латинского алфавита, предназначался для печати и должен был выйти в 1932 г., однако так же, как и ряд букварей на других языках малочисленных народов СССР, не был издан.

Первая попытка факультативного преподавания алеутского языка (беринговский диалект) в младших классах была предпринята в 1983–1985 гг. Валентиной Сергеевной Сушковой. После 1988 г. было несколько попыток возобновить преподавание. Несмотря на все трудности, в Никольском и сегодня предпринимаются усилия по налаживанию факультативного преподавания языка.

Преобладание смешанных браков, жизнь в поселке, где для большей части населения родной язык — русский, отсутствие в прежние годы преподавания алеутского языка в школе и малочисленность группы командорских алеутов (все перечисленные выше причины в конечном счете можно считать производными от последней) неизбежно должны были привести к утрате алеутами своего языка. Уже по данным переписи 1959 г. (при всей условности этих данных) лишь 22,3 % алеутов называли алеутский родным языком.

Сегодня молодые алеуты не говорят и не понимают по-алеутски, в лучшем случае их словарный запас составляет несколько слов. Алеутский язык знают лишь отдельные представители самого старшего поколения. Еще в 1963 г. Г.А. Меновщиков отмечал отход молодого поколения от родного языка. В то время, по его данным, из старшего поколения владели языком не более 50 человек, причем хорошо — около 30 [Меновщиков 1965: 85]. В настоящее время этот процесс зашел еще дальше: языком владеют трое «беринговцев» и четверо «медновцев».

Ни среди американских, ни среди российских алеутов не сохранился традиционный алеутский фольклор (хотя на острове Атка еще недавно имели хождение адаптированные русские сказки, которые воспринимались как свой, «исконный» фольклор, см. [Kasakam uniikangis 1978] (название переводится как «русские сказки»)). Показателем быстрого исчезновения языка можно считать и частичную замену алеутской терминологии родства на русскую. То же самое в значительной степени касается микротопонимики.

За два с лишним века интенсивных контактов с русскими очень многие «исконные» элементы алеутской культуры оказались вытесненными. Воспринятые от русских черты осознаются сейчас самими алеутами как «традиционные алеутские». На Командорах националь-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

ным музыкальным инструментом считается балалайка с каким-нибудь «национальным» рисунком — кит, чайка и т.п.; только в самые последние годы под влиянием этнографических источников вновь начинает использоваться бубен. Алеутские песни, начиная еще с XIX в., исполнялись в традиционной русской манере, под гитару, балалайку, гармонь и на мотив русских песен, хотя и на алеутском языке; своими национальными танцами командорские алеуты считают кадриль и баланс. Традиционная одежда, известная из ранних этнографических описаний, в быту давно уже не используется. Алеуты уже много десятилетий на регулярной основе не занимаются традиционным алеутским морским промыслом (охота на морского зверя в открытом море).

Таким образом, между алеутами, какими они предстают в классическом описании И.Е. Вениаминова [Вениаминов 1840], и современными жителями Командорских и Алеутских островов нет практически ничего общего. Однако, говоря о современных алеутах, вряд ли имеет смысл перечислять только утраченное из древней алеутской культуры. Как справедливо отмечают М.А. Членов и И.И. Крупник [Членов, Крупник 1987: 160–163] в работе, посвященной командорским алеутам, их культура с самого начала своего формирования включала три достаточно разных исходных элемента: 1) древнюю культуру жителей Алеутских островов и Аляски в том виде, в каком застали ее русские путешественники и промышленники середины — второй половины XVIII в.; 2) так называемую креольскую культуру Русской Америки, которая отнюдь не была механическим соединением двух культур, местной и европейской, но обладала многими своими особенностями; 3) русскую старожильческую культуру Камчатки и Дальнего Востока.

Взаимодействие этих трех компонентов и создало к концу XIX в. уникальный культурный облик алеутов.

Все, что происходило с алеутами на протяжении последних двух с половиной веков, говорит в пользу того, что люди должны были бы давно отказаться от своего языка. Однако члены сообщества пытаются адаптироваться к сложившейся ситуации. Очевидно, в рамках такого рода адаптационных стратегий можно рассматривать и языковой сдвиг, который начался очень давно (видимо, еще во времена РАК) и в настоящее время, как кажется, приближается к своему завершению.

Диалекты алеутского языка

На Алеутских островах в настоящее время существуют два диалекта: аткинский (другое принятое в литературе название — западный) и уналашкинский (восточный). История еще одного диалекта, аттуанского, ранее распространенного на о. Атту, поистине трагична. Все носители этого диалекта, захваченные во время Второй мировой войны в плен японским десантом, были вывезены в Японию, где многие из них умерли под влиянием непривычных климата и пищи, а также болезней, вызванных очень плохими условиями содержания. Аттуанцы, вернувшиеся после окончания войны в США, были поселены не на своем острове, а на Атке, в одном поселке с носителями аткинского диалекта. Некоторые из них предпочли поселиться на Аляске, в основном в Анкоридже. Все это ускорило исчезновение аттуанского диалекта, который по своим структурным характеристикам стоял несколько особняком среди других диалектов.

На территории Российской Федерации представлено две разновидности алеутского языка. Одна из них — беринговский диалект (по названию острова Беринга, на котором с момента переселения до настоящего времени живут его носители) — практически полностью совпадает с диалектом острова Атка (Алеутские о-ва). Единственное отличие беринговского диалекта от аткинского — некоторая естественная консервация языка, причиной которой стал длительный отрыв части говорящих от основной массы носителей. Почти все грамматические формы, помеченные в аткинской грамматике [Bergsland, Dirks 1981; Bergsland 1997] как формы «старого языка», т.е. вышедшие из употребления, существуют в современном беринговском диалекте и не воспринимаются как архаичные. В свою очередь, некоторые инновации в грамматических формах, имеющиеся в аткинском диалекте, отсутствуют в беринговском. Точно так же обстоит дело с лексикой: слова, появившиеся в аткинском диалекте после переселения части алеутов на Командоры, не опознаются современными беринговцами.

Таким образом, с некоторыми оговорками (сводящимися в основном к употреблению архаизмов и русской интерференции) можно утверждать, что современный беринговский диалект — это тот диалект, на котором говорили алеуты острова Атка в середине XIX в. Кстати, факт такого совпадения, сам по себе не кажущийся удивительным, представляет собой загадку в другом отношении: история переселения алеутов с Алеутских островов на Командоры, как она описана на основе архивных источников современными авторами [Ljapunova 1982; Ляпунова 1987], опровергает казавшееся несомненным раньше утверждение о том, что при переселении на остров Беринга попали в основном алеуты с острова Атка, а на остров Медный — с острова Атту.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Это убеждение (базировавшееся в основном на работах Г.А. Меновщикова) хорошо согласовывалось с лингвистическими фактами. Еще В. И. Иохельсон, руководивший этнографическим отделом экспедиции, финансировавшейся московским миллионером Ф.П. Рябушинским, отмечал (после общения в Петропавловске-Камчатском с жителем Командорских островов), что «на острове Беринга говорят на аткинском наречии, а на острове Медном — на аттовском наречии» [Иохельсон 1911: 109].

В начале 1960-х годов, когда на Командорских островах впервые за всю их историю велась полевая лингвистическая работа, Г.А. Меновщиков (которому не было известно изложенное выше наблюдение В. И. Иохельсона) пришел к выводу, что на острове Беринга не представлено никакого другого алеутского диалекта, кроме беринговского (совпадающего с аткинским). В отношении жителей острова Медный им впервые было сделано наблюдение, что те говорят на особом языке, образовавшемся в результате взаимодействия русского и алеутского [Меновщиков 1964]. То, что в основе последнего лежит аттуанский диалект, было позже показано в работах [Golovko, Vakhtin 1987; 1990].

Язык острова Медный (где до конца 1960-х годов жили его носители) представляет собой уникальное лингвистическое явление. Медновский диалект — результат смешения языков: его фонетика, морфология, синтаксис представляют собой сплав фонетики, морфологии, синтаксиса двух контактировавших неродственных языков — алеутского (базовым для образования медновского послужил диалект острова Атту, ныне не существующий) и русского (основой для образования этой его разновидности послужила диалектная, «старожильческая» форма русского языка). Медновский — не диалект алеутского или русского языка, но самостоятельный язык, в котором легко вычленяются его составные части, алеутская и русская (еще раз подчеркнем, что весь язык не сводится к простому механическому соединению этих двух частей). Пожалуй, единственная черта, отличающая его от «нормальных» языков, — довольно высокая степень вариативности.

И беринговский диалект, и медновский язык, как уже отмечалось, находятся под угрозой полного исчезновения.

Самоназвания алеутов

До прихода европейцев у алеутов существовало отчетливое разделение на восемь групп. У каждой из них было свое самоназвание, большинство из которых известно [Bergsland 1959: 11–14; 1994: xv–xvi): 1) К'агаан Тайаг'ун'ин — *букв.* «люди востока» (жили не менее чем в 34 поселениях, в том числе на самом полуострове Аляска); 2) К'игиг'ун (около 40 поселений в восточной части Лисьих островов, а также на островах Креницына и в южной части о. Уналашка); 3) К'авалан'ин (28 поселений в западной части Лисьих островов, в западной части о. Уналашка и на о. Умнак); 4) Акууг'ун (8 поселений на Четырехсопочных островах); 5) Нииг'уг'ис (около 30 поселений на Андреяновских островах, включая о. Канага); 6) Наа'миг'ус (не менее чем 9 селений на о. Танага и на о-вах Деларова; 7) К'ахун (не менее чем 10 селений на Крысьих о-вах); 8) Сасигнан (многочисленные мелкие поселения на Ближних о-вах).

Сегодня алеуты Алеутских и Командорских островов используют в качестве самоназвания единый термин *унан'ах'* — приблизительный перевод «прибрежные (жители)», «живущие у моря». Исходно это слово, вероятно, представляло собой название одной из алеутских территориальных групп. Оно восходит к алеутскому указательному местоимению *уна* «внизу, далеко (о протяженном объекте, расположенном вдоль берега моря, видимом говорящему)»; приведем также производное слово *унан'аа* (притяжательная форма) «пролив между маленьким (низким) островом и островом, бóльшим по размеру (более высоким)» [Bergsland 1959: 11].

Термин *унанган* (образован от формы множественного числа в уналашкинском и аттуанском диалектах — *унан'ан*; общеалеутская форма ед.ч. — *унан'ах'*), который в 1930-е годы пытались ввести в советской научной литературе для называния алеутов (см., например: [Иохельсон 1934: 129]), не привился. Медновцы в качестве самоназвания почти всегда используют русское слово «алеуты», снабжая его алеутским (аттуанским по происхождению) показателем мн.ч. *-н*: *алеута-н* «алеуты» (удвоение *у* передает долготу гласного), хотя изредка может использоваться и слово *унан'а-н* (с тем же показателем мн.ч.). Точно так же беринговцы могут иногда вместо *унан'а-с* употребить *алеута-с*, только уже со своим показателем мн.ч. *-с* (аткинским по происхождению).

Трудно сказать, когда стало возможным употребление одной и той же группой обоих терминов (алеутского и русского) как синонимичных — после того как все алеуты стали жить в одном поселке на о. Беринга (начиная с конца 1960-х годов) или еще раньше под влиянием русского языка. Впервые термин *унан'ас* упоминается в рукописи Р. Раска, хранящейся в Королевской библиотеке Копенгагена [Bergsland 1959: 11].

Как отмечалось выше, беринговские алеуты называют себя *унан'ас*, однако в качестве самоназвания

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

используется и слово *алеутас* «алеуты». Пожалуй, единственное, что достоверно известно о происхождении последнего этнонима, — это то, что он появился после прихода в регион русских. Авторами наиболее известных гипотез о происхождении слова «алеут» являются И.С. Вдовин и Г.А. Меновщиков. Вдовин возводит этот этноним к чукотско-корякской основе *элев / аляв* (варианты *э̀чев / а̀чав*) со значением «обвязывать, обматывать что-л.». Слово *аляв-выттэ*, якобы принявшее в русском языке форму «алеут», имело значение «те, которые имеют на голове ободы с ветками» [Вдовин 1968]. Г.А. Меновщиков, отвергая это предположение, возводит термин «алеут» к слову *алитхух'*, которое, по его мнению, в ранний период истории алеутов имело значение «родственная община», «команда», «объединенная чем-л. группа людей», а позже получило ряд дополнительных значений: «команда судна», «отряд людей», «военный отряд» [Меновщиков 1980]. Признавая право на существование обеих гипотез, следует признать, что вопрос о происхождении этнонима «алеут» остается открытым и требует дальнейшего изучения.

Генетические связи алеутского языка

Алеутский язык имеет достаточно отдаленное родство с эскимосскими языками. Предположения относительно родства этих языков, которые, начиная с Р. Раска, высказывались различными исследователями, поначалу имели сугубо интуитивный характер. Они превратились в научный факт лишь с появлением работ Г. Марша и М. Сводеша [Marsh, Swadesh 1951] а также К. Бергсланда [Bergsland 1951; 1953].

Невозможно с полной определенностью сказать, когда протоэскалеуты разделились на две общности. Этот вопрос может быть решен лишь на основе сравнительного анализа лингвистических и археологических данных, однако отсутствие письменных памятников и не очень многочисленные (из-за трудных природных условий) археологические изыскания[3] делают, с одной стороны, почти невозможным ответ на вопрос о времени разделения, однако, с другой стороны, позволяют высказывать почти любые, порой самые неправдоподобные предположения: разброс мнений — от 10 тысяч до 1 тысячи лет.

По данным К. Бергсланда, около 15 % (300 из 2000) алеутских слов восходит к общим с эскимосскими корням, из них около 30 — указательные и вопросительные местоимения, 10 — слова с локативной семантикой; из 30 терминов, обозначающих части тела, лишь 6–7 соотносятся с эскимосскими. В целом можно констатировать, что процент соответствий в лексике между алеутским и эскимосскими языками гораздо меньше по сравнению с грамматикой, где конкретные подсистемы обнаруживают гораздо большее сходство и допускают реконструкции. Вряд ли такая неравномерность дает основания для радикального вывода о том, что алеутский и эскимосские языки генетически не связаны и что в прошлом имела место замена (заимствование) грамматических подсистем. Однако сам факт такой неравномерности заставляет искать объяснения.

Достаточно большой разрыв между алеутским и эскимосскими языками, как правило, объясняется гипотетической утратой «связующего звена» — ряда промежуточных, переходных диалектов [Краусс 1981: 154], однако, строго говоря, это, конечно, не является объяснением. Мнение о давнем времени распада протоэскалеутского языка было преобладающим, если не сказать единственным, до относительно недавнего времени, однако довольно неожиданно поставлено под сомнение Бергсландом, самым крупным авторитетом в области изучения эскимосско-алеутских языков. В ряде статей (например, [Bergsland 1986; 1989 a] он, основываясь на результатах тщательного сопоставительного исследования, приходит к выводу, что разделение на эскимосскую и алеутскую «ветви» произошло отнюдь не так давно, как было принято считать. К. Бергсланд не приводит точной даты разделения, но на основании анализируемых им сходных ситуаций можно предположить, что речь идет о времени около 2–2,5 тысяч лет назад. Разумеется, это предположение требует критического анализа.

Прекрасным основанием для будущих сопоставительных исследований эскимосско-алеутских языков и реконструкций стал сравнительный словарь эскимосских языков с алеутскими соответствиями [Fortescue, Jacobson, Kaplan 1994]. Авторы словаря для реконструируемых ими протоэскалеутских форм постулируют дату 4–3 тысячи лет назад.

Некоторые исследователи пытались установить родство эскимосско-алеутских языков с другими языковыми семьями. Круг кандидатов в «родственники» самый широкий: индоевропейские, американо-индейские, алтайские языки и др., особенно часто называются уральские языки и юкагирский. Следует, однако, признать, что «претензии на родство» пока не выглядят доказанными.

[3] Упомянем одну из последних публикаций, содержащих данные об археологических раскопках на Алеутских островах: [To the Aleutians and Beyond... 2002].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

История изучения алеутского языка

Алеутский язык стал известен европейской науке во второй половине XVIII в. История его изучения достаточно полно отражена в литературе [Bergsland 1959; Бломквист 1975; Краусс 1981; Головко, Вахтин, Асиновский 2009]. Следует особо упомянуть словарь К. Бергсланда, где во введении дается подробнейшее перечисление всех известных на сегодняшний день опубликованных и рукописных источников, содержащих материалы по алеутскому языку [Bergsland 1994 a: xxxvii–liiv], а сам словарь включает все эти материалы (копии всех известных материалов собраны в архиве Центра изучения языков коренного населения Аляски при Университете штата Аляска в Фэрбанксе).

Первые сведения о языке алеутов были получены в ходе географических экспедиций (экспедиции Д. Кука, Г. Сарычева и И. Биллингса, И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского): начиная с 1758 г. записывались как топонимы алеутского происхождения, отдельные слова, так и довольно много простых предложений; в некоторых случаях составлялись словники довольно большого объема — до нескольких сотен слов (более подробные сведения приведены в работе [Bergsland 1994 a: xvii–xix]. Отдавая должное путешественникам, которые, посещая Алеутские острова, старались собрать языковой материал и таким образом открыть новый для европейской науки, неизвестный до той поры язык, следует заметить, что они сталкивались с языком на короткое время, знакомились с ним через «толмачей», с помощью последних составляли краткие списки слов, причем в записи из-за незнания языка и примитивной техники фиксации неизбежно проникали многочисленные ошибки и искажения.

Первым человеком, заинтересовавшимся алеутским языком и изучавшим его на протяжении долгого времени, был священник И.Е. Вениаминов, начинавший свою деятельность во главе Уналашкинского отдела Камчатской епархии Русской православной церкви, а закончивший свою жизнь митрополитом Московским и Коломенским. Он имел возможность наблюдать традиции и язык алеутов в течение десяти лет. Самая крупная работа И.Е. Вениаминова — трехтомная монография об алеутах [Вениаминов 1840] — до сегодняшнего дня является самым полным этнографическим описанием этого народа. Всем, что сегодня известно о доколониальном прошлом алеутской культуры, а также о первом периоде колонизации, мы обязаны Вениаминову. В книге содержится и лингвистический материал: приводятся различные алеутские термины, выражения, названия народов Русской Америки, самоназвания алеутских «племен», отдельные зоологические, ботанические, календарные термины. В книге есть пять песен на уналашкинском диалекте, одна — на аткинском, кроме того, на аткинском — повесть и сказка.

Грамматика алеутского языка (на материале уналашкинского диалекта), изданная Академией наук в 1846 г. [Вениаминов 1846], упрочила сложившуюся к тому времени репутацию Вениаминова как талантливого исследователя. Работа состоит из собственно грамматического описания, двух алеутских песен с русским переводом, «сочинения одного природного алеута с русским переводом», алеутских числительных, алеутско-русского словаря с ключом к нему. Интерпретация грамматического строя исследуемого языка подчинена классической европейской грамматической традиции, поэтому автору не удалось избежать ошибок в понимании языковой системы (впрочем, их редко удается избежать и профессиональным лингвистам, особенно при первом описании языка), однако Вениаминов сумел отметить и объяснить основные особенности, отличающие алеутский язык от иносистемных языков.

В 1850-х годах И.Е. Вениаминов покинул Америку. Работу над переводами религиозной литературы продолжили его ученики. Один из них, священник Яков Нецветов (из сословия «креолов»)[4], одинаково хорошо владевший аткинским диалектом и русским языком, помимо переводческой деятельности занимался составлением русско-алеутского словаря [Нецветов 1840]. Сохранившаяся рукопись (хранится в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне) включает около 4600 единиц (считая отдельные лексемы, словообразовательные и словоизменительные формы), расположенных в алфавитном порядке, тематический словарь (около 900 единиц), а также 98 местных названий на островах Атка и Амля. Работа не была завершена, но словарь содержит весьма ценные материалы, которые полностью вошли в сводный алеутский словарь К. Бергсланда [Bergsland 1994].

Для исследователя языка командорских алеутов представляет интерес небольшой словник, составленный в 1892–1893 гг. географом и биологом Николаем Васильевичем Слюниным на острове Беринга с помощью священника Адриана Серикова. В словнике около 230 слов с некоторыми словообразовательными и словоизменительными формами и 17 коротких фраз. Рукопись словника хранится в архиве Географического общества в Санкт-Петербурге.

[4] Основные биографические данные приводятся в работе [Pierce 1990: 380–383].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Изучение алеутского языка после И.Е. Вениаминова было продолжено в начале XX в. В.И. Иохельсоном. Посвятив исследованию алеутов первые полтора года Камчатской экспедиции Рябушинского (1909–1910), он объехал все важнейшие острова Алеутской гряды, занимаясь в основном сбором этнографического и лингвистического материала, а также археологическими раскопками (более подробные данные приводятся в работе [Krauss 1990], а также в насыщенной фактическим материалом статье [Корсун 2002]).

В своих работах по алеутскому языку Иохельсон уточнил и развил положения грамматики И.Е. Вениаминова. Многие наблюдения были сделаны им впервые. За полтора года пребывания на Алеутских островах В.И. Иохельсон собрал значительный лингвистический материал [Иохельсон 1919]: 127 текстов, алеутско-русский словарь (около 3 тыс. карточек), русско-алеутский словарь (около 3 тыс. карточек). Как и И.Е. Вениаминов, В.И. Иохельсон работал в основном с уналашкинским диалектом, однако за время пятинедельного пребывания на острове Атка он успел записать также шесть текстов на местном диалекте и, кроме того, как отмечалось выше, в Петропавловске-Камчатском от жителя острова Беринга некоторое количество слов. В.И. Иохельсон был единственным человеком, исследовавшим диалект острова Атту (ныне исчезнувший) тогда, когда носители этого диалекта еще жили там: записал 17 фольклорных текстов и получил перевод на аттуанский 13 текстов, записанных вначале по-уналашкински.

В своей полевой лингвистической работе В.И. Иохельсон, благодаря хорошему техническому оснащению экспедиции, применил передовую по тем временам технику, и это имело важнейшие последствия для дальнейшего изучения языка: большое число текстов и песен было записано на восковые валики с помощью фонографа (оригиналы хранятся в Фонограмм-архиве Пушкинского Дома).

Иохельсон опубликовал всего несколько лингвистических работ: краткий грамматический очерк [Иохельсон 1912], критический очерк грамматики И.Е. Вениаминова [Иохельсон 1920], небольшую статью [Jochelson 1927]. Последней по времени и самой обширной публикацией был очерк «Унанганский (алеутский) язык» [Иохельсон 1934]. Архивные материалы Иохельсона оказались раздроблены и долгое время не публиковались. Только в 1990 г. Центр изучения языков коренного населения Аляски при Университете штата Аляска в Фэрбанксе выпустил собрание алеутских текстов, записанных В.И. Иохельсоном [Jochelson 1990][5]. Книга содержит как ранее опубликованные тексты (проверены и заново транскрибированы), так и некоторые новые тексты, которые были транскрибированы с восковых валиков для фонографа. Транскрибирование и проверка сделаны К. Бергсландом и носителем аткинского диалекта алеутского языка М. Дирксом.

Как отмечалось выше, В.И. Иохельсон опубликовал общий грамматический очерк алеутского языка [Иохельсон 1934][6], но основным источником сведений об алеутской грамматике для широкого круга лингвистов долгое время оставалась грамматика И.Е. Вениаминова. Такая ситуация сохранялась до тех пор, пока в середине XX в. алеутским языком не заинтересовался К. Бергсланд, впоследствии ставший крупнейшим исследователем алеутского языка за всю историю его изучения. Во время нескольких экспедиций к алеутам ему удалось записать большое число текстов на аткинском диалекте, часть которых вместе с некоторыми текстами предшественников (на разных диалектах) вошла в одну из самых значительных публикаций по алеутскому языку [Bergsland 1959]. Анализ экспедиционных и архивных материалов дал К. Бергсланду возможность написать ряд статей, затрагивающих различные стороны грамматического строя и фонетики.

Огромная заслуга К. Бергсланда — составление сводного словаря всех алеутских диалектов [Bergsland 1994], вобравшего, помимо собственных материалов, материалы других исследователей; появлению сводного словаря предшествовал выпуск словаря аткинского диалекта [Bergsland 1980].

В соавторстве с М. Дирксом, одним из авторов настоящей статьи, К. Бергсланд издал «Школьную грамматику аткинского диалекта» [Bergsland, Dirks 1981][7], за которой последовала академическая грамматика, охватывающая материал всех диалектов, существовавших или доныне существующих на американской территории [Bergsland 1997].

---

[5] В книгу вошли почти все тексты, записанные Иохельсоном; остались неопубликованными буквально несколько, которые не удалось транскрибировать, в частности тексты на аттуанском диалекте. «Расшифровка» оказалась невозможной отчасти из-за низкого качества записи, отчасти из-за специфики исполнения, например один из выходцев с о. Атту использует особую ритмическую структуру — произносит текст нараспев, как бы скандирует его (на этот факт наше внимание обратил М. Краусс).

[6] Написанный по-английски вариант грамматики алеутского языка, в котором представлена попытка охвата всех диалектов, так и не был доведен до завершения и, соответственно, не был опубликован [Jochelson 1930].

[7] См. также предварительную публикацию [Bergsland, Dirks 1978].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Последней публикацией К. Бергсланда стал свод всех известных сегодня дохристианских имен алеутов [Bergsland 1998 a]. Значение этой работы для лингвистики и культурной антропологии трудно переоценить.

В соавторстве с М. Дирксом написано еще одно практическое пособие по аткинскому диалекту: [Berge, Dirks 2009]. Кроме того, А. Берге являетсяавтором статей по отдельным аспектам алеутского языка.

Изучением структуры алеутского языка также занимался японский исследователь М. Ошима [Oshima 1982; 1990].

Разновидности алеутского языка, представленные на территории России, изучал сотрудник Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (ныне — Институт лингвистических исследований РАН) Г.А. Меновщиков. Его работы основываются на материалах экспедиции 1963 г. на Командорские острова. Основным результатом трехмесячной экспедиции стало создание очерка для многотомной коллективной монографии «Языки народов СССР» [Меновщиков 1968], а также небольшого алеутско-русского словаря [Меновщиков 1977]. Важнейшим вкладом Г.А. Меновщикова, как отмечалось выше, стало введение в научный оборот материалов медновского языка: в дополнение к упомянутым выше работам [Меновщиков 1964; 1977] можно указать публикации [Меновщиков 1965; 1969].

Е.В. Головко,
член-корреспондент РАН,
заместитель директора
Института лингвистических исследований РАН;
М.Л. Диркс,
лингвист, специалист по алеутскому языку

БИБЛИОГРАФИЯ

Блоквист Е.Э. История изучения в России языков северо-американских индейцев (из архива МАЭ) // Из культурного наследия народов Америки и Африки. (Сб. МАЭ. Т. XXXI). Л., 1975. С. 94–117.

Вахтин Н.Б., Головко Е В., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М.: Новое издательство, 2004. 292 с.

Вдовин И.С. К вопросу о происхождении названия «алеут» // Страны и народы Востока. М.: Восточная литература, 1968. Вып. 6. С. 101–105.

Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб.: б.и., 1840. Ч. I–III. 364 + 413 + 134 с.

Вениаминов И.Е. Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка. СПб.: Тип. Академии наук, 1846. 125 с.

Головко Е.В. Алеутско-русский и русско-алеутский словарь. Приложение: Грамматический очерк и указатель суффиксов. СПб.: Просвещение, 1994. 320 с.

Головко Е.В. Алеутский язык // Языки мира: Палеоазиатские языки / Под ред. А.П. Володина. М., 1996 а. С. 101–116.

Головко Е.В. Язык медновских алеутов // Языки мира: Палеоазиатские языки / Под ред. А.П. Володина. М., 1996 б. С. 117–125.

Головко Е В., Вахтин Н Б., Асиновский А.С. Язык командорских алеутов (диалект острова Беринга). СПб.: Наука, 2009. 356 с.

Гринев А.В. Туземцы Аляски, русские промышленники и Российско-американская компания: система экономических отношений // Этнографическое обозрение. 2000. № 5. С. 74–88.

Иохельсон В.И. Из писем В.И. Иохельсона, начальника Этнологического отдела Камчатской экспедиции Ф.П. Рябушинского, секретарю ИРГО // Известия Императорского Российского географического общества. 1911. Т. XLVII. Вып. I–V. С. 97–111.

Иохельсон В.И. Заметки о фонетических и структурных основах алеутского языка // Известия РАН. 1912. Сер. 6. № 17. С. 1031–1046.

Иохельсон В.И. Опись фольклорных и лингвистических материалов В.И. Иохельсона, хранящихся в Азиатском музее Российской академии наук. I: Материалы по языку и фольклору алеутов // Известия РАН за 1918 г. Пг., 1919. Т. 12. № 17. С. 1979–2003.

Иохельсон В.И. Алеутский язык в освещении грамматики Вениаминова // Известия РАН за 1919 г. Пг., 1920. Сер. 6. Т. 13. №2. С. 133–154. №4–7. С. 287–315.

Иохельсон В.И. Унанганский (алеутский) язык // Языки и письменность народов Севера / Под общ. ред. Я.П. Алькора. Ч. 3: Языки и письменность палеоазиатских народов / Под ред. Е.А. Крейновича. М.; Л., 1934. С. 129–148.

Корсун С.А. Заметки об экспедиции В.И. Иохельсона на Алеутские острова (1909–1910 гг.) // История и семиотика индейских культур Америки / Под ред. А.А. Бородатовой, В.А. Тишкова. М., 2002. С. 515–523.

Краусс М. Языки коренного населения Америки: прошлое, настоящее, будущее // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки: Труды советско-американской группы. М.: Наука, 1981. С. 149–181.

Люрман С. От алеутов и креолов к черным и белым: Южная Аляска между двумя империями // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 169–190.

Ляпунова Р.Г. Алеуты. Очерки этнической истории. Л.: Наука, 1987. 229 с.

Меновщиков Г.А. К вопросу о проницаемости грамматического строя языка // Вопросы языкознания. 1964. № 5. С. 100–106.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Меновщиков Г.А. Новые данные о языке алеутов Командорских островов // Известия Сибирского отд. АН СССР. Сер. общественных наук. 1965. Вып. 1. № 1. С. 84–92.

Меновщиков Г.А. Алеутский язык: Грамматический очерк // Языки народов СССР: В 5 т. / Гл. ред. В.В. Виноградов. Т. 5 / Отв. ред. П.Я. Скорик. Л., 1968. С. 386–406.

Меновщиков Г.А. О некоторых социальных аспектах эволюции языка // Вопросы социальной лингвистики / Под ред. А.В. Десницкой, В.М. Жирмунского. Л., 1969. С. 110–133.

Меновщиков Г А. Алеутско-русский словарь // Языки и топонимия / Отв. ред Э.Г. Беккер. Томск, 1977. Вып. 4. С. 137–198.

Меновщиков Г.А. О происхождении этнонима «алеут» // Советская этнография. 1980. № 1. С. 109–116.

Нецветов Я. Русско-алеутский словарь. Составлен на основе аткинского диалекта. 1840 (дата приблизительная). Рукопись. 225 с.

Суворов Е.К. Командорские острова и пушной промысел на них. СПб.: б.и., 1912. 324 с.

Членов М.А., Крупник И.И. Командорские алеуты: особенности формирования и преемственность этнической культуры // Рациональное природопользование на Командорских островах (состояние и охрана экосистем, проблемы экономического и этнокультурного развития) / Под ред. В.Е. Соколова. М.: МГУ, 1987. С. 157–165.

Berge A., Dirks M. Niiĝuĝis Mataliin TunuXtazangis: How the Atkans Talk (A conversational grammar). Fairbanks: University of Alaska, 2009. 240 p.

Bergsland K. Aleut demonstratives and the Eskimo-Aleut relationship // International Journal of American Linguistics. 1951. № 17. P. 167–179.

Bergsland K. Aleutisk-Eskimoisk (trykt som manuscript). København: Nordisk Sprog- og Kulturforlag: 1953. 7 p.

Bergsland K. Aleut dialects of Atka and Attu // Transactions of the American Philosophical Society. 1959. New Series. Vol. 49. Part 3. P. 3–128.

Bergsland K. Atkan Aleut — English Dictionary. Anchorage: National Bilingual Materials Development Center, 1980. 161 p.

Bergsland K. Comparative Eskimo–Aleut Phonology and Lexicon // Journal de Société Finno-Ougrienne / Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 1986. Vol. 80. P. 63–137.

Bergsland K. Comparative aspects of Aleut Syntax // Journal de Société Finno-Ougrienne / Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 1989. Vol. 82. P. 7–80.

Bergsland K. Present and past, Eskimo–Aleut // Keynote Speeches from the Sixth Inuit Studies Conference, Copenhagen, October 1988 (Institute of Eskimology 14) / Ed. by J. Dahl. Københavns Universitet, 1989 a. P. 108–115.

Bergsland K. Aleut Dictionary / Unangam Tunudgusii. Fairbanks: Alaska Native Language Center, 1994. 739 p.

Bergsland K. Aleut Grammar / Unangam Tunuganaan AchixaasiX. Fairbanks: Alaska Native Language Center, 1997. 360 p.

Bergsland K. Two cases of language endangerment: Aleut and Saami // Ichel Linguistic Studies. Vol. 1: Studies in Endangered Languages / Papers from the International Symposium on Endangered languages, Tokyo, November 18–20, 1995 / Ed. by K. Matsumura. Tokyo: Hituzi Syobo, 1998. P. 33–48.

Bergsland K. Ancient Aleut Personal Names: Materials from the Billings Expedition 1790–1792. Fairbanks: Alaska Native Language Center, University of Alaska Fairbanks, 1998 a. 202 p.

Bergsland K., Dirks M. Introduction to Atkan Grammar and Lexicon / Niiĝuĝim Tunugan Ilakuchangis. Anchorage: National Bilingual Materials Development Center, Rural Education, University of Alaska, 1978. 237 p.

Bergsland K., Dirks M. Atkan Aleut School Grammar. Anchorage: National Bilingual Materials Development Center, Rural Education, University of Alaska, 1981.

Black L.T. Introduction // The Journals of Iakov Netsevetov: The Atkha Years, 1828–1844 / Translated, with an Introduction and Supplementary Material by L.T. Black. Kingston, Ontario: The Limestone Press, 1980. P. XV–XXXIII.

Black L.T. Creoles in Russian America // Pacifica: A Journal of Pacific and Russian Studies. 1990. Vol. 2. № 2 (Russian America: The Forgotten Frontier). P. 142–155.

Black L.T. Russian Orthodoxy in Alaska // Northern Religions and Shamanism (Ethnologica Uralica 3) / Ed. By M. Hoppàl and J. Pentikäinen. Budapest: Akadémiai Kiadó; Helsinki: Finnish Literary Society, 1992. P. 100–107.

Black L.T. Russians in Alaska, 1732–1867. Fairbanks: University of Alaska Press, 2004. 328 p.

Fortescue M., Jacobson M., Kaplan L. Comparative Eskimo Dictionary with Aleut Cognates / Alaska Native Language Research Paper № 9. Fairbanks: University of Alaska Fairbanks, 1994. 626 p.; 2nd ed. 2010. 696 p.

Golovko E.V., Vakhtin N. B. The Convergence of Contacting Phonological Systems: The Aleut Dialect of Copper Island // Proceedings of the XIth International Congress of Phonetic Sciences. Tallinn, 1987. Vol. 4. P. 172–174.

Golovko E.V., Vakhtin N.B. Aleut in contact: the CIA enigma // Acta Linguistica Hafniensia. 1990. Vol. 22. P. 97–125.

Jochelson W. The instrumental and the comitative in the Aleut Language // Language. 1927. № 3. P. 9–11.

Jochelson W. Essays on the Grammar of the Aleut Language. 1930. Ms. 277 p.

Jochelson W. Unangam Uniikangin kayux Tunusangin; Unangam Uniikangis Ama Tunuzangis — Aleut Tales and Narratives / Collected by Waldemar Jochelson / Ed. by K. Bergsland and M. L. Dirks. Fairbanks: University of Alaska, Alaska Native Language Center, 1990. 715 p.

Kasakam uniikangis. Russian Stories Told in Atka Village. From stories told by John Netzvetoff of Atka, Alaska, and written by K. Bergsland and M. Dirks. Anchorage: University of Alaska National Bilingual Materials Center, 1978. 36 p.

Ljapunova R.G. Ethnohistoire des Aléoutes des Iles du Commandeur // Inter-Nord: Revue International des Études Arctiques et Nordiques (Paris). 1982. № 16. P. 189–203.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Luehrmann S. Alutiiq Villages under Russian and U.S. Rule. Fairbanks: University of Alaska Fairbanks, 2008. 204 p.

Marsh G.H., Swadesh M. Eskimo-Aleut correspondences // International Journal of American Linguistics. 1951. Vol. 17. № 4. P. 209–216.

Oshima M. On causative and transitive constructions in Aleut, Eskimo, and Ainu // Review of Liberal Arts [Japan]. 1982. Vol. 64. P. 201–216.

Oshima M. Prosody and syncopation in Eastern Aleut communications // Du Septième Congrès des Études Inuit (Papers from the Seventh Inuit Studies Conference). 19–23 August, 1990. Fairbanks, Alaska / Regard sur l'avenir (Looking to the Future) / Inuit studies occasional papers 4. Association Inuksiutiit Katimajiit inc., 1990. P. 303–311.

Pierce R.A. Russian America: A Biographical Dictionary. Kingston, Ontario; Fairbanks, Alaska: Limestone Press, 1990.

Pullar G.L. Assimilation and Identity among the Kodiak Island Sugpiaq. Paper presented at the 17th Inuit Stuides Conference. Quebec, Canada. October 28–30, 2010. 12 p.

To the Aleutians and Beyond: The Anthropology of William S. Laughlin / Ed. by B. Frohlich, A.B. Harper, R. Gilberg. Copenhagen: The National Museum of Denmark, Department of Ethnography (Publications of the National Museum, Ethnographical Series, Vol. 20), 2002.

Vinkovetsky I. Circumnavigation, empire, modernity, race: The impact of round-the-world voyages on Russian imperial consciousness // Ab Imperio. 2001. № 1–2. P. 191–210. 258 p.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

ОРУДИЯ ПРОМЫСЛА И ВООРУЖЕНИЕ

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Берингово море, омывающее с севера Алеутские острова, богато ластоногими и китами. В море в изобилии водится палтус, камбала, треска и другие виды рыб. Громадные птичьи базары давали возможность промысла птиц и сбора яиц. В приливно-отливной зоне морского берега алеуты собирали моллюсков, иглокожих и ракообразных.

Хозяйственный цикл алеутов разделялся на несколько периодов. В конце апреля прилетали птицы и появлялись морские котики и сивучи. Тогда же начинался ход лососевых рыб с моря в речки для нереста, который продолжался все лето. В мае занимались главным образом промыслом рыбы и охотой на сивучей, секачей морских котиков и каланов. Охоту на птиц начинали с середины июля — с момента оперенья птенцов — и продолжали до отлета птиц в сентябре. Моржи появлялись летом вблизи побережья полуострова Аляска, где их промышляли на лежбищах. Также летом охотились на китов и удили рыбу. В октябре–ноябре возобновлялась охота на мигрирующих с севера на юг морских котиков. На этом промысловый сезон заканчивался, так как из-за холодной погоды и штормов морская рыба отходила от берега и мигрирующие млекопитающие покидали острова. Зимой алеуты питались летними запасами и собирали съедобные водоросли и моллюсков в приливно-отливной зоне.

Морской зверобойный промысел был основным видом хозяйственной деятельности, от него зависело благосостояние алеутов, а рыболовство, собирательство и охота на птиц играли роль дополнительных занятий. Охота на морских котиков и сивучей производилась отгонным способом. Животных отгоняли от берега и забивали ударами по носу тяжелыми дубинками. Отгонная охота была самой легкой и обеспечивала стабильный источник пищи в течение всего промыслового сезона с апреля по ноябрь. В районе расселения алеутов моржи водились на Прибыловых островах и на западном побережье полуострова Аляска, куда приплывали молодые секачи. Для их промысла охотники становились цепочкой вдоль кромки воды на лежбище и с криком и шумом отгоняли животных от берега. При этом главная задача состояла в том, чтобы ни одно животное не прорвалось сквозь цепь охотников и не бросилось в воду. Если удавалось прорваться сквозь цепь охотников даже одному моржу, то все стадо устремлялось к морю, сметая все на своем пути. Отогнав моржей от берега, алеуты начинали колоть их копьями. Необходимо было нанести удар прямо в сердце и развернуть копье так, чтобы животное потеряло большое количество крови. Моржовые клыки и зубы были необходимы для изготовления орудий труда и украшений. Китобойный промысел не был так развит у алеутов, как у эскимосов. Хотя один убитый кит давал большое количество мяса для жителей целого селения на длительный срок, на китов охотились в основном ради жира и сухожилий. Для охоты на китов использовали гарпуны с каменными остриями. Как правило, кита не удавалось убить сразу, а только ранить. Раненый кит умирал через несколько дней и волнами выносился на мелководье. В XIX в. главным промысловым животным у алеутов стал калан. Для промысла калана выезжали в море партиями в 15–20 байдарок. Охотники плыли цепочкой на таком расстоянии друг от друга, чтобы можно было увидеть калана, когда он выныривал на поверхность воды. Чтобы убить калана, нужно было нанести от четырех до шести ударов гарпуном.

Главным элементом приморской адаптации алеутов был комплекс орудий морской охоты и его основной элемент — байдарка. Алеутские байдарки были самыми легкими и быстроходными среди аналогичных судов жителей Аляски. Деревянный каркас байдарки изготовляли из коротких реек, которые соединяли друг с другом с помощью костяных втулок и скрепляли их сухожилиями, ремнями и полосками китового уса. Наиболее совершенные байдарки XVIII в. имели несколько десятков соединений в своем каркасе. Благодаря этому байдарка только изгибалась, но не ломалась под сильными ударами морских волн и не получала значительных повреждений даже во время шторма. У алеутов существовали байдарки трех видов: однолючные — основной вид охотничьей лодки, двухлючные — использовались для обучения охоте мальчиков. Трехлючные байдарки стали изготовляться с появлением на островах европейцев, они использовались для перевозки пассажиров.

У алеутов существовали отдельные типы орудий для каждого вида животных: моржей, сивучей, морских котиков, китов и т.д. Их можно разделить на несколько общих типов. Это легкие неповоротные гарпуны, тяжелые неповоротные гарпуны, колющие копья, метательные копья на птиц, а также метательные дощечки и дубинки для забоя животных.

Охота и война — мужские занятия

«Мальчики уже с юных лет приучаются к своему будущему занятию — охоте: они бросают дротики в насаженные мячики, и промахнувшийся платит круглыми костяными пластинками; или одни бросают соломенных кукол вверх, а другие стараются поймать их на дротик» [Мерк 1978: 63].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

«Занятия мужчин. Зимой, когда позволяет погода, удят палтуса — Tschagim — и треску — Atchida; идут на ловлю тюленей — Ischok — и морских львов — Kauak, хотя последних больше убивают весной, так как тогда алеуты обтягивают свои каяки тюленьей кожей. В июне ездят на ловлю китов — Allak. В некоторые здешние речки входят нерка и гольцы. Между Аляской и Унимаком входит кета — Anutchuda, ловлей которой они не совсем пренебрегают, хотя занимаются ею с меньшим увлечением. <...>

Вечером перед выездом на охоту <...> едят слегка горький на вкус корень растения Lupinus («желтый корень» называется у промышленников), употребление которого якобы вызывает на несколько часов галлюцинации, а затем — более острое зрение» [Там же: 81–82].

«С начала промысла первого убитого зверя мясо хозяин раздает в своем селении всем алеутам, по части каждому; кости же должны они ему возвратить, и когда все собраны будут, то бросают их в море» [Сарычев 1952: 197].

«При разделе добычи на паи обыкновенно принимаются в расчет и те, которые по каким-либо обстоятельствам не могли приехать на дележ. <...> Алеут тогда только хозяин приобретенного им запаса продовольствия, когда он везет их в своей байдарке. Лишь только он приткнулся к берегу, то делается как будто посторонним в своем собственном добре, в особенности в промысле рыбы, в мясе морских зверей, китов и проч. Каждый из земляков его берет что хочет, а нет, так он сам раздаст часть приобретенного по другим землянкам. Трудно уверить алеута, что он должен сберегать для себя кое-что на черный день; "Да", — скажет он в ответ: "Вам ваша земля, а нам Бог дал день и море"» [Тихменев 1863, ч. II: 364–365].

Охота на калана

«Промысел производится так: выбрав самый тихий день, на самой заре, промышленники, осмотрев прежде берег, отправляются в море искать бобров (каланов. — *С.К.) на местах известных. Отъезжая в море, все байдарки, сколько их есть в партии, едут линиею, или строем, одна от другой на таком расстоянии, чтобы можно было видеть между ними бобра. В большой партии линия эта растягивается на несколько верст. Тот, кто первый из промышленников увидит бобра, или к чьей байдарке будет ближе бобер, делает сигнал, поднимает кверху весло, которое держит до тех пор, пока не окружат его байдарки или пока опять снова не покажется бобр в другом месте. Увидев сигнал, тотчас или один отряд партии, т.е. несколько байдарок, или иногда вся партия окружают то место, где видели бобра в первый раз, составляя круг, сколько можно более, и имея стрелы наготове. Бобр, увидев неприятеля, не тотчас уходит в воду; но осматривает и соображает все обстоятельства и в воде делает разные маневры и хитрости, чтобы уйти от опасности. Но сколько бы долго он ни был в воде, наконец должен бывает показаться на поверхности моря. И тотчас промышленник, близ коего покажется бобр, если может, разумеется, кидает стрелку в бобра, тотчас поднимает весло; его опять окружают, но уже в меньшем расстоянии, потому что бобр в другой раз не может пройти далеко и пробыть долго в воде. И это делается до тех пор, пока не посадят в бобра стрелку; а бобра, в котором находится стрелка, можно считать уже упромышленным; потому что стрелка, тащась за ним в воде, отнимает от него ход, а при выходе его из воды, если бы он и хотел притаиться, показывает место, где он находится»* [Вениаминов 1840, ч. II: 343–344].

«На Андреяновских островах ловят их (каланов. — *С.К.) еще сетями, но это преимущественно осенью и в бурное время, когда бобры ищут укрытия между камнями. Иногда убивают спящих из ружей»* [Литке 1948: 66].

«Бобры (каланы. — *С.К.) водятся на западной оконечности острова Атту, на южной стороне Агатту, но преимущественно на мелких островах у Семичей. <...> В апреле или мае отправляют алеутов на Семичи, и там промышляют байдарками или сетками, кои становят* (устанавливают. — *С.К.) в расщелинах камней, отколь бобры выходят ночью. Но главный промысел бывает в ноябре или декабре на тех же островах. Во время крепких ветров и штормов, в темные ночи, бобры выходят из моря и ложатся на каменьях по берегу далее от моря, чтобы не доставало их бурунами. Тогда алеуты идут на них с дрыгалками из-под ветра и, тихо подкравшись и осмотрясь, начинают их бить с краю, наблюдая, сколько можно, чтоб не производить шума и крика»* [Хлебников 1979: 181].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

«В некоторые отдельные годы неудачного сетного или ружейного промысла иногда берут бобров на дрыгалки. Такая форма охоты применяется только в зимние месяцы, в январе или в феврале, когда бобры целыми стадами вылезают по ночам на берег. Заметив подобное "лежбище" — большей частью на втором Бобровом Камне, — промышленники выжидают такой погоды, чтобы ветер, дующий со стороны животных, и рев прибрежного буруна скрыли от зверя приближение охотников. Часов в 12 ночи алеуты пробираются тайком, по пояс в воде, стараясь незаметно отрезать бобрам путь отступления. При оцеплении зверя никто не кашляет, ни камнем не зашумит; в глубокой тишине промышленники окружают добычу и затем внезапно бросаются на нее, избивая зверя ударами дрыгалок» [Суворов 1912: 233].

Охота на морского котика

«Промысел котовый (морских котиков. — *С.К.*) *начинается около 28 сентября, и для этого избирают по возможности лучший ветер и погоду. Лучшая погода для промысла есть та, когда после двух- и трехдневного дождя вдруг сделается ясная погода или, по крайней мере, перестанет дождь. В это время коты лежат спокойно, отдыхают оттого, что в ненастье они очень часто сходят в море и не могут лежать на берегу долго. Лучший ветер для промысла есть тот, который не может нанести на котов запаху от людей. Избрав удобную погоду и ветер и несмотря на время дня, все жители без разбора пола и возраста, вооружась дрыгалками, т.е. небольшими палочками, которыми можно убить кота, идут цепью вдоль берега, на коем лежат коты, и, отрезав их от моря, отгоняют на берег, всех без разбора и отогнав на некоторое расстояние, останавливают их и начинают отлучать маток и секачей (последние очень редко попадают) от котиков; старые матки, которые уже бывали в отгонах, лишь только увидят свободный пропуск к морю, сами идут, а молодых надобно прогнать насильно. Случается, что иных маток совсем нельзя отогнать от стада, где находятся их дети, и таких, по необходимости, гонят на самое место побоища; и когда начинают бить котов, то некоторые из таких маток защищают детей своих и над убитыми лежат долгое время, так что надобно употребить силу, чтобы прогнать их в море. Говорят, что у некоторых маток видны даже слезы»* [Вениаминов 1840, ч. II: 361–362].

Охота на сивуча

«Промысел сивучей производится в июле и августе, тем же порядком, что и котиковый. Пригнав к селению, молодых бьют палками, а больших — из ружей. Холостяки иногда, сопротивляясь, бросаются на людей. На острове Св. Георгия убивают до тысячи зверей, на Павле — от 300 до 400, не считая молодых сивучат, убиваемых в пищу ежедневно. Промышленники наблюдают тщательно, чтобы на месте, где лежат сивучи, никаких следов убиения не оставалось, так как замечено, что в таком случае никогда сивучи на том месте опять ложиться не будут» [Литке 1948: 91].

«Главный промысел сивучей производится отгонами, т.е., обойдя со стороны моря лежащих на берегу сивучей, отгоняют их далее на берег и потом бьют палками по носу и тотчас колют в сердце; потому что большого сивуча не убить палкою; череп головы его так крепок, что даже не пробивает его и пуля из штуцера. И потому, когда стреляют сивуча, то всегда в рот или в спай черепа близ уха, а иначе он останется без всякого повреждения. Отгонять сивучей стараются в то время, когда нет при стаде больших секачей или самцов — хозяев стада; при нем стадо не боится никого, и даже ружейный выстрел их не испугает.

Нередко сивучи при отгонах бросаются на своих неприятелей, но человек всегда может спастись от одного или немногих сивучей, или побегом или удачным выстрелом из ружья. Но когда целое стадо обратится на людей, тогда остается или кидаться в море, где сивучи не тронут людей, или ложиться между каменьев, если нет опасности быть раздавленным» [Вениаминов 1840, ч. II: 388–389].

Охота на моржа

«Моржи водятся преимущественно на северной стороне Аляксы (полуострова Аляска. — *С.К.*), *куда они приходят летом из севера. Есть моржи на островах Прибыловых, в проливах между Унимаком и на других немногих местах, но количество и всех их вместе очень незначительное. <...>*

Моржей промышляется каждогодно от 300 до 2000 штук и более. Промышляют их только одним способом: отгонами. Их не отгоняют от берега, потому что морж не пойдет (далеко. — *С.К.*)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

на берег, как сивуч, но, обойдя их с берегу, стараются заколоть ближайших к воде и тем загородить дорогу в море лежащим далее от берега, в противном же случае ничто их не остановит. Спастись от натиска моржей можно не иначе, как только броситься в море и между ними выплыть на берег, не занятый моржами» [Там же: 384–386].

«Моржи ложатся по берегам банки (бухты. — *С.К.) иногда в великом множестве. Алеуты, приготовляясь колоть их, приготавливаются как к смерти и прощаются друг с другом. Это делают они в таком мнении, что разъяренный зверь при случае опрометчивости промышленника или не будучи смертельно раненым может заколоть своими клыками или, что сами между собою толпясь и в горячности не приметив, могут сколоть один другого. После сего обряда они обходят банку по краю берега и, расстановясь в близком один от другого расстоянии, вдруг с криком бросаются на зверей и гонят их в глубину банки далее от моря, прилежно наблюдая, чтоб ни один не обратился в море, ибо если бы ближайший к берегу успел броситься в море, то и остальные стремительно обратились бы за ним же; и тогда не только невозможно бы (их) остановить, но трудно бы и самим от напора множества сильного и раздраженного зверя избегнуть и (не) быть задавленным.*

Отогнав от берега на приличное расстояние, с криком и усилием бросаются на них копьями и колют в одни только способные, или, как говорят, убойные места, где тонкая кожа. Всадив копье против сердца, оборачивают его кругом, чтоб рана была обширнее и потому смертельна. Звери, валясь одни на другого, составляют высокие груды. Ужасна война с сими сильными, крепкими и опасными животными! Созерцание оной не будет приятно для чувствительного сердца. Люди все бегают в крови и шумят в остервенении, зверь в отчаянии кричит, и кругом кипят волны Северного моря» [Хлебников 1979: 122].

Охота на кита

«Алямак есть кит средней величины, самый большой из них не бывает более 4 сажень; он имеет усы (не более полуаршинна), на спине перо (плавник. — *С.К.), на брюхе полосы и хвост горизонтальный. Этой породы китов здесь и преимущественно в Уналашке летом бывает множество и иногда до того, что в некоторых бухтах и заливах пускаемые ими фонтаны видны целый день, непрерывно, и на всем пространстве бухты.*

Эта порода китов (малый полосатик. — *С.К.) есть единственная, которую промышляют алеуты»* [Вениаминов 1840, ч. II: 395].

«Кита море пригнало к берегу на третий день после того, как один алеут попал стрелой под правый нагрудной плавник. Стрела обломалась и застряла в теле кита. Когда алеуты его разделывали, они набивали себе в нос полынь и ангелику, которая на Камчатке называется Kutahsch. Кто первым ранит кита гарпуном, имеет право снять пленку с языка и печени, а также взять большую часть кишок и плавников и большую часть, чем другие, спинных жил, из которых они плетут пояса, канаты и веревки» [Мерк 1978: 63].

Рыболовство

«Запасать рыбу для юколы всегда есть дело женщин; и для этого они заблаговременно расселяются по известным речкам, особливо изобилующим рыбою, с детьми своими, и при каждой партии находится один или двое стариков или хворых мужчин, и не столько для пособия при самом промысле, сколько для перевозки необходимых вещей и для охраны от беглых» [Вениаминов 1840, ч. II: 254].

«Запас для зимы делают преимущественно из пород лососины, периодически появляющейся в реках. В известное время эта рыба стремится в таком множестве вверх по течению, что каждым неводом захватывается до тысячи штук, от 5 до 8 и даже до 10 фунтов каждая. В реках им в буквальном смысле мало места и рыба вытесняет одна другую из воды. Тогда их стоит только раскидывать по берегу и чистить» [Блашке 1848: 163].

«Для промысла морской рыбы употребляются крючки или уды, ныне вообще металлические, а прежде костяные. Для промысла периодической рыбы употребляли и еще поныне употребляют также стрелки, т.е. длинные простые шестики с длинным зазубристым носком из железа. Стрелка сия привязывается к длинному шнуру или мауту, которого другой конец находится в руках промышленника. Промысел этот, даже

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

и при изобилии рыбы, совершенно зависит от удачи» [Вениаминов 1840, ч. II: 248–249].

«Леска их удочки — Kanahasch — состоит иногда из прикрепленных друг к другу тонких концов той водоросли — Macrocystis pisitera Ag, которая находится у берегов Америки, а здесь только выбрасывается из моря. Леска называется Imagis, также Iwak и делается иногда из узких полос китового уса, связанных друг с другом. У алеутов это называется Kachsek, как у них называется китовый ус вообще. Для рыбной ловли в маленьких речках используют алеуты <...> еще сачки из китовых жил, называемые Jugik» [Мерк 1978: 82].

Войны

«Внешние войны алеутов были с аглегмютами (эскимосами района Бристольского залива. — *С.К.*) *и прочими жителями северной стороны Аляксы, особенно же с кадьякцами. С чугачами и кенайцами они никогда не воевали, считая их своими единоплеменными»* [Вениаминов 1840, ч. II: 98].

«По словам престарелых людей на островах Умнак и Уналашке, жители сии не вели никогда ни между собою, ни с соседями своими войны, выключая один только случай, по которому имели они брань с жителями Аляски. Поводом же к сей брани служило следующее обстоятельство. Сын Уналашкинского тоена имел вывихнутую руку, к коей жители Аляски, приехавшие гостить на Уналашку, вздумали привязать бубен и на смех заставили его плясать. Сродники сего мальчика, почитая себя обиженными, завели с ними ссору, и с того времени жители сих островов живут всегда во вражде, чинят одни на других нападения и стараются друг друга разорять. Жители Уналашки нравами не столь суровы, как другие островские обыватели, и они гораздо вежливее и ласковее их к чужим людям, но притом ведут непрестанные войны, во время которых больше хитростью стараются одержать победу. Жители Унимака почитаются сильнейшими всех прочих; и они нападают в великом множестве на обывателей других островов и похищают у них жен, что бывает главным к войне поводом. Остров (полуостров. — *С.К.*) *Аляску наиболее они нападениями своими беспокоят потому, конечно, что он многолюднее и обширнее других»* [Шелихов 1971: 84].

«Из жителей острова Атту тоен Голодов <...> уведомил, что Ближние острова и Семичи до прихода русских были довольно многолюдно населены. Но алеуты Андреяновской гряды часто приезжали байдарками в большом числе, нападали врасплох, убивали всех без изъятия и взятых в плен жестоко и бесчеловечно мучили. И сими поступками навели такой страх, что оставшие жители, опасаясь попасться к ним в руки, убивали себя сами. Осталось предание, что на Атту одна женщина избегла смерти и скрывалась несколько лет неизвестно каким образом. Впоследствии вновь приехавшие неприятели нашли ее убежище и вместо смерти даровали ей жизнь и оставили другое семейство на острове, от коих и расплодились настоящие жители» [Хлебников 1979: 173].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

1.
Однолючная байдарка (ик-хяк)* № 593–76.
Материал: дерево, краска, кожа тюленя, сухожилия.
Размеры: длина 590 см, ширина 43 см, высота кормы 24 см, высота носа 22 см.
Люк: длина 64 см, ширина 43 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Акун.

И. Г. Вознесенский писал об этой байдарке: *«Настоящая байдарка лисьевских алеут, в которой выезжают в открытое море на промысел морских бобров. Выстроенная по всем правилам искусства на острове Акун под руководством тоена Лисьих островов (название байдарки по-лисьевски ик-хяк), при ней находится полный комплект промысловых орудий и других принадлежностей. Стрелы и прочие другие принадлежности расположены в таком порядке, в каком бывает у алеут на промысле (вверху байдарки).*

1) Стрел бобровых, по-лисьевски аякудахич, — всего 9 штук (№ 593–89/1, 89/2, 89/3; 593–90/1–6. — *С.К.). 2) Стрел китобойных, по-лисьевски иглэках, — 3* (№ 2867–16, 17. — *С.К.). 3) Стрела бобровая с маутом и пузырем, по-лисьевски акличих, — 1* (№ 593–87. — *С.К.). 4) Стрела, которою бьют одних только сивучей и нерп* (№ 593–88. — *С.К.), по-лисьевски агальчих; при сей стреле маут (анган) и пузырь (наюх). 5) Стрела, которою бьют одних только сивучей, по-лисьевски ах-чун* (№ 593–85. — *С.К.); при ней маут и раскрашенный пузырь (ах-чун-са). 6) Стрелы, коими промышляют морских птиц, по-лисьевски читасик, — 3 штуки* (№ 2867–18, 19, 27. — *С.К.). 7) Стрела для добывания молодых нерп, по-лисьевски чудук-сек* (№ 593–91. — *С.К.). 8) Дрыгалка, по-лисьевски аннах; сим доколачивают морских бобров* (№ 593–81. — *С.К.). 9) Стрела, которая служит как бы украшением байдарки или для полноты прибора и не бывает употребляема, по-лисьевски катих* (№ 593–82. — *С.К.). 10) Рукометка* (метательная дощечка. — *С.К.), по-лисьевски асьхух; с дощечки этой алеут кидает стрелки в зверей* (№ 593–80. — *С.К.). 11) Нерпячий манщик, по-лисьевски уммагих; манщик этот надувают и тюленей близко приманивают к байдарке. 12) Срела* (циновка. — *С.К.), по-лисьевски ин-кселукх, для подстилания в байдарку* (№ 2868–230. — *С.К.). 13) Сука или обтяжка байдарочная* (для люка. — *С.К.), по-лисьевски сук-ках* (№ 2868–78. — *С.К.).; *маут или шнур, коим затягиваются, называется по-лисьевски кан-нах-ах тусян. 14) Двухлопастное весло, по-лисьевски ак-кха-дгусак* (№ 2868–189. — *С.К.). 15) Точеное из кости изображение морского бобра и с птицей глупышом на байдарке служит вместо уключины, по-лисьевски кийгачинанг. 16) Еще штука для стрел, по-лисьевски таканак. 17) Лисьевско-алеутская национальная деревянная шляпа, по-лисьевски каятлух. Кишечная камлейка — чигидах. Резное украшение из китового уса, увенчанное на вершине костяным изображением птицы (костяная птичка посылается особо), следует к водорезу байдарки на нос, по-лисьевски называется кангулисик»* (цит. по: [Ляпунова 1975: 76–77]).

* Здесь и далее приводятся алеутские названия предметов из музейных документов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

2–4.
Легкие гарпуны для охоты на каланов (аякудачих)
№ 593–89/1, 89/2, 89/3.
Материал: дерево, краска, березовая кора, олений рог, моржовая кость, шерстяная нить, сухожилия.
Размеры:
№ 593–89/1: длина 129,2 см. Головка древка: длина 26 см, диаметр 2 см.
№ 593–89/2: длина 134 см. Головка древка: длина 26 см, диаметр 2 см. Острие: длина 5,4 см, ширина 1,2 см, толщина 0,5 см.
№ 593–89/3: длина 129,5 см. Головка древка: длина 26 см, диаметр 2 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Акун.

«Самая лучшая из всех стрелок и по вооружению своему более замысловатая есть бобровая. Когда стрелка эта попадает в бобра (калана. — *С.К.), то носок* (острие. — *С.К.) ее, прикрепленный к древку длинным раздвоенным шнуром из жилы, тотчас выходит из своего места и остается в бобре, зацепившись зазубринами, и тем распускает обвитый вокруг древка шнурок, который, будучи раздвоен и прикреплен близ обоих концов стрелки, при ходе или, по-здешнему, при понырке* (нырянии. — *С.К.), бобра волочится за ним не вдоль, но поперек, и тем, буравя по воде, отнимает у него ход. А если бы бобр вздумал притаиться, т.е. остаться в воде совсем, высунув из оной одно только рыло (что он делает нередко), то эта стрелка изменит ему, стоя в воде вертикально. Если бы случилось, что стрелка изломалась или древко отделилось бы от наконечника, то для того, чтобы не утонул наконечник, приделывается тоненький шнурок, во всю длину древка, и прикрепляется к наконечнику»* [Вениаминов 1840, ч. II: 247].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

5–10.
Легкие гарпуны для охоты на каланов (аякудачих)
№ 593–90/1, 90/2, 90/3, 90/4, 90/5, 90/6.
Материал: дерево, краска, олений рог, моржовая кость, березовая кора, сухожилия.
Размеры:
№ 593–90/1: длина 139,3 см. Головка древка: длина 27,3 см, диаметр 1,7 см. Острие: длина 5,8 см, ширина 0,9 см.
№ 593–90/2: длина 138 см. Головка древка: длина 28,3 см, диаметр 1,6 см. Острие: длина 3,4 см, ширина 0,8 см.
№ 593–90/3: длина 138,3 см. Головка древка: длина 28,3 см, диаметр 1,7 см. Острие: длина 5,7 см, ширина 0,9 см.
№ 593–90/4: длина 136 см. Головка древка: длина 25,8 см, диаметр 1,7 см.
№ 593–90/5: длина 138,8 см. Головка древка: длина 29 см, диаметр 1,7 см. Острие: длина 7 см, ширина 0,9 см.
№ 593–90/6: длина 137,8 см. Головка древка: длина 28 см, диаметр 1,7 см. Острие: длина 5,7 см, ширина 0,9 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Акун.

«У бобровых стрелок носки (острия. — *С.К.) (которые обыкновенно вставляются в костяной наконечник) бывают костяные, длиною около 2 дюймов и с тремя зазубринами»* [Вениаминов 1840, ч. II: 246].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

11–12.
Копья для охоты на китов (иглэках) № 2867–16, 17.
Материал: дерево, краска, олений рог, березовая кора, сухожилия.
Размеры:
№ 2867–16: длина 129,5 см, диаметр 2,3 см. Наконечник: длина 31 см, ширина 1,8 см. Футляр: длина 17,7 см, ширина 3,9 см, толщина 2,4 см.
№ 2867–17: длина 125,5 см, диаметр 2,4 см. Наконечник: длина 27,7 см, ширина 1,8 см. Футляр: длина 15,5 см, ширина 2,8 см, толщина 1,4 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Акун.

Каменные острия на этих копьях в настоящее время отсутствуют. О китовом промысле Ф.Г. Киттлиц писал: *«Кит чрезвычайно важен в алеутском хозяйстве. Его мясо составляет главную пищу туземцев, а ворвань пьют. <...> Алеуты нападают на китов в открытом море с небольшими дротиками. Острие последнего сделано из обсидиана или стекловатой лавы (на Аляске и Кадьяке из трахита). Если дротик проник в тело довольно глубоко, то он вызывает воспаление, от которого животное умирает дня в три»* [Киттлиц 1862: 188].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

13.
Гарпун с поплавком для охоты на калана (акличих)
№ 593–87.
Материал: дерево, краска, березовая кора, олений рог, моржовая кость, мочевой пузырь, олений волос, шерстяная нить, сухожилия.
Размеры: длина 128,5 см, диаметр 2,3 см. Головка древка: длина 9,5 см, диаметр 2,5 см. Острие: длина 10 см, ширина 1,6 см, толщина 0,9 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Акун.

«Кроме этих стрелок, есть еще особые с пузырями, которые по вооружению и по носку похожи на бобровые, только подлиннее их и поболее; к древку их прикрепляется небольшой пузырь с краном или затычкою, для надувания. Эта стрелка употребляется только тогда, когда бобр (калан. — *С.К.) или другой зверь будет уже подстрелен и чтобы он не потонул или скорее замаялся»* [Вениаминов 1840, ч. II: 246].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

14.
Тяжелый гарпун для охоты на сивуча и нерпу (агальчих) № 593–88.
Материал: дерево, краска, кость, березовая кора, сухожилия.
Размеры: длина 190,5 см, диаметр 3 см. Головка древка: длина 33,3 см, диаметр 3,1 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Акун.

Об использовании сивучей И.Е. Вениаминов писал: *«Сивуч есть весьма полезное животное для здешних жителей: мясо его употребляется в пищу, кожа для обшивки байдар и байдарок, горло* (пищевод. — *С.К.*) — *для голенищев* (обуви. — *С.К.*), *желудок — вместо посуды; а из кишок делаются самые лучшие камлейки»* [Вениаминов 1840, ч. II: 387].

15.
Поворотный гарпун для охоты на сивуча (ах-чун) № 593–85.
Материал: дерево, краска, кость, мочевой пузырь сивуча, сухожилия.
Размеры: длина с колком и наконечником 247 см, длина древка 226 см, диаметр 3,1 см. Поплавок: длина 42 см, ширина 25 см. Длина колка с наконечником 23,8 см. Колок: длина 19,5 см, ширина 2,1 см. Наконечник: длина 7,5 см, ширина 1,5 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Акун.

Наконечник поворотного гарпуна не прикреплялся, а только насаживался на колок гарпуна. Он имеет косо срезанное основание и с помощью длинного линя (маута) соединялся с древком гарпуна. После попадания в тело морского животного древко отскакивало. В это время раненое животное делало резкий рывок, натягивался линь, и наконечник с острием, находившийся внутри толстого подкожного слоя жира, менял свое положение с горизонтального на вертикальное и уже не мог выскочить обратно.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

16–18.
Копья для охоты на птиц (чатасин) № 2867–18, 19, 27.
Материал: дерево, краска, олений рог, березовая кора, сухожилия.
Размеры:
№ 2867–18: длина 126,5 см, диаметр 1,8 см. Наконечник: длина 24,5 см, ширина 1,3 см. Длина боковых остриев 22,5 см.
№ 2867–19: длина 103 см, диаметр 1,8 см.
№ 2867–27: длина 164 см, диаметр 2,3 см. Наконечник: длина 27 см, ширина 2 см. Длина боковых остриев 16,5 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Акун.

«У птичьих стрелок к одному длинному носку (около 8 дюймов) с зазубринами приделываются с боков еще три такой же длины, которые в концах своих расходятся врозь наподобие остроги; и у такого рода остроги наконечники почти никогда не бывают» [Вениаминов 1840, ч. II: 246].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

19.
Гарпун для охоты на нерпу (чудук-сек) № 593–91.
Материал: дерево, краска, олений рог, березовая кора, сухожилия.
Размеры: длина 156 см, диаметр 2 см. Острие: длина 30,6 см, ширина 2,3 см, толщина 1,2 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Акун.

На нерп охотились и в открытом море, и на мелководье. Нерпы любят спать на камнях, выступающих из воды, на одном из таких камней охотник устанавливал манщик — надутую шкуру нерпы — и, спрятавшись, имитировал крик самки. Когда нерпа подплывала достаточно близко, охотник метал в нее гарпун, вытаскивал на берег и добивал дубинкой.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

20.
Дубинка для забоя морских котиков (ан-нах) № 593–81.
Материал: дерево, краска.
Размеры: длина 100 см, ширина 4,3 см, толщина 2,5 см.
Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1843 г., о. Акун.

«Промышленники, расположившись цепью вдоль берега и отрезав лежбище (морских котиков. — *С.К.) от моря, гонят сначала всех без различия в гору. Придя на равнину, отделяют секачей, холостяков и маток, которых провожают обратно к морю; молодых же, назначенных на убой, гонят далее к селению, на расстояние 2 или 3 верст, небыстро и давая часто отдыхать, ибо без этой предосторожности они иногда умирают от изнеможения, особенно в теплое и тихое время. Пригнав к селению, бьют их палками»* [Литке 1948: 90].

«Вооруженные дрыгалками (дубинками. — *С.К.) промышленники окружают небольшие партии животных и несильными ударами по носу оглушают зверя. Чтобы убить зверя, нужен большой навык: для меткости удара необходимо делать очень маленький размах дрыгалкой, и ее никогда не поднимают высоко»* [Суворов 1912: 207].

21.
Тяжелый гарпун (катих) № 593–82.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, сухожилия.
Размеры: длина 171,5 см, диаметр 2,9 см. Головка древка: длина 44 см, диаметр 3,3 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Акун.

Орудия морской охоты алеуты часто красили в красный цвет. Г.А. Сарычев писал: *«Стрелы и дощечки мажут красною краскою, которую достают из утесов и разводят ее на воде, отстаивающейся от крови, отчего краска так крепка бывает, что ни дождем, ни соленою водой не смывает. Кровь для сего употребления достают алеуты из своего носу, вкладывая в него соломинку и ковыряя ею в ноздре, доколе вытечет достаточное количество крови»* [Сарычев 1952: 214].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

22.
Метательная дощечка (асьхух) № 593–80.
Материал: дерево, краска, моржовая кость.
Размеры: длина 47,5 см, ширина 5,3 см, толщина 1,7 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Акун.

«Все стрелки, выключая нерпичью, кидаются из рук, с помощью небольшой дощечки (асхук), длиною около 3/4 аршина. На одном конце ее делается дырочка для придержания стрелки и дощечки, а на другом вставляется костяной крючок, в который упирается конец стрелки, когда ее нужно кинуть; дощечка сия не что иное, как дополнение или надставка длины руки. Искусный и проворный стрелок так скоро может кидать стрелки одну за другою, что первая находится еще на полете, как другая уже полетела. Но никто не возьмется за один раз попасть в цель, особливо если она невелика» [Вениаминов 1840, ч. II: 247–248].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

23.
Циновка (ин-кеелук) № 2868–230.
Материалы: стебли колосняка, краска.
Размеры: длина 143 см, ширина 43,5 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Акун.

Эта циновка как предмет со спорной этнической принадлежностью была опубликована в каталоге МАЭ по эскимосам о. Кадьяк [Эскимосы... 2010: 209]. В ходе дальнейших исследований удалось установить ее принадлежность алеутам.

24.
Обтяжка для люка байдарки (сукъках) № 2868–78.
Материал: кишки тюленя, кожа, краска, перья, сухожилия.
Размеры: диаметр 60 см, высота 32 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Акун.

«Для байдарки необходимы обтяжки или цуки, без которых невозможно ехать не только в дальний путь, но при ветре и на близкое расстояние. Обтяжки делаются всегда из сивучьих кишок или иногда из горлов (пищевода. — *С.К.); она вышиною или шириною бывает от 1/2 до 3/4 аршина; одною стороною надевается на люк и прикрепляется к байдарке китовым усом; а другую сторону ездок в случае надобности затягивает под пазухами шнуром из жилы и перехватывает через левое плечо»* [Вениаминов 1840, ч. II: 224].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

25.
Двухлопастное весло (ак-кха-дгусак) № 2868–189.
Материалы: дерево, краска.
Размеры: длина 226,8 см, ширина лопасти 12,2 см, диаметр рукояти 3,2 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Акун.

«Перед собой с левой стороны на каяках (байдарках. — *С.К.) они помещают на поперек натянутом тонком пучке из китового уса свое двухлопастное весло — Chaschik. В результате такой гребли их коричневая рука становится внизу белой. Свое весло они закрепляют справа с помощью палки с несколькими зарубками; палка окрашена в красный цвет, а с боков большей частью снабжена тюленьей щетиной. Подобным же образом лежит еще перед ним метательная дощечка для дротиков, а сзади чаще с обеих сторон по пучку дротиков»* [Мерк 1978: 82].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

26–31.
Легкие гарпуны для охоты на каланов № 2867–2, 3, 4, 5, 6, 7.
Материал: дерево, краска, олений рог, моржовая кость, медь, березовая кора, сухожилия.
Размеры:
№ 2867–2: длина 127 см. Головка древка: длина 22 см, диаметр 1,7 см.
№ 2867–3: длина 131 см. Головка древка: длина 23,3 см, диаметр 1,7 см. Острие: длина 5,6 см, ширина 1 см.
№ 2867–4: длина 129 см. Головка древка: длина 23,8 см, диаметр 1,6 см. Острие: длина 5,9 см, ширина 0,9 см.
№ 2867–5: длина 132,5 см. Головка древка: длина 25 см, диаметр 1,6 см. Острие: длина 6,1 см, ширина 1,2 см.
№ 2867–6: длина 130 см. Головка древка: длина 24,7 см, диаметр 1,7 см. Острие: длина 4,7 см, ширина 1 см.
№ 2867–7: длина 128,5 см. Головка древка: длина 23 см, диаметр 1,8 см. Острие: длина 5,3 см, ширина 0,9 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Уналашка.

«Каждый алеут при выезде в море все стрелы свои и дощечку кладет перед собою и позади себя в ремешки, прикрепленные к байдаре. Стрелу бросает одною правою рукою, а левою поддерживает веслом байдарку, сохраняя равновесие оной. Все брошенные стрелы собирает опять и кладет на свои места» [Сарычев 1952: 214].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

32–39.
Легкие гарпуны для охоты на каланов № 2868–121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128.
Материал: дерево, краска, олений рог, моржовая кость, березовая кора, сухожилия.
Размеры:
№ 2868–121: длина 117 см. Головка древка: длина 22,4 см, диаметр 2,1 см.
№ 2868–122: длина 125 см. Головка древка: длина 22,5 см, диаметр 1,7 см. Острие: длина 4,1 см, ширина 1 см.
№ 2868–123: длина 134,5 см. Головка древка: длина 25,5 см, диаметр 1,8 см. Острие: длина 5,9 см, ширина 1,1 см.
№ 2868–124: длина 137,3 см. Головка древка: длина 29 см, диаметр 1,6 см. Острие: длина 4,4 см, ширина 1 см.
№ 2868–125: длина 130,5 см. Головка древка: длина 23,5 см, диаметр 1,6 см. Острие: длина 4,3 см, ширина 0,9 см.
№ 2868–126: длина 128,5 см. Головка древка: длина 26,3 см, диаметр 1,5 см. Острие: длина 3,1 см, ширина 1 см.
№ 2868–127: длина 127 см. Головка древка: длина 27,7 см, диаметр 1,9 см.
№ 2868–128: длина 135 см. Головка древка: длина 25 см, диаметр 1,7 см. Острие: длина 4,7 см, ширина 0,9 см.
Собиратель: вероятно, И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Уналашка.

«Стрелки бывают четырех родов, и у коих вообще древко делается из калифорнийской чаги — как самого легкого дерева; к толстому концу его приделываются костяные наконечники от 5 до 8 вершков, делаемые из моржовых клыков, или китовых челюстей, или оленьих рогов. Наконечники стрел, особенно бобровых, делаются всегда в такой пропорции с тяжестью древка, что стрелка не тонет и стоит в воде, перпендикулярно, выказываясь из оной около фута. Различие стрелок состоит отчасти в величине их и вооружении шнурками, а более в носках» [Вениаминов 1840, ч. II: 245–246].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

40–44.
Легкие гарпуны для охоты на каланов № 2868–141, 143, 145, 146, 147.
Материал: дерево, краска, олений рог, моржовая кость, березовая кора, шерстяная нить, сухожилия.
Размеры:
№ 2868–141: длина 132,5 см. Головка древка: длина 26 см, диаметр 1,6 см. Острие: длина 4,6 см, ширина 1,1 см.
№ 2868–143: длина 128 см. Головка древка: длина 22 см, диаметр 1,7 см. Острие: длина 2,9 см, ширина 0,5 см.
№ 2868–145: длина 133 см. Головка древка: длина 24,3 см, диаметр 1,8 см. Острие: длина 6,1 см, ширина 1 см.
№ 2868–146: длина 124,2 см. Головка древка: длина 23,5 см, диаметр 1,7 см. Острие: длина 3,3 см, ширина 0,9 см.
№ 2868–147: длина 122,2 см. Головка древка: длина 20 см, диаметр 1,7 см. Острие: длина 3,5 см, ширина 0,6 см.
Собиратель: вероятно, И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Уналашка.

Отличие гарпунов от копий и острог состоит в том, что они имели отделяющийся наконечник (острие), который не крепился, а только вставлялся в паз костяной головки древка. Наконечник соединялся с древком при помощи длинного шнура — линя (маута), который был обмотан вокруг древка по всей его длине. После попадания гарпуна в животное древко отскакивало от удара, а наконечник застревал в его теле. Чтобы древко всплыло вертикально, а не лежало на поверхности воды, его костяная головка была тяжелей, чем деревянная часть. Загарпуненное животное начинало плыть — шнур разматывался, чем сильно затруднял его движение. По выступающему из воды древку охотник определял, где всплывет раненое животное, и наносил следующий удар.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

45–49.
Легкие гарпуны для охоты на каланов № 2868–148, 149, 150, 151, 152.
Материал: дерево, краска, олений рог, моржовая кость, березовая кора, шерстяная нить, сухожилия.
Размеры:
№ 2868–148: длина 125,2 см. Головка древка: длина 19,5 см, диаметр 1,6 см.
№ 2868–149: длина 121 см. Головка древка: длина 20 см, диаметр 1,6 см.
№ 2868–150: длина 121 см. Головка древка: длина 21,5 см, диаметр 1,8 см. Острие: длина 4,3 см, ширина 1 см.
№ 2868–151: длина 126,5 см. Головка древка: длина 22,5 см, диаметр 1,6 см. Острие: длина 2,7 см, ширина 0,5 см.
№ 2868–152: длина 122 см. Головка древка: длина 21 см, диаметр 1,8 см.
Собиратель: вероятно, И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Уналашка.

«Если много человек выезжает в море на ловлю выдры (калана. — *С.К.)*, *то собственником ее будет тот, кто первым попал в нее дротиком, хотя прикончили ее остальные; однако собственник не сохраняет ее для себя, а дарит одному из своих ближайших родственников, который затем, если ему выпадет такое же счастье, отвечает ему тем же»* [Мерк 1978: 81].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

50.
Метательная дощечка (гас-хух) № 2868–112.
Материал: дерево, краска, кость.
Размеры: длина 44,3 см, ширина 5,2 см, толщина 1,8 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1840 г., Лисьи острова.

«Их (свои. — *С.К.) дротики умеют они бросать в цель при помощи метательной дощечки, так как у них нет луков. Различные дротики — Ajachkutag — с маленьким костяным острием применяют алеуты на добыче морских выдр — Tschugatuk»* [Мерк 1978: 81].

Орудия морской охоты № 2868–112, 2867–8, 9, 10, 11, 12, 2867–14, 13 составляют комплект.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

51–55.
Легкие гарпуны для охоты на калана № 2867–8, 9, 10, 11, 12.
Материал: дерево, краска, олений рог, моржовая кость, березовая кора, сухожилия.
Размеры:
№ 2867–8: длина 129 см. Головка древка: длина 25,8 см, диаметр 1,7 см. Острие: длина 3,4 см, ширина 0,6 см.
№ 2867–9: длина 128,5 см. Головка древка: длина 25 см, диаметр 1,8 см.
№ 2867–10: длина 130,5 см. Головка древка: длина 25,8 см, диаметр 1,7 см. Острие: длина 3,5 см, ширина 0,6 см.
№ 2867–11: длина 133,5 см. Головка древка: длина 25,5 см, диаметр 1,6 см. Острие: длина 3,7 см, ширина 0,5 см.
№ 2867–12: длина 134,5 см. Головка древка: длина 25,5 см, диаметр 1,6 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1840 г., Лисьи острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

«Оружие островитян состоит только в одних стрелках и для бросания их в маленьких дощечках. Стрелы употребляют они при разных случаях и надобностях. <…> Первые — для нападения на людей и на больших зверей, длиною бывают в 4 фута; в передний конец их вставляют наместо копьеца (острия. — *С.К.) сделанный наподобие же оного кусок лавы, длиною в полтора, шириною в три четверти дюйма. Второй род — меньше первых, употребляется для малых зверей; у сих стрел на место каменных копьецов* (остриев. — *С.К.) вкладываются костяные носки, привязываемые составляемыми из жил веревочками»* [Сарычев 1952: 213].

Орудия морской охоты № 2868–112, 2867–8, 9, 10, 11, 12, 2867–14, 13 составляют комплект.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

56.
Гарпун для охоты на сивуча (угалю) № 2867–14.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, сухожилия.
Размеры: длина 180,5 см, диаметр 2,7 см. Головка древка: длина 61 см, диаметр 3,3 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1840 г., Лисьи острова.

«Охота на сивуча имеет важное значение, так как, кроме большого количества вкусного мяса, сивуч дает материал для промысловой обуви и одежды; сивучья шкура используется на подметки для торбасов, из кишок выделываются камлейки, из горл (пищевода. — *С.К.) — рукавички и голенища, наконец, вычищенные желудки употребляются в качестве хранилищ для юколы»* [Редько 1927: 105].

Орудия морской охоты № 2868–112, 2867–8, 9, 10, 11, 12, 2867–13, 14 составляют комплект.

57.
Тяжелый гарпун для охоты на сивуча и нерпу № 2867–13.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, березовая кора, сухожилия.
Размеры: длина 180 см, диаметр 2,5 см. Головка древка: длина 42 см, диаметр 2,6 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1840 г., Лисьи острова.

«Если островитянин находит на берегу тюленя или другое морское животное, которое другой подстрелил и которое прибило к берегу, то он имеет право сохранить за собой животное, но должен отдать охотнику гарпун, застрявший в теле животного, и тот оказывается этим очень доволен. <…> Охотник просит себе также при этом желчь, немного крови, мочевой пузырь и глаза животного и все это бросает в море, чтобы это не досталось воронам, так как они утверждают, что в противном случае не будут иметь счастья на охоте» [Мерк 1978: 69].

Орудия морской охоты № 2868–112, 2867–8, 9, 10, 11, 12, 2867–13, 14 составляют комплект.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

58.
Метательная дощечка № 568–1.
Материал: дерево, краска, моржовая кость.
Размеры: длина 51,8 см, ширина 5,7 см, толщина 2,1 см.
Собиратель: А.Д. Романовский. 1840–1845 гг., о. Уналашка.

«У них в байдаре всегда бывают дротики или стрелы разного размера, которые они с меткостью бросают на зверя или в рыбу посредством дощечки длиною в 9 вершков, на которой сделан желобок для стрелы и утверждена косточка на конце желобка, которая придерживает стрелу» [Биллингс 1978: 48–49].

Эта метательная дощечка составляет комплект с гарпунами для охоты на каланов № 568–2а, б, в, г, д, е.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

59–64.
Легкие гарпуны для охоты на каланов № 568–2а, б, в, г, д, е.
Материал: дерево, краска, олений рог, моржовая кость, березовая кора, сухожилия.
Размеры:
№ 568–2а: длина 139,5 см. Головка древка: длина 31,3 см, диаметр 2 см. Острие: длина 4,7 см, ширина 0,7 см.
№ 568–2б: длина 139,8 см. Головка древка: длина 31,3 см, диаметр 1,9 см. Острие: длина 4,3 см, ширина 0,8 см.
№ 568–2в: длина 140 см. Головка древка: длина 31,8 см, диаметр 2 см. Острие: длина 4,4 см, ширина 0,8 см
№ 568–2г: длина 140 см. Головка древка: длина 31,4 см, диаметр 1,9 см.
№ 568–2д: длина 139,5 см. Головка древка: длина 31,7 см, диаметр 2 см. Острие: длина 4,6 см, ширина 0,7 см.
№ 568–2е: длина 140 см. Головка древка: длина 31 см, диаметр 2 см.
Собиратель: А.Д. Романовский. 1840–1845 гг., о. Уналашка.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

65.
Метательная дощечка № 2868–12.
Материал: дерево, краска.
Размеры: длина 50,3 см, ширина 4,8 см, толщина 1,8 см.
Собиратель: неизвестен. Зарегистрировал Ф.И. Рупрехт в 1838 г. Алеутские острова.

«Дощечки для бросания стрел длиною бывают в полтора фута, шириною в два дюйма; на одном конце сделано место, чтоб ловко можно было держать рукою, а на другом вставлена наподобие гвоздика косточка, в которую во время бросания стрел конец ее упирается» [Сарычев 1952: 213–214].

Орудия морской охоты № 2868–12, 134, 135, 142, 161, 167, 225, 228 составляют комплект и, вероятно, происходят из коллекции одного собирателя.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

66–68.
Легкие гарпуны для охоты на каланов № 2868–134, 135, 142.
Материал: дерево, краска, олений рог, моржовая кость, березовая кора, сухожилия, шерстяные нити.
Размеры:
№ 2868–134: длина 135 см. Головка древка: длина 27 см, диаметр 1,7 см. Острие: длина 3,2 см, ширина 0,8 см.
№ 2868–135: длина 135 см. Головка древка: длина 25,3 см, диаметр 1,6 см. Острие: длина 5,3 см, ширина 0,9 см.
№ 2868–142: длина 132 см. Головка древка: длина 24,5 см, диаметр 1,7 см. Острие: длина 5,3 см, ширина 1 см.
Собиратель: неизвестен. Зарегистрировал Ф.И. Рупрехт в 1838 г., Алеутские острова.

Об охоте на каланов Ф.П. Врангель писал: *«Партия байдарок выезжает в тихую погоду в море, где предполагают быть бобрам* (каланам. — *С.К.*)*, и располагается в одну линию на таком расстоянии между каждыми двумя байдарками, чтобы был с оных виден бобр, если он посередине показался на воде, т.е. около 250 сажень между двумя байдарками. Оттого вся линия байдарок занимает огромное пространство; например, буде партия из 20 байдарок, то верст на 10 или на 14. В этом положении внимание алеутов обращено на воду вокруг себя, не увидят ли бобра. Буде (бобр) показался и он не успел в него бросить стрелку, то тотчас гребет на то место, где нырнул бобр, и подымает весло вверх, не трогаясь с места. По этому знаку все байдарки располагаются в равных меж собою расстояниях вокруг байдарки с поднятым веслом, образуя преогромный круг, в центре коего поднятое весло. Теперь только центральная байдарка трогается с места и гребет туда, где полагает, что нырнувший в воду бобр (коль скоро бобр увидит байдарку, то тотчас надолго скрывается под водой, минут на 15–20) должен вынырнуть. Если он* (калан. — *С.К.*) *показался <…>, опять подымет весло и тотчас образуется новый, уже маленький, круг около него, ибо уставший бобр в другой раз гораздо ближе и скорее должен вынырнуть. Когда скоро он появится, то обыкновенно несколько стрел в него летит, и тому бобр принадлежит, чья стрела всех ближе к голове попала»* [Врангель 1979: 145].

Орудия морской охоты № 2868–12, 134, 135, 142, 161, 167, 225, 228 составляют комплект и, вероятно, происходят из коллекции одного собирателя.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

69–70.
Наконечник и копье для охоты на сивучей и китов
№ 2868–161, 167.
Материал: дерево, краска, олений рог, камень, сухожилия.
Размеры:
№ 2868–161: наконечник: длина 39,5 см, ширина 1,8 см. Острие: 8,3 см, ширина 2 см. Футляр: длина 20 см, ширина 3,7 см, толщина 2,3 см.
№ 2868–167: длина 137,5 см, диаметр 2 см. Наконечник: длина 33,5 см, ширина 1,9 см. Футляр: длина 19,3 см, ширина 3,7 см, толщина 1,4 см.
Собиратель: неизвестен. Зарегистрировал Ф.И. Рупрехт в 1838 г., Алеутские острова.

«Когда охотятся на морских львов (сивучей. — *С.К.)*, *на первых порах пользуются дротиками с каменными наконечниками — Ogualok, еще пользуются костяными дротиками с тремя зубцами, последние они употребляют также и на китов»* [Мерк 1978: 81].

Орудия морской охоты № 2868–12, 134, 135, 142, 161, 167, 225, 228 составляют комплект и, вероятно, происходят из коллекции одного собирателя.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

71.
Гарпун с поплавком для охоты на нерпу № 2868–225.
Материал: дерево, краска, олений рог, березовая кора, мочевой пузырь, олений волос, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 150,5 см, длина без острия 136,5 см, диаметр древка 1,8 см. Головка древка: длина 12 см, диаметр 2,8 см. Острие: длина 14 см, ширина 1,7 см, толщина 1 см. Поплавок: длина 35 см, ширина 5,5 см.
Собиратель: неизвестен. Зарегистрировал Ф.И. Рупрехт в 1838 г., Алеутские острова.

«Стрела <…> длиною в 4 фута и 4 дюйма, с костяным носком и привязанным посредине стрелы надутым пузырем; сия стрела употребляется для того, чтобы зверь, когда умрет, не утонул» [Сарычев 1952: 213].

Орудия морской охоты № 2868–12, 134, 135, 142, 161, 167, 225, 228 составляют комплект и, вероятно, происходят из коллекции одного собирателя.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

72.
Тяжелый гарпун для охоты на сивуча и нерпу
№ 2868–228.
Материал: дерево, краска, олений рог, моржовая кость, березовая кора, олений волос, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 183 см, диаметр 3,1 см. Головка древка: длина 24 см, диаметр 3,5 см. Острие: длина 15,3 см, ширина 2,1 см, толщина 1,2 см.
Собиратель: неизвестен. Зарегистрировал Ф.И. Рупрехт в 1838 г., Алеутские острова.

Судя по рисунку этого гарпуна из книги Р.Г. Ляпуновой, к его нижней части были прикреплены пучки волос, которые до настоящего времени не сохранились [Ляпунова 1975: 83]. К этому гарпуну подходит описание Г.А. Сарычева: *«Стрелы <…> для зверей, величиною в 9 фут; в переднем конце вставлено костяное копьецо, привязанное к жильному шнурку, у которого другой конец раздвоен и привязан лапкою, то есть в двух местах посредине стрелы; к заднему ее концу прикреплены орлиные перья»* [Сарычев 1952: 213].

Орудия морской охоты № 2868–12, 134, 135, 142, 161, 167, 225, 228 составляют комплект и, вероятно, происходят из коллекции одного собирателя.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

73.
Тяжелый гарпун для охоты на сивуча и нерпу № 2867–15.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, березовая кора, сухожилия.
Размеры: длина 164,5 см, диаметр 2,9 см. Головка древка: длина 43 см, диаметр 3,1 см.
Собиратель: М.Н. Васильев. 1820–1821 гг., о. Уналашка.

М.Н. Васильев сообщает об охоте на нерпу с помощью манщика: *«Алеуты держут у себя несколько кож нерпы, зделанныя как бы надобно набить чучелу, и когда ездят для ловли нерп, то чучелу надувают и пускают на воду. Нерпы думают, что живая, приближаются, а алеуты стреляют. Его* (нерпу. — *С.К.) ловят на камнях или льдах»* [Васильев 2005: 108].

Орудия морской охоты № 2867–15, 2868–111, 129, 130 составляют комплект.

74.
Метательная дощечка № 2868–111.
Материал: дерево, моржовая кость.
Размеры: длина 46,8 см, ширина 4,8 см, толщина 1,4 см.
Собиратель: М.Н. Васильев. 1820–1821 гг., о. Уналашка.

С помощью метательных дощечек алеуты охотились на морских животных и птиц. Охотник держал метательную дощечку за рукоятку и накладывал на нее гарпун, нижний конец которого упирался в костяной упор. Метательная дощечка увеличивала размах руки и соответственно дальность полета гарпуна. Гарпун, брошенный рукой, летел на 15–20 метров, а брошенный с метательной дощечки — на 50–60 метров.

Орудия морской охоты № 2867–15, 2868–111, 129, 130 составляют комплект.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

75–76.
Легкие гарпуны для охоты на калана № 2868–129, 130.
Материал: дерево, краска, олений рог, моржовая кость, березовая кора, сухожилия.
Размеры:
№ 2868–129: длина 102,5 см. Головка древка: длина 22,5 см, диаметр 1,9 см.
№ 2868–130: длина 130 см. Головка древка: длина 24 см, диаметр 1,6 см. Острие: длина 3,5 см, ширина 0,9 см.
Собиратель: М.Н. Васильев. 1820–1821 гг., о. Уналашка.

Алеуты изготовляли гарпуны для охоты на калана как можно тщательнее: *«Алеуты бобра* (калана. — *С.К.) считают превращенным человеком <...> и потому старались украшать байдарки, камлейки и все стрелки как можно лучше, полагая, что бобр, любя женские изделия, сам придет к промышленнику-щеголю»* [Вениаминов 1840, ч. II: 134].

«Жили когда-то брат и сестра, — рассказывает алеутская легенда о происхождении бобров. — *Они до того любили друг друга, что в конце концов поженились между собой, храня это, конечно, в тайне от всех. Когда об этом узнало селение, они не смогли перенести своего позора и бросились оба в море. На мгновение они скрылись под водой, но тотчас же снова выплыли... бобрами»* [Барабаш-Никифоров 1934а: 28].

Орудия морской охоты № 2867–15, 2868–111, 129, 130 составляют комплект.

77–78.
Метательные дощечки № 2888–74, 337–21/4.
Материал: дерево, краска, моржовая кость.
Размеры:
№ 2888–74: длина 48,6 см, ширина 5,4 см, толщина 1,8 см.
№ 337–21/4: длина 49,5 см, ширина 5 см, толщина 1,3 см.
Собиратель: П.П. Дорошин. 1848–1853 гг., Шумагинские острова.

При разнообразии вариантов метательных дощечек коренного населения американского Севера их можно разделить на два основных типа. Все группы эскимосов от Гренландии до тихоокеанского побережья Аляски использовали метательные дощечки мечевидной формы, а алеуты — прямоугольной. Метательные дощечки мечевидной формы были известны только алеутам Шумагинских островов, которые имели прямые контакты с эскимосами о. Кадьяк.

Дощечка № 337–21/4 со срезанными нижними краями является переходным типом от прямоугольной к мечевидной форме.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

79–82.
Метательные дощечки № 337–21/2, 21/3, 21/5, 21/1.
Материал: дерево, краска, моржовая кость.
Размеры:
№ 337–21/2: длина 46,1 см, ширина 5,4 см, толщина 1,8 см.
№ 337–21/3: длина 50,5 см, ширина 5 см, толщина 1,7 см.
№ 337–21/5: длина 48,5 см, ширина 4,6 см, толщина 1,8 см.
№ 337–21/1: длина 49 см, ширина 5 см, толщина 1,6 см.
Собиратель: П.П. Дорошин. 1848–1853 гг., о. Унга.

Метательные дощечки № 337–21/2, 2868–12; 337–21/3, 21/5, 21/1 относятся к одному типу и являются изделиями алеутов острова Унга и других Шумагинских островов. Их характерная особенность — барельефная резьба на рукояти. На дощечках № 2868–12 и 337–21/5 в районе отверстия для указательного пальца вырезаны фигурки китов с раздвоенными хвостами.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

83.
Метательная дощечка № 2868–180.
Материал: дерево, краска, олово.
Размеры: длина 50,5 см, ширина 4,6 см, толщина 2 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., вероятно, Командорские острова.

В XIX в. орудия охоты № 2868–172—178, 180, 181—186 были связаны вместе. В комплект входят семь стрел для охоты на калана (№ 2868–172—178) и два лука (№ 2868–185, 186) эскимосов чугачей. Остальные предметы этого комплекта являются изделиями алеутов: метательная дощечка (№ 2868–180), два легких гарпуна для охоты на калана (№ 2868–181, 182), гарпун с поплавком для охоты на калана (№ 2868–183) и тяжелый гарпун для промысла сивуча и нерпы (№ 2868–184).

Возможно, что эта метательная дощечка является изделием алеутов о. Атту, проживавших на Командорских островах.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

84–85.
Легкие гарпуны для охоты на каланов № 2868–181, 182.
Материал: дерево, краска, кость, медь, сухожилия.
Размеры:
№ 2868–181: длина 128,5 см, диаметр 1,9 см. Головка древка: длина 21,5 см, диаметр 1,6 см.
№ 2868–182: длина 131,5 см, диаметр 1 см. Головка древка: длина 21 см, диаметр 1,8 см. Наконечник: длина 6,2 см, ширина 1 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., вероятно, Командорские острова.

Вероятно, эти гарпуны являются изделиями алеутов о. Атту, проживавших на Командорских островах. Орудия морской охоты № 2868–180, 181, 182, 183, 184 составляют комплект.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

86.
Гарпун с поплавком для охоты на калана № 2868–183.
Материал: дерево, краска, кость, медь, мочевой пузырь, хлопчатобумажная нить, сухожилия.
Размеры: длина 136,5 см, длина без острия 128 см, диаметр 1,6 см. Головка древка: длина 12,5 см, диаметр 1,6 см. Острие: длина 10,2 см, ширина 1,6 см. Поплавок: длина 37 см, ширина 3,7 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., вероятно, Командорские острова.

Этот гарпун как предмет со спорной этнической принадлежностью был опубликован в тлинкитском каталоге МАЭ [Тлинкиты... 2007: 44]. Возможно, что он является изделием алеутов о. Атту, проживавших на Командорских островах. Орудия морской охоты № 2868–180, 181, 182, 183, 184 составляют комплект.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

87.
Тяжелый гарпун для охоты на сивуча и нерпу № 2868–184.
Материал: дерево, краска, кость, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 190,5 см, диаметр 3,4 см. Головка древка: длина 25,3 см, диаметр 3,5 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., вероятно, Командорские острова.

Этот гарпун отличается от других тяжелых гарпунов для охоты на сивучей тем, что его древко окрашено в черный, а не в красный цвет. Возможно, он является изделием алеутов о. Атту, проживавших на Командорских островах.

Орудия морской охоты № 2868–180, 181, 182, 183, 184 составляют комплект.

88.
Тяжелый гарпун для охоты на нерпу и сивуча № 4270–38.
Материал: дерево, краска, кость, березовая кора, олений волос, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 187 см, диаметр 3,1 см. Головка древка: длина 23,5 см, диаметр 3,5 см. Острие: длина 15,7 см, ширина 2 см, толщина 1,2 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

«Нерпичьи стрелки бывают длиннее всех, наконечники у них длиною от 3 до 5 четвертей, толщиною около 5 дюймов, а носки (острия. — *С.К.) похожи на бобровые, только длиннее и толще»* [Вениаминов 1840, ч. II: 246].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

89–92.
Тяжелые гарпуны для охоты на нерпу № 2868–192, 197, 198, 199.
Материал: дерево, краска, кость, березовая кора, мочевой пузырь сивуча, олений волос, шерстяные нити, китовые сухожилия.
Размеры:
№ 2868–192: длина 251 см, диаметр 3,3 см. Поплавок: длина 42 см, ширина 10,5 см.
№ 2868–197: длина 255 см, диаметр 3,1 см. Поплавок: длина 44 см, ширина 16 см.
№ 2868–198: длина 260 см, диаметр 3,3 см. Поплавок: длина 43 см, ширина 11 см.
№ 2868–199: длина 275 см, диаметр 3,3 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Лисьи острова.

О способах охоты на нерпу И.Е. Вениаминов писал: *«Нерп промышляют и ружьями, и отгонами, и стрелками; в последнем случае употребляют для того манщики, т.е. чучела нерпы, которую кладут на камень для приманивания нерп, плавающих в море. Промышленник садится за камнем, положив манщик перед собою, и пошевеливает его, кричит голосом, похожим на крик нерп. Нерпа (имея тупое зрение) легко обманывается, и когда она подойдет близко, то промышленник вонзает в нее большую стрелку с носком* (острием. — *С.К.*), *привязанную к толстому шнуру (мауту), сделанному из жилы, и вытаскивает ее на берег, где и убивает ее палкою (дрегалкою)»* [Вениаминов 1840, ч. II: 383].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

93–95.
Гарпуны для охоты на нерпу № 4270–63, 73, 91.
Материал: дерево, краска, олений рог, березовая кора, перья, олений волос, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры:
№ 4270–63: длина 136,5 см, диаметр 2,5 см. Головка древка: длина 7,9 см, диаметр 2,5 см.
№ 4270–73: длина 137 см, диаметр 2,5 см. Головка древка: длина 7,6 см, диаметр 2,5 см.
№ 4270–91: длина 136 см, диаметр 2,3 см. Головка древка: длина 7,4 см, диаметр 2,3 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Наиболее результативной охота на нерпу была на мелководье, когда охотник прятался за камнем и подманивал животное, имитируя крик самки. Чтобы нерпа подплыла на расстояние выстрела, охотник *«...накрылся с головой своим дождевиком* (камлейкой. — *С.К.) и, приподнявшись, начал раскачиваться из стороны в сторону. Унанганы* (алеуты. — *С.К.) считают, что этот прием, возбуждая любопытство зверя, заставляет его подойти ближе к охотнику»* [Барабаш 1937: 81].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

96–97.
Гарпуны для охоты на нерпу № 4270–28, 30.
Материал: дерево, краска, олений рог, моржовая кость, березовая кора, перья, сухожилия.
Размеры:
№ 4270–28: длина 136,5 см, диаметр 2,4 см. Головка древка: длина 7,8 см, диаметр 2,4 см. Острие: длина 10,5 см, ширина 1,5 см.
№ 4270–30: длина с острием 146,5 см, длина без острия 136 см, диаметр 2,3 см. Головка древка: длина 7,8 см, диаметр 2,4 см. Острие: длина 11,2 см, ширина 1,5 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Гарпуны для охоты на нерпу наиболее разнообразны в собрании МАЭ. Имеются три типа специализированных гарпунов для охоты только на нерпу и еще несколько типов гарпунов, которые использовались для промысла как нерпы, так и других видов тюленей. Это свидетельствует о том, что именно нерпа была главным промысловым животным алеутов до периода контактов с европейцами.

Орудия морской охоты в коллекции № 4270–28–37 составляют комплект.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

98–99.
Легкие гарпуны для охоты на калана № 4270–32, 33.
Материал: дерево, краска, олений рог, моржовая кость, березовая кора, перья, сухожилия.
Размеры:
№ 4270–32: длина 133,7 см. Головка древка: длина 25 см, диаметр 1,8 см. Острие: длина 5,7 см, ширина 1,1 см.
№ 4270–33: длина 97 см. Головка древка: длина 22 см, диаметр 1,4 см. Острие: длина 4,8 см, ширина 1 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Об охоте на каланов О.Е. Коцебу писал: *«Самка морского бобра* (калана. — *С.К.) спокойно спит на поверхности воды, в то время как ее детеныши, числом не более двух, сосут материнскую грудь. <…> Если охотник заметит самку во время подобного плавания, она становится его легкой добычей. Дело в том, что мать никогда не бросает своих детенышей, хотя они и препятствуют ее бегству, а вместе с самцом яростно защищает их от нападения. Оба зубами вырывают из тел бобрят вонзившиеся в них стрелы и даже нападают на преследующих их людей, расплачиваясь жизнью за свою отвагу»* [Коцебу 1981: 194].

Орудия морской охоты в коллекции № 4270–28–37 составляют комплект.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

100.
Гарпун с поплавком № 4270–34.
Материал: дерево, краска, олений рог, моржовая кость, медь, мочевой пузырь, хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: длина с острием 144 см, длина без острия 134 см, диаметр 2,5 см. Головка древка: длина 10,5 см, диаметр 2,7 см. Острие: длина 11 см, ширина 1,6 см. Поплавок: длина 51,5 см, ширина 2,5 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Об использовании гарпуна с поплавком во время охоты на морских котиков Г.А. Сарычев писал: *«В исходе сего месяца начался у алеут котовый промысел и продолжался до ноября. Коты в это время возвращаются из северных мест к полуденной стороне и заходят в заливы сего острова* (Уналашки. — *С.К.*)*. Тогда алеуты гоняют их на своих байдарках, разделяясь человека по три и по четыре за каждым котиком. Примечают, где он должен вынырнуть из воды, подгребают к тому месту, и только он покажется, то и бросают в него стрелки. Таким образом, мучат его до тех пор, пока он от частого ныряния и от сделанных стрелками ран утомится. Но чтоб он не утонул, когда смертельно ранят его, то бросают для сего стрелку с надутым пузырем»* [Сарычев 1952: 196].

Орудия морской охоты в коллекции № 4270–28–37 составляют комплект.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

101–102.
Тяжелые гарпуны для охоты на сивуча и нерпу (агальчих)
№ 4270–35, 36.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, березовая кора, олений волос, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры:
№ 4270–35: длина 110,5 см, диаметр 3 см. Головка древка: длина 20 см, диаметр 3,5 см. Острие: длина 6 см, ширина 1,1 см.
№ 4270–36: длина 156,5 см, диаметр 3,4 см. Головка древка: длина 24 см, диаметр 3,8 см. Острие: длина 14,8 см, ширина 2,1 см, толщина 1,2 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Об использовании туш убитых сивучей Ф.П. Литке сообщает: *«Сивучьи шкуры сначала складывают в груды на месяц, чтобы опрела шерсть, которую после соскабливают, и кожи растягивают по земле на колья для просушки. <…> Горла* (пищевод. — *С.К.*) *и кишки этих животных также употребляются в пользу: те и другие выделываются на камлеи. Жир вытапливается и употребляется на месте для освещения, а в случае нужды и вместо дров, по недостатку которых жгут кости сивучьи, поливая их жиром. Некоторое количество мяса сушат на зиму»* [Литке 1948: 91].

Гарпуны № 4270–35, 36, 38; 2868–184, 228 относятся к одному типу. Орудия морской охоты в коллекции № 4270–28–37 составляют комплект.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

103.
Тяжелый гарпун для охоты на сивуча (агчусь) № 4270–37.
Материал: дерево, краска, олений рог, кожа, сухожилия.
Размеры: длина 146 см, диаметр 3,3 см. Колок: длина 21 см, ширина 2,4 см. Наконечник: длина 13 см, ширина 2 см, толщина 1,5 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Гарпун с поворотным наконечником, его нижняя часть древка обломана, отсутствуют поплавок из мочевого пузыря и острие поворотного наконечника. Этот гарпун относится к тому же типу, что и гарпун из коллекции И.Г. Вознесенского (№ 593–85).

Орудия морской охоты в коллекции № 4270–28–37 составляют комплект.

104.
Колок с поворотным наконечником и футляром для острия № 2868–228/1.
Материал: дерево, кость, краска, сухожилия.
Размеры: общая длина 27,3 см, ширина колка 1,9 см. Наконечник: длина 10,6 см, ширина 1,6 см. Футляр: длина 14 см, ширина 3 см, толщина 1,3 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Этот колок с поворотным наконечником является частью комплекта гарпуна для охоты на сивуча.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

105–109.
Легкие гарпуны для охоты на калана № 2868–136, 137, 138, 139, 140.
Материал: дерево, краска, олений рог, моржовая кость, березовая кора, сухожилия.
Размеры:
№ 2868–136: длина 126,5 см. Головка древка: длина 20,5 см, диаметр 1,8 см. Острие: длина 6,1 см, ширина 1 см.
№ 2868–137: длина 128,5 см. Головка древка: длина 24 см, диаметр 1,8 см.
№ 2868–138: длина 128 см. Головка древка: длина 22 см, диаметр 1,7 см. Острие: длина 6,2 см, ширина 1,2 см.
№ 2868–139: длина 131,3 см. Головка древка: длина 25 см, диаметр 1,8 см. Острие: длина 5,4 см, ширина 1 см.
№ 2868–140: длина 131,5 см. Головка древка: длина 21 см, диаметр 1,9 см. Острие: длина 5,7 см, ширина 1,3 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

«Промысел бобров (каланов. — *С.К.) производится почти одинаково, т.е. партиею. Время для промысла бобров есть с первого мая и до июля, т.е. в такое время, когда менее всего бывает ветров. Партия не может состоять менее как из 15 байдарок, или 15 промышленников. Промышленники в партию отправляются в последних числах апреля или первых мая на места известные. <…>*

После первой стрелки кидают вторую и третью и даже более. Но бобр принадлежит всегда тому, кто первый попал в него стрелкою; а если двое или многие вдруг попадут в него стрелками, то бобр достается тому, чья стрелка ближе к голове» [Вениаминов 1840, ч. II: 343–344].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

110–112.
Легкие гарпуны для охоты на калана № 2868–131, 132, 133.
Материал: дерево, краска, олений рог, моржовая кость, березовая кора, сухожилия.
Размеры:
№ 2868–131: длина 132 см. Головка древка: длина 24,5 см, диаметр 1,8 см. Острие: длина 5,6 см, ширина 1 см.
№ 2868–132: длина 132,6 см. Головка древка: длина 25 см, диаметр 1,7 см. Острие: длина 5,4 см, ширина 1 см.
№ 2868–133: длина 133,5 см. Головка древка: длина 27,5 см, диаметр 1,8 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

«В Атхинском отделе (в 1827 г. — *С.К.) алеуты весь свой промысел* (каланов. — *С.К.) сдают сначала главному тайону, который его разделяет на всех, соображаясь с прилежанием или счастьем каждого. Кто добыл 5 или 6 бобров, должен уделить часть тому, кто не получил ничего или очень мало, который в другое время воздаст ему в свою очередь тем же, так что никто не останется с пустыми руками и все бывают довольны»* [Литке 1948: 66].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

113–116.
Легкие гарпуны для охоты на калана № 4270–52, 53, 54, 55.
Материал: дерево, краска, олений рог, березовая кора, волос, сухожилия.
Размеры:
№ 4270–52: длина 130 см. Головка древка: длина 25 см, диаметр 1,8 см.
№ 4270–53: длина 113 см. Головка древка: длина 25 см, диаметр 1,8 см.
№ 4270–54: длина 136,5 см. Головка древка: длина 25,4 см, диаметр 1,8 см.
№ 4270–55: длина 133 см. Головка древка: длина 24,6 см, диаметр 1,8 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

О гарпунах для охоты на каланов И.И. Биллингс писал: *«Самые тонкие нитки они плетут с козьим волосом и с перьями разных цветов. Такими весьма длинными плетешками* (плетеными бечевками. — *С.К.) уналашкинцы обвивают дротики или длинные свои стрелы с одного конца до другого, на котором есть наконечник с зазубринами, сделанный из кости, вложенный в желобок, вырезанный на стрельной палочке* (головке древка. — *С.К.). Когда сие орудие ударяло в морское животное, оно оставалось в теле его под водой до тех пор, пока верхушка не покажется на поверхности воды и тем означит место, где застреленное животное, которое тогда уже вытаскивают из воды, когда оно утомилось потерянием своей крови»* [Биллингс 1978: 47–48].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

117–122.
Легкие гарпуны для охоты на калана № 4270–56, 57, 58, 59, 60, 61.
Материал: дерево, краска, олений рог, березовая кора, сухожилия.
Размеры:
№ 4270–56: длина 128,5 см. Головка древка: длина 25 см, диаметр 1,8 см.
№ 4270–57: длина 124 см. Головка древка: длина 25 см, диаметр 1,7 см.
№ 4270–58: длина 102 см, диаметр 1,6 см.
№ 4270–59: длина 133,5 см. Головка древка: длина 23 см, диаметр 1,6 см.
№ 4270–60: длина 133 см. Головка древка: длина 25,3 см, диаметр 1,8 см.
№ 4270–61: длина 102 см. Головка древка: длина 22 см, диаметр 1,7 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

«Носки (острия. — *С.К.) у бобровых и нерпичьих стрелок вынимаются и вставляются по надобности, а у прочих закреплены»* [Вениаминов 1840, ч. II: 246–247].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

123–127.
Части от легких гарпунов для охоты на калана
№ 4270–82, 83, 84, 85, 89.
Материал: дерево, краска, кость, сухожилия.
Размеры:
№ 4270–82: длина 63,8 см, диаметр 2 см.
№ 4270–83: длина 40,7 см, диаметр 2 см.
№ 4270–84: длина 71,3 см, диаметр 1,3 см.
№ 4270–85: длина 92 см, диаметр 1,6 см.
№ 4270–89: длина 91 см, диаметр 1,6 см.
Головка древка: длина 19,7 см, диаметр 1,9 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

128.
Легкий гарпун для охоты на калана
№ 4270–65.
Материал: дерево, краска, олений рог, березовая кора, сухожилия.
Размеры: длина 105 см. Головка древка: длина 20,8 см, диаметр 1,6 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Нижняя часть древка этого гарпуна срезана и отсутствует, поэтому он более короткий, чем другие гарпуны для охоты на калана.

129.
Легкий гарпун для охоты на калана
№ 2867–1.
Материал: дерево, краска, олений рог, медь, хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: длина 131 см. Головка древка: длина 23,4 см, диаметр 1,7 см. Острие: длина 6,6 см, ширина 1,2 см.
Собиратель: Г.И. Шнейдер. 1854–1860 гг., Сибирь.

Вероятно, этот гарпун является изделием алеутов, которые проживали на Курильских островах. Его острие сделано из меди, а не из моржовой кости. Моржи на Курильских островах не водились, поэтому алеутам приходилось использовать другие, более доступные материалы для изготовления орудий охоты.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

130.
Гарпун с поплавком № 7497–30.
Материал: дерево, краска, олений рог, медь, мочевой пузырь, шерстяные и хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: длина 143,5 см, длина без острия 135 см, длина поплавка 43 см. Головка древка: длина 11,2 см, диаметр 2,3 см.
Острие: длина 9 см, ширина 1,7 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Этот гарпун и гарпуны № 2868–225 и 4270–34 относятся к одному типу. Они использовались для охоты на нерпу и морских котиков. Гарпуны с поплавками для охоты на каланов более короткие (№ 593–87, 2868–183) и имеют менее массивные острия.

«Для ловли тюленей пользуются они (алеуты. — *С.К.) гарпуном — Sakack — с каменным острием и пузырем из желудка тюленя или маленького морского льва»* [Мерк 1978: 81].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

131–133.
Метательные дощечки № 7497–1, 2, 3.
Материал: дерево, краска.
Размеры:
№ 7497–1: длина 49,6 см, ширина 5,1 см, толщина 1,6 см.
№ 7497–2: длина 46,7 см, ширина 5,4 см, толщина 1,6 см.
№ 7497–3: длина 48,3 см, ширина 4,7 см, толщина 1,6 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Лисьи острова.

На дощечках № 7497–1, 2 вокруг отверстия для указательного пальца вырезана стилизованная фигура кита с раздвоенным хвостом, закрашенная красной краской на дощечке № 7497–1 и красной и зеленой красками на дощечке № 7497–2. Эти метательные дощечки имеют сходную форму рукояти, но отличаются по форме нижней части. Дощечки № 7497–1, 3 отличаются по форме рукояти, но имеют похожую форму нижней части.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

134–138.
Метательные дощечки № 2868–14, 13, 109, 113, 108.
Материал: дерево, краска, моржовая кость.
Размеры:
№ 2868–14: длина 48,3 см, ширина 5,1 см, толщина 2,1 см.
№ 2868–13: длина 47,3 см, ширина 5,3 см, толщина 1,8 см.
№ 2868–109: длина 45,5 см, ширина 5,1 см, толщина 1,8 см.
№ 2868–113: длина 44,7 см, ширина 5,2 см, толщина 1,2 см.
№ 2868–108: длина 43,5 см, ширина 5,1 см, толщина 1,3 см.
Собиратели:
№ 2868–14: И.И. Сизов. Первая четверть XIX в., Лисьи острова.
№ 2868–13, 109, 113, 108: неизвестен. XIX в., Лисьи острова.

Метательные дощечки № 593–80, 568–1; 2868–14, 13, 109, 113, 108 являются изделием алеутов Уналашки или других Лисьих островов. Они раскрашены, что указывает на их принадлежность вождям и старейшинам. Такие метательные дощечки использовали не только во время охоты, но и в охотничьих ритуалах, направленных на ежегодную реинкарнацию морских животных. На всех метательных дощечках в районе отверстия для указательного пальца вырезаны, в разной степени стилизации, фигуры китов, закрашенные красной краской.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

139–142.
Метательные дощечки № 2888–73, 4291–52, 2888–28, 26.
Материал: дерево, краска, моржовая кость.
Размеры:
№ 2888–73: длина 47,6 см, ширина 5 см, толщина 1,5 см.
№ 4291–52: длина 47,8 см, ширина 4,8 см, толщина 1,6 см.
№ 2888–28: длина 46,7 см, ширина 4,6 см, толщина 1,7 см.
№ 2888–26: длина 44,5 см, ширина 5 см, толщина 1,5 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., о. Уналашка.

Метательные дощечки № 2888–73, 4291–52, 2868–111; 2888–28, 26; 2868–112 принадлежат жителям Уналашки. В отличие от предыдущего типа дощечек, они не раскрашены, что указывает на их принадлежность простым охотникам.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

143–146.
Метательные дощечки № 2868–110, 4291–51, 2868–11, 2888–27.
Материал: дерево, краска, моржовая кость.
Размеры:
№ 2868–110: длина 46 см, ширина 4,7 см, толщина 1,5 см.
№ 4291–51: длина 46,7 см, ширина 4,7 см, толщина 1,4 см.
№ 2868–11: длина 45,3 см, ширина 4,7 см, толщина 1,2 см.
№ 2888–27: длина 45 см, ширина 4,6 см, толщина 1,5 см.
Собиратели:
№ 2868–110, 4291–51, 2868–11: неизвестен. XIX в., о. Уналашка.
№ 2888–27: И.И. Биллингс. 1790–1792 гг., о. Уналашка.

Метательные дощечки № 2868–110, 4291–51, 2868–11, 2888–27 принадлежат алеутам острова Уналашки, возможно, жителям одного селения. На наружной стороне в нижней части этих дощечек имеется косой срез треугольной формы, что отличает их от других метательных дощечек алеутов Уналашки.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

147.
Тяжелый гарпун № 4291–25.
Материал: дерево, моржовая кость, березовая кора, сухожилия.
Размеры: длина 176 см, диаметр 2,5 см. Головка древка: длина 23 см, диаметр 2,6 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель.
XIX в., Алеутские острова.

148.
Верхняя часть от тяжелого гарпуна № 4270–42.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, березовая кора, сухожилия.
Размеры: длина 118,5 см, диаметр 2,5 см. Головка древка: длина 53,5 см, диаметр 3,1 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

149.
Тяжелый гарпун для охоты на сивуча и нерпу
№ 4270–43.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, березовая кора, олений волос, нити, сухожилия.
Размеры: длина 182,3 см, диаметр 2,8 см. Головка древка: длина 48 см, диаметр 2,8 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Гарпуны № 4270–43; 2867–13, 15; 593–88 относятся к одному типу. Они использовались для охоты на сивуча.

150.
Головка гарпуна № 7497–5.
Материал: олений рог, краска.
Размеры: длина 28,5 см, наибольший диаметр 1,9 см, наименьший диаметр 1,2 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

151.
Острие гарпуна № 7497–19.
Материал: кость, сухожилия.
Размеры: длина 4,1 см, ширина 0,8 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Аляска.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

152.
Маут с острием № 2868–187.
Материал: полоски кожи с шерстью, медь, сухожилия.
Размеры: длина мотка 146 см, ширина 24 см. Острие: длина 16,7 см, ширина 1,8 см, толщина 0,6 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Судя по массивному медному острию и толщине маута, вырезанного из кожи моржа, он использовался при транспортировке туш убитых китов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

153.
Маут № 2868–218.
Материал: китовые сухожилия, олений волос, шерстяные нити.
Размеры: длина мотка 33 см, ширина мотка 3,5 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

154.
Маут № 2868–222.
Материал: сухожилия, олений волос, шерстяные нити.
Размеры: длина мотка 26 см, ширина мотка 7 см.
Собиратель: С.П. Хрущев. 1822–1823 гг., о. Уналашка.

155.
Маут № 4104–49.
Материал: сухожилия.
Размеры: длина мотка 17 см, ширина мотка 5 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Аляска.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

156–160.
Копья для охоты на сивучей и китов № 4270–45, 46, 49, 50, 51.
Материал: дерево, краска, олений рог, сланец, березовая кора, сухожилия.
Размеры:
№ 4270–45: длина 138,5 см. Наконечник: длина с острием 33 см, ширина 1,8 см. Острие: длина 4,2 см, ширина 2,7 см. Футляр: длина 21 см, ширина 3,8 см, толщина 2,4 см.
№ 4270–46: длина 131 см. Наконечник: длина 28 см, ширина 1,9 см. Футляр: длина 19 см, ширина 4 см, толщина 2 см.
№ 4270–49: длина 137,7 см. Наконечник: длина с острием 35,5 см, ширина 1,8 см. Острие: длина 6,8 см, ширина 2,5 см. Футляр: длина 19 см, ширина 3,9 см, толщина 2 см.
№ 4270–50: длина 138 см. Наконечник: длина с острием 31 см, ширина 1,8 см.
№ 4270–51: длина 140,5 см. Наконечник: длина с острием 35,5 см, ширина 1,8 см. Острие: длина 5,5 см, ширина 2,5 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

161–163.
Копья для охоты на китов № 4270–44, 47, 48.
Материал: дерево, краска, олений рог, сланец, березовая кора, сухожилия.
Размеры:
№ 4270–44: длина 140 см, диаметр 2,3 см. Наконечник: длина 23,5 см, ширина 1,7 см. Острие: длина 6,1 см, ширина 2,7 см. Футляр: длина 8,8 см, ширина 3,8 см, толщина 2 см.
№ 4270–47: длина 142 см, диаметр 2 см. Наконечник: длина 31 см, ширина 2 см. Острие: длина 6,7 см, ширина 2,7 см.
№ 4270–48: длина 140,2 см, диаметр 2,2 см. Наконечник: длина 26 см, ширина 2 см. Острие: длина 6,1 см, ширина 2,6 см. Футляр: длина 19,8 см, ширина 6 см, толщина 2,1 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

«Способ промысла их (китов. — *С.К.) есть хотя не самый верный, но самый простейший. Промышленник, взяв с собою китовые стрелки (описание их находится выше), выезжает в море и, увидя кита, подъезжает к нему как можно ближе и кидает в него стрелку, и если стрелка попала в кита, то промысел его и кончился, остается только подождать, когда умрет кит. Таким образом, он подъезжает к другому* (киту. — *С.К.)*, *третьему и более, сколько удастся»* [Вениаминов 1840, ч. II: 395].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

164–166.
Копья для охоты на сивучей и китов № 4270–62, 67, 68.
Материал: дерево, краска, олений рог, березовая кора, шерстяная нить, сухожилия.
Размеры:
№ 4270–62: длина 126,5 см, диаметр 2 см. Наконечник: длина 29 см, ширина 1,7 см.
№ 4270–67: длина 119 см, диаметр 2,1 см. Наконечник: длина 27,5 см, ширина 1,8 см.
№ 4270–68: длина 131 см, диаметр 2,2 см. Наконечник: длина 27,5 см, ширина 1,8 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

«Стрелкою кита не убивают, но только ранят (убить его наповал едва ли можно и ядром), конец стрелы (каменный) остается в ките и производит в нем боль и жар. А морская вода солями своими увеличивает их, и если в продолжение промысла время стоит теплое, то кит через два-три дня умирает. Китов каждогодно подстреливают много, от 10 до 50 в лето; но к рукам приходят не все; ибо кит, будучи ранен, старается уйти в море и редко умирает вблизи берегов. И потому промысел бывает удачен только тогда, когда во время промыслов ветры дуют на берег» [Вениаминов 1840, ч. II: 395–396].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

167–169.
Копья для охоты на сивучей и китов № 4270–69, 70, 71.
Материал: дерево, краска, олений рог, березовая кора, сухожилия.
Размеры:
№ 4270–69: длина 134 см, диаметр 2,1 см. Наконечник: длина 28,5 см, ширина 1,8 см.
№ 4270–70: длина 112 см, диаметр 2,2 см. Наконечник: длина 27,5 см, ширина 1,7 см.
№ 4270–71: длина 107 см, диаметр 2,2 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

«Иногда случается, что алеуты, преследуя раненого кита, приметят, что он ослабевает и не может бить ластами, тогда, подъезжая к нему ближе, пускают вновь стрелы с пузырем, привязанным к тетиве, плетенной из китовых жил, называ-емой маут. И буде кит скоро издыхает, то буксируют к ближайшему берегу» [Хлебников 1979: 123–124].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

170–172.
Копья для охоты на сивучей и китов № 2868–168, 169, 171.
Материал: дерево, краска, олений рог, сланец, березовая кора, сухожилия.
Размеры:
№ 2868–168: длина 142 см, диаметр 2 см. Наконечник: длина с острием 40 см, ширина 1,8 см. Острие: длина 6,6 см, ширина 2,3 см. Футляр: длина 21,6 см, ширина 3,8 см, толщина 1,9 см.
№ 2868–169: длина 129 см, диаметр 2,1 см. Наконечник: длина 28,5 см, ширина 1,9 см. Футляр: длина 19,5 см, ширина 3,4 см, толщина 1,4 см.
№ 2868–171: длина 134 см, диаметр 1,9 см. Наконечник: длина 28 см, ширина 1,9 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Лисьи острова.

«При них собственного оружия имеется: стрелки длиною аршина по полтора, на которых на одном конце бывают кости китовой с четверть аршина, а в кость утверждены (вставлены. — *С.К.) черные острые каменья. Те стрелки бросают из правой руки доскою за тридцать сажень, которыху каждого бывает по великому пучку, а у иных имеются луки и стрелы»* [Коровин 1948: 143].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

173–178.
Копья для охоты на сивучей и китов № 2868–160, 162, 163, 164, 165, 166.
Материал: дерево, краска, олений рог, сланец, березовая кора, сухожилия.
Размеры:
№ 2868–160: длина 133,5 см, диаметр 2,1 см. Наконечник: длина 30 см, ширина 1,8 см. Футляр: длина 17 см, ширина 4 см, толщина 2,5 см.
№ 2868–162: длина 148 см, диаметр 2,1 см. Наконечник: длина 40 см, ширина 1,7 см. Острие: длина 4,3 см, ширина 2,5 см. Футляр: длина 18,2 см, ширина 3,8 см, толщина 1,8 см.
№ 2868–163: длина 151 см, диаметр 1,9 см. Наконечник: длина 34 см, ширина 1,8 см. Острие: длина 6,6 см, ширина 2,7 см. Футляр: длина 19 см, ширина 3,8 см.
№ 2868–164: длина 146,5 см, диаметр 2,1 см. Наконечник: длина с острием 38,5 см, ширина 1,8 см. Острие: длина 4,8 см, ширина 2,6 см.
№ 2868–165: длина 140,5 см, диаметр 2 см. Наконечник: длина 36 см, ширина 2 см.
№ 2868–166: длина 103 см, диаметр 2,2 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Лисьи острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

179–183.
Копья для охоты на сивучей и китов № 2868–154, 155, 156, 157, 158.
Материал: дерево, краска, олений рог, березовая кора, сухожилия.
Размеры:
№ 2868–154: длина 100 см, диаметр 2,4 см. Наконечник: длина 30 см, ширина 1,9 см.
№ 2868–155: длина 132,5 см, диаметр 2 см. Наконечник: длина 30 см, ширина 1,7 см.
№ 2868–156: длина 138 см, диаметр 1,9 см. Наконечник: длина 32 см, ширина 1,8 см.
№ 2868–157: длина 133 см, диаметр 1,7 см. Наконечник: длина 33 см, ширина 1,7 см.
№ 2868–158: длина 138 см, диаметр 2,1 см. Наконечник: длина 34 см, ширина 1,7 см. Футляр: длина 20,5 см, ширина 3,4 см, толщина 1,5 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Лисьи острова.

Все копья для охоты на китов в собрании МАЭ принадлежат жителям восточной части Алеутских островов. Население Андреяновских островов стало заниматься китовой охотой в начале 30-х годов XIX в., до этого времени они довольствовались китами, заплывшими на мелководье. В 1820-е годы К.Т. Хлебников отмечал, что алеуты о. Атка *«боятся их и никогда не промышляют»* [Хлебников 1979: 162]. В примечании к его работе написано: *«Ныне* (в 1833 г. — *С.К.) атхинские алеуты китов уже не боятся и начинают промышлять»* [Там же: 163].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

184–185.
Наконечники от гарпунов для охоты на китов № 593–50а, б.
Материал: дерево, сухожилия, сланец.
Размеры:
№ 593–50а: длина 42 см, ширина 1,7 см. Острие: длина 4,8 см, ширина 2,9 см.
№ 593–50б: длина 40 см, ширина 1,8 см. Острие: длина 3,6 см, ширина 2,8 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Уналашка.

Такой тип вставных наконечников с деревянной рукоятью и каменным острием был заимствован алеутами у эскимосов о. Кадьяк. Соответственно у алеутов было два типа орудий для охоты на китов — короткое метательное копье и гарпун с длинным древком. Копье бросали с помощью метательной дощечки, а гарпун — рукой.

186.
Древко № 2797–6.
Материал: дерево, краска, березовая кора, сухожилия.
Размеры: длина 107 см, диаметр 1,9 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

187.
Наконечник копья с острием и футляром № 4291–46a, b.
Материал: дерево, краска, олений рог, обсидиан, сухожилия.
Размеры: длина 33,5 см, ширина 1,9 см, толщина 1,4 см. Острие: длина 3,8 см, ширина 2,5 см. Футляр: длина 17,2 см, ширина 3,1 см, толщина 2,2 см.
Собиратель: участник кругосветного плавания. XIX в., Алеутские острова.

«А у китовых стрелок носки (острия. — *С.К.) каменные, из обсидиана, наподобие копья, длиною также около 2 дюймов»* [Вениаминов 1840, ч. II: 246].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

188.
Древко копья для охоты на птиц № 4270–72.
Материал: дерево, краска.
Размеры: длина 113 см, диаметр 1,9 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

189.
Древко копья для охоты на птиц № 2868–144.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, шерстяная нить, сухожилия.
Размеры: длина 146 см, диаметр 1,8 см. Острие: длина 5,1 см, ширина 1 см.
Собиратель: вероятно, И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Уналашка.

Древко от метательного копья для охоты на птиц, его наконечник и боковые острия отсутствуют. К древку привязан линь с прикрепленным к нему острием от легкого гарпуна для охоты на калана. Вероятно, это древко и острие по ошибке соединили вместе уже в музее.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

190.
Древко копья для охоты на птиц № 2868–217.
Материал: дерево, краска, березовая кора, сухожилия.
Размеры: длина 114 см, диаметр 1,7 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

191.
Древко копья для охоты на птиц № 2867–20.
Материал: дерево, краска, березовая кора, сухожилия.
Размеры: длина 106,5 см, диаметр 1,3 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

В верхней части древка есть пазы, предназначенные для боковых остриев, что позволяет считать его частью от копья для промысла птиц. На древке изображена сцена охоты на калана — охотники в трехлючной байдарке, охотник в однолючной байдарке и калан, в тело которого вонзились три гарпуна.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

192–194.
Копья для охоты на птиц № 2867–21, 22, 23.
Материал: дерево, краска, олений рог, кость, березовая кора, сухожилия.
Размеры:
№ 2867–21: длина 152,5 см, диаметр 1,6 см. Наконечник: длина 41,3 см, ширина 1,2 см. Длина боковых остриев 13,3 см.
№ 2867–22: длина 132,5 см, диаметр 1,9 см. Наконечник: длина 24,5 см, ширина 1,3 см. Длина боковых остриев 16 см.
№ 2867–23: длина 112 см, диаметр 1,8 см. Длина боковых остриев 12,3 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

195–196.
Копья для охоты на птиц № 2867–24, 26.
Материал: дерево, краска, кость, березовая кора, сухожилия.
Размеры:
№ 2867–24: длина 147 см, диаметр 2,1 см. Наконечник: длина 27 см, ширина 1,3 см. Длина бокового острия 25 см.
№ 2867–26: длина 122 см, диаметр 1,7 см. Наконечник: длина 13,8 см, ширина 1,1 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Об употреблении копий для охоты на птиц К.Г. Мерк писал: *«Для ловли птиц служит им* (алеутам. — *С.К.) дротик с четырьмя костяными остриями, которые снабжены еще зубцами — Nugyn»* [Мерк 1978: 81].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

197–199.
Копья для охоты на птиц № 4270–74, 75, 76.
Материал: дерево, краска, олений рог, березовая кора, сухожилия.
Размеры:
№ 4270–74: длина 168,5 см, диаметр 2,8 см. Наконечник: длина 26,7 см, ширина 1,9 см. Длина боковых остриев 25 см.
№ 4270–75: длина 170,3 см, диаметр 2,3 см. Наконечник: длина 29 см, ширина 1,7 см. Длина боковых остриев 25 см.
№ 4270–76: длина 156 см, диаметр 2,8 см. Наконечник: длина 28 см, ширина 1,8 см. Длина боковых остриев 26 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

200.
Гарпун № 2867–30.
Материал: дерево, краска, кость.
Размеры: длина 138 см. Древко: длина 127 см, диаметр 3,4 см. Острие: длина 11 см, ширина 1,8 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., вероятно, о. Атка.

Этот гарпун отличается от других необычной формой и отделяющимся массивным костяным острием. К его древку были прикреплены два боковых острия, которые до настоящего времени не сохранились. Таким образом, он представляет собой комбинацию гарпуна для охоты на нерпу и копья для промысла птиц.

201.
Древко гарпуна № 2868–170.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, шерстяная нить, сухожилия.
Размеры: длина 105 см, диаметр 1,9 см. Острие: длина 8,8 см, ширина 1,4 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., о. Атка.

У этого гарпуна отсутствует головка древка, в которую вставлялось острие. Его острие такого же типа, как и острие на гарпуне № 2868–153, приобретенном на о. Атка.

Судя по острию, головке древка и форме древка, гарпуны № 2868–170, 153; 2867–30; 593–69 использовались при охоте на нерпу.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

202.
Гарпун № 2868–153.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, перо, сухожилия.
Размеры: длина с острием 134 см, длина без острия 127 см. Головка древка: длина 10 см, ширина 2,9 см. Острие: длина 7,3 см, ширина 1,3 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., о. Атка.

Верхняя часть головки древка этого гарпуна украшена точечным орнаментом только с той стороны, с которой гарпун был обращен к морю во время охоты. Алеуты считали, что морским животным приятно разглядывать ярко раскрашенные и орнаментированные орудия охоты [Вениаминов 1840, ч. II: 134].

203.
Гарпун № 593–69.
Материал: дерево, краска, кость, нити, сухожилия.
Размеры: длина 123 см, диаметр 1,9 см. Головка древка: длина 13,3 см, ширина 3,6 см, толщина 1,9 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1844 г., о. Атка.

Головка древка этого и предыдущего гарпуна (№ 2868–153) символизируют головы какого-то морского животного или мифического существа.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

204.
Однолючная байдарка № 7497–31.
Материал: дерево, краска, кожа, олений волос, сухожилия.
Размеры: длина 564 см, ширина 44 см, высота кормы 24 см, высота носа 17 см.
Люк: длина 65 см, ширина 41,5 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., о. Уналашка.

«Байдары их весьма красивы, легки на ходу, сделанные гладко по наистрожайшей симметрии корабельной конструкции. Рама (или ребро байдары) состоит из трех брусков дерева во всю длину байдары. <…> Середина байдары имеет от 13,5 до 17 вершков в ширину; оба конца загнуты вверх, особливо нос байдары. Круглая, наподобие обруча, рама поставлена в самом широком месте байдары, почти в середине, однако поближе к корме ее се есть самое то место, где садится гребец. От сего места вдоль середины верхнего края байдары до самого носа лежит на оном крае довольно крепкая планочка, а другая такая же идет по корме. Верхняя рама с боковыми распорками всегда делается покороче киля, и концы ее просто обрезаны; перед байдары изображает голову рыбы с раскрытой верхней и нижней челюстями. Но чтобы морские травы не запутались в сию впадину, вставляется поперек ее тоненькая палочка. Все сие строение обтянуто вокруг и весьма плотно кожею морского льва. <…> Со всем тем островитяне ездят на них в море далеко, на несколько миль расстояния, хотя ветер дует свежо и, давя пучину морскую, ставит зыбь на зыбь» [Биллингс 1978: 48].

205.
Обтяжка для люка байдарки № 2868–100.
Материал: кишки, кожа, китовый ус, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: высота 33 см, длина 80 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

«Чтобы предохранить себя от заливания волнами, алеуты обвязываются в каяках (байдарках. — *С.К.) с помощью кишечной кожи, пришитой к круглому отверстию каяка, причем веревку от этой кожи они прикрепляют спереди так, что она идет назад через левое плечо»* [Мерк 1978: 82].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

206.
Двухлопастное весло № 2868–188.
Материал: дерево, краска.
Размеры: длина 194 см, ширина лопасти 8,5 см, диаметр рукояти 4,1 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

«Весло для байдарки всегда делается двухлопастное, длиною от $2^{1/2}$ до 3 аршин, смотря по росту гребца, и, если только можно, всегда из калифорнийской чаги как самого легкого дерева; впрочем, у некоторых стариков при двухлючных байдарках весла и однолопастные, как у кадьякцев» [Вениаминов 1840, ч. II: 224].

В раскраске этого весла преобладает черный цвет, что характерно для изделий алеутов Андреяновских и Ближних островов.

207.
Пузырь-поплавок из шкуры нерпы № 4104–77.
Материал: кожа нерпы, моржовая кость, сухожилия.
Размеры: длина 93,5 см, ширина 42,5 см, высота 30 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

«Алеуты, будучи на море, при крепком ветре и волнении не могут продолжать пути своего. Они связывают тогда все байдарки свои рядом, одну подле другой, но чтоб волнением при качке не терло байдар, кладут в промежутки надутые пузыри и становятся носами против волнения, ожидая перемены ветра» [Сарычев 1952: 196].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

208.
Пузырь-поплавок из шкуры нерпы № 4104–86.
Материал: кожа нерпы, моржовая кость, сухожилия.
Размеры: длина 109 см, ширина 43,5 см, высота 30 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

«В целях предосторожности возят алеуты с собой две целых, пригодных для надувания кожи тюленей или вместо них два пузыря морских львов, которые они, если их каяк (байдарка. — *С.К.) дает течь, надувают и помещают один спереди, а другой — сзади каяка, чтобы спастись у ближайшего берега. Но если в открытом море каяк попадает в сильный шторм, то он потерян, потому что хотя волны его не могут покрыть и вода проникнуть в него, но всегда можно опасаться, что они его опрокинут. Однако если несколько каяков, например пять или шесть, идут вместе, то есть еще надежда на спасение, а именно: они прикрепляют каяк к каяку поперек на расстоянии локтя друг от друга с помощью двух ремней, из которых каждый обвязывается вокруг каяка и на корме прикрепляется по надутой тюленьей коже, которая лежит на воде в виде пузыря. На крайнем каяке с той стороны, откуда дует ветер, не должно привязываться никакого пузыря, а на последнем каяке с противоположенной стороны вместо одного пузыря устанавливается по два; те, кто едут посредине, не гребут, а только крепко держат руками один каяк на расстоянии от другого; сидящие же на обоих крайних каяках гребут с осторожностью, чтобы таким образом пробиться через бушующие волны к ближайшей земле»* [Мерк 1978: 83].

209.
Модель однолючной байдарки № 2868–212.
Материал: дерево, краска, кожа, ткань, кишки, сухожилия.
Размеры: длина 43,5 см, ширина 4,5 см, высота 3,9 см, высота с фигуркой 10 см.
Собиратель: П.П. Дорошин. 1848–1853 гг., о. Унга.

«Неизвестно, кто первый изобрел (байдарку. — *С.К.), алеуты или их соседи, т.е. кадьякцы и другие североамериканцы. Но известно только то, что их первые байдарки так были несовершенны, что они с трудом могли переезжать на них с одного острова на другой и только в тихую погоду. Они были широки, коротки и оттого очень тяжелы на ходу. Но что усовершенствование байдарок принадлежит алеутам, это неоспоримо; стоит только видеть байдарки кадьякцев, аглегмютов и других северных жителей, и даже самих их одноплеменников — алеутов, живущих на ближайших островах к Камчатке; и с первого взгляда видно преимущество здешних байдарок* (алеутов о. Уналашка. — *С.К.) пред всеми»* [Вениаминов 1840, ч. II: 219–220].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

210.
Модель двухлючной байдарки № 337–9.
Материал: дерево, краска, кожа, кишки, сухожилия.
Размеры: длина 52 см, ширина 7,2 см, высота 4,2 см, высота с фигурками 10,5 см.
Собиратель: П.П. Дорошин. 1848–1853 гг., о. Унга.

«Островитяне на байдарках своих так скоро ездят, что никакая легкая шлюпка догнать их не может. Мы приметили, что когда судно наше шло по 4 мили в час, то и тогда они его догоняли.

Г(осподин) Мирс в своем путешествии пишет, будто алеуты на своих байдарках могут по произволу опрокидываться и опять вставать, но сие несправедливо. Ежели случайно и случится таковое несчастие, то без помощи других должен опрокинувшийся погибнуть, и потому в предосторожность ездят по большей части несколько алеут вместе. К удержанию же равновесия байдарок, ежели нет никакого грузу, кладут каменья. Когда понадобится остановиться для исправления какой-нибудь нужды, тогда соединяют вместе байдарки и держат их одна подле другой. Во время приставания к берегу, когда ходит большой бурун, находящиеся на берегу алеуты прибегают на помощь и подхватывают байдарку приезжего» [Сарычев 1952: 214–215].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

211.
Модель каркаса двухлючной байдарки № 337–12.
Материал: дерево, краска, сухожилия.
Размеры: длина 59 см, ширина 6 см, высота 4,7 см.
Собиратель: П.П. Дорошин. 1848–1853 гг., о. Унга.

«Год целый или более потребно времени для составления одной байдары (байдарки. — *С.К.)*, *чего ради и покупают их дорогою ценою. Великого также стоит труда набрать по берегам довольное число годных для построения байдары деревьев. Главный член ее есть киль длиною в 21 фут; оный всегда бывает составной из двух или трех штук; к нему укрепляют согнутые штевни и ребра из прутьев ивовых и ольховых, привязывая их волокнами из расколотых китовых усов. На верхние концы ребер накладывают раму с поперечными распорками, шириною на середине фута полтора, которая и связывает всю байдарку. Решетку обтягивают кругом кожею морских львов или больших тюленей, оставляя вверху круглое небольшое отверстие, в которое должен садиться человек. Все члены байдарки делаются так тонки и легки, что вся она, совсем готовая, не тяжелее пуда»* [Сарычев 1952: 213].

212.
Модель трехлючной байдарки № 337–10.
Материал: дерево, краска, кожа, кишки, моржовая кость, олений волос, перья, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 67 см, ширина 9,1 см, высота 5 см, высота с фигурками 10,6 см.
Весло: длина 23,8 см, ширина 1 см.
Собиратель: П.П. Дорошин. 1848–1853 гг., о. Унга.

«Главный член вообще всякой байдарки есть не киль, как говорит г. Сарычев, но шесты или верхняя рама, с несколькими поперечными распорками (бимсами), шириною в середине от $2^{1/2}$ до $4^{1/2}$ четвертей, а к концам сведена вместе; самая большая ширина хорошей байдарки не в середине, но ближе к носу. С нижней стороны рамы приделывается потом киль, который всегда бывает из трех штук, для того чтобы байдарка на ходу имела движение или, как говорят, изгибалась на волне; после того под киль, в шесты, ставятся ребра или лучки, в расстоянии друг от друга от 3 до 7 дюймов, и на них сверху накладываются несколько тонких шестиков вдоль байдарки и перевязываются волокнами из китовых усов. И когда все это сделано, тогда решетка (так называют байдарку без обшивки) готова» [Вениаминов 1840, ч. II: 222–223].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

213–214.
Модели весел № 4193–50, 51.
Материал: дерево, краска.
Размеры:
№ 4193–50: длина 32 см, ширина 1,5 см, толщина 0,9 см.
№ 4193–51: длина 32,5 см, ширина 1,6 см, толщина 0,8 см.
Собиратель: П.П. Дорошин. 1848–1853 гг., о. Унга.

«Туземцы применяют двухлопастные гребки; гребок они держат за середину обеими руками, быстро и через правильные промежутки опуская его в воду то по одну, то по другую сторону каноэ. Таким способом гребцы продвигаются очень быстро по прямым, как стрела, маршрутам. Есть у них и запасной однолопастной гребок, но я никогда не видел его в действии» [Кук 1971: 401].

Эти модели весел входят в комплект одной из моделей байдарок из собрания П.П. Дорошина.

215.
Модель однолючной байдарки № 571–85.
Материал: дерево, краска, кишки, кость, волос, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 38 см, ширина 4,7 см, высота 3 см, высота с фигуркой 10,7 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Св. Георгия.

О.Е. Коцебу писал об алеутских байдарках: *«Имеются маленькие байдарки — для одного человека и побольше — для двух-трех человек. Шпангоуты и киль байдары состоят из тонких еловых планок, соединенных друг с другом китовыми сухожилиями. Они покрыты тюленьими <...> шкурами, с которых снят волос. <...> Гребцы сидят на дне лодки, вытянув ноги, а верхняя часть их тела выступает из отверстий, которые делаются с таким расчетом, чтобы гребцам было удобно двигаться. Пространство между телом гребца и краями отверстия настолько хорошо защищено, что во внутренность байдары не проникает ни капли воды. Эти суденышки движутся крайне быстро. Алеуты выходят на них в море в любую погоду»* [Коцебу 1981: 191].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

216.
Модель двухлючной байдарки № 571–84.
Материал: дерево, краска, кишки, моржовая кость, ус сивуча, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 40,7 см, ширина 5,5 см, высота 3,2 см, высота с фигурками 10,7 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Св. Георгия.

«Малые же суда, подобные гренландским ботам, делаются из весьма тонких решетин и обыкновенно обшиваются кожею, которая покрывает судно как по бокам, так и сверху и плотно обтягивается около тела того, кто, сидя в нем, гребет. В некоторые из сих последних судов садятся и по два человека, и один гребет, а другой ловит рыбу. Однако сей род судов представлен, кажется, для преимущества одним только тоенам, и их правят двухлопастным веслом; весом никогда не бывают они (байдарки. — *С.К.) более 30 футов. На сих судах переплывают они с одного острова на другой и в тихую погоду проходят далеко в море, где ловят треску и камбалу костяными удами, для коих шнурки делают из жил или из морской травы»* [Шелихов 1971: 82].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

217.
Модель однолючной байдарки № 620–29.
Материал: дерево, краска, кишки, кость, китовый ус, сухожилия.
Размеры: длина 48,2 см, ширина 5,5 см, высота 3,7 см, высота с фигуркой 9,8 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Уналашка.

«Но надобно сказать, что байдарки нынешних алеутов уже не столь совершенны, как байдарки прежних алеутов наездников. В то время у отличных ездоков они столь были легки на ходу, что не отставали от птиц, столь узки и острокильны, что без седока не могли держаться на воде в прямом положении, и столь легки, что семилетний ребенок легко мог переносить их. Мне уже не случалось видеть таких байдарок-скороходок. В лучшую байдарку однолючную, чтобы сделать ее ходкою, во всех составах ее вставлялось до 60 косточек, как то: втулок, вертлюгов, замочков, пластинок и пр. И такой байдарки во время хода всякий почти член имел движение» [Вениаминов 1840, ч. II: 220–221].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

218.
Модель однолючной байдарки № 2868–206.
Материал: дерево, краска, кожа, кишки, моржовая кость, бисер, ус сивуча, сухожилия.
Размеры: длина 68,5 см, ширина 7,6 см, высота 5,3 см, высота с фигуркой 14,7 см.
Собиратель: М.Н. Васильев. 1820–1821 гг., о. Уналашка.

«Байдарки сами делают из выкидного лесу, перевязывают китовыми усами, обтягивают лавтаками (шкурами. — *С.К.) сивучиными или из нерп, обшивают китовыми жилами. Внутри набор красят красною краской: в горах достают, разводят на воде и крови рыбьей либо своей из носу. <…> Внутри байдарки постлана кожа нерпы, маты* (циновки. — *С.К.)*, *плетенные из корня, на коих сидят, иногда кладут каменья для грузу. Наверху байдарки кладут стрелки, чем бьют бобров, сивучей, китов, птиц, по обеим сторонам, позади и впереди себя. <…> Весло имеют о двух лопастях. Алеуты имеют большей частью однолючные байдарки, редко двухлючные и никогда не употребляют трехлючных. Для обучения детей делают байдарки поменьше, иногда подвязывают пузыри, чтобы не опрокинуться»* [Васильев 2005: 108].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

219.
Пузырь-поплавок № 4104–79.
Материал: желудок сивуча, дерево, кора, кость, сухожилия.
Размеры: длина 29 см, ширина 22 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

«К числу необходимых вещей при байдарке прежде принадлежал пузырь, т.е. вычищенный желудок нерпичий или сивучий, который был нужен при том случае, когда ездок каким-нибудь образом опрокинется. В этом случае вылезть из байдарки и поставить ее опять на киль, не зачерпнув воды, и даже если и налилась вода, то отлить ее — очень не трудно; но сесть в байдарку, не имея посторонней опорной точки, совершенно невозможно. Надутый пузырь в этом случае был всегда полезен; потому что с помощью его седок может держаться на воде и сесть в байдарку <…>, а при свежем ветре и неблагоприятных обстоятельствах пузырь клали в байдарку и там надували его сколько возможно более; и он поддерживал байдарку на поверхности воды, несмотря на то что она уже полна была воды. Ныне таковых пузырей я видал у весьма немногих; потому что ныне почти никогда не ездит одна байдарка, но всегда две или три; и в опасном случае одна другой может подать помощь» [Вениаминов 1840, ч. II: 225–226].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

220.
Модель однолючной байдарки № 2868–211.
Материал: дерево, краска, кожа, кишки, моржовая кость, бисер, ус сивуча, китовый ус, волос, хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: длина 62 см, ширина 6,7 см, высота 4,5 см, высота с фигуркой 15,8 см.
Собиратель: М.Н. Васильев. 1820–1821 гг., о. Уналашка.

«У здешних каноэ (байдарок. — *С.К.) корма обрублена, а нос заканчивается раздвоенным выступом. Верхний конец выступает над нижним даже на поверхности воды. Зачем туземцы строят лодки таким образом, представить трудно, так как эта "вилка" захватывает все, что попадается на пути. Чтобы этого избежать, они между обоими концами помещают небольшую палку, но я заметил, что она часто теряется. Во всем прочем эти лодки подобны лодкам гренландцев и эскимосов. Каркас делается из тонких планок и кроется тюленьими шкурами. В длину эти лодки имеют 12 футов, в ширину — 1 1/2 фута, а высота их в средней части равна 12 или 14 дюймам. При случае лодки могут нести двух человек — один вытягивается во весь рост* (внутри лодки. — *С.К.)*, а *другой сидит, высовываясь из круглой дыры, которая проделывается в средней части каноэ»* [Кук 1971: 400–401].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

221.
Модель однолючной байдарки № 2868–210.
Материал: дерево, краска, кишки, кость, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 30,5 см, ширина 4,4 см, высота 2,3 см, высота с фигуркой 8,6 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1844 г., Алеутские острова.

«Народ сей (алеуты. — *С.К.) в обычаях непостоянный; жительство имеют, переезжая в маленьких, сделанных из нерпичьих кож байдарках с острова на остров, за проливы верст по пятьдесят, в которые байдарки садится по одному человеку и зашиваются пузырями китовыми и других морских зверей, а внутрь кладут своих жен, и так смело в морское волнение по морю ездят, что за наилучшую себе похвалу приемлют; с берега в море пускаются в самый превеликий шторм, почему и малолетних своих детей в таковых же байдарках по одному обучают ездить, от двенадцати возраста их лет»* [Шафрановская 1968: 64].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

222.
Модель однолючной байдарки № 2868–215.
Материал: дерево, кожа, сухожилия.
Размеры: длина 102 см, ширина 14 см, высота 6,8 см.
Собиратель: неизвестен. XVIII в., о. Уналашка.

У быстроходных байдарок алеутов о. Уналашка нос не загибается вверх, а продолжает прямую линию каркаса палубы, но раздваивается, из них верхняя часть была длиннее нижней. Кроме быстроходных байдарок типа № 2868–215, 211, у алеутов о. Уналашки были байдарки еще четырех типов, отличавшихся друг от друга по форме носа. По работе Дж. Дайсона это типы байдарок номер 3, 4, 5 и 9 [Dyson 1999: 204].

«Когда алеуты в такого рода каяках (байдарках. — *С.К.) берут с собой жену, то она лежит позади гребца и не имеет права повернуться до того времени, пока не пристанут к берегу. Делается это из-за тесноты в каяке* (байдарке. — *С.К.) и ради сохранения равновесия»* [Мерк 1978: 61].

223.
Модель однолючной байдарки № 2868–208.
Материал: дерево, краска, кожа, кишки, кость, ус сивуча, волос, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 71 см, ширина 8,2 см, высота 5,2 см, высота с фигуркой 15,2 см.
Весло: длина 19 см, ширина 1,5 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Об алеутах о. Уналашки Ф.П. Литке писал: *«Лисьевские алеуты добры, сметливы и ловки; море — их настоящая стихия. Увидев алеута с кривыми ногами, согбенного вперед, переваливающегося, как утка, с боку на бок и потом с необыкновенной ловкостью и проворством управляющего на большом волнении однолючной байдаркой, похожей больше на лыжу, нежели на лодку, трудно поверить, что это был один и тот же человек. Принимая обычаи наши, они много теряют прежнего своего удальства в байдарках. Опрокинуться в воду на одну сторону и вынырнуть с другой, сидя в байдарке, подгрести в сильный бурун к утесу, выскочить на него и оттолкнуть байдарку ногой — были подвиги, которые прежде делались из одной славы, но на которые теперь никто не способен»* [Литке 1948: 85].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

224.
Модель однолючной байдарки № 2868–213.
Материал: дерево, краска, кишки, кость, китовый ус, волос, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 41 см, ширина 5,4 см, высота 3,5 см, высота с фигуркой 8,5 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

«В нынешнее время байдарки суть трех родов: т.е. однолючные (иках), двухлючные и трехлючные (улюхтак). Все, что сказано выше о байдарках, надобно разуметь об однолючных, потому что трехлючные байдарки начали делаться только с прибытием русских, и есть уже их приспособление; двухлючные хотя и были у алеутов всегда, но только или для перевозу легкого груза, или для выезда в море старика с малолетним; но не было примера даже до сих пор, чтобы двое молодых и здоровых гребцов по своей воле поехали за промыслом бобров в двухлючной байдарке» [Вениаминов 1840, ч. II: 222].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

225.
Модель каркаса однолючной байдарки № 4087–1.
Материал: дерево, краска, китовый ус.
Размеры: длина 33,5 см, ширина 4,6 см, высота 3,6 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

«Эти люди рождены для морской жизни и страстно предаются охоте за морскими животными. Можно сказать, что алеут начинает жить, когда сидит в кожаной одноместной лодочке, обыкновенно собственного изделия, и раскачивается на волнах. Тогда он обнаруживает изумительную ловкость в управлении легким своим судном» [Киттлиц 1862: 187].

К этой модели каркаса однолючной байдарки относится комплект моделей орудий морской охоты (№ 4087–2, 3, 4, 5, 7, 9).

226–231.
Модель двухлопастного весла № 4087-2,
модели гарпунов № 4087–3, 5, 7,
модель копья для охоты на птиц № 4087–4,
модель метательной дощечки № 4087–9.
Материал: дерево, краска, камень, кость, сухожилия.
Размеры:
№ 4087–2: длина 17 см, ширина 1 см, толщина 0,5 см.
№ 4087–3: длина 21 см, диаметр 0,6 см. Футляр: длина 3,3 см, ширина 1 см.
№ 4087–5: длина 11,5 см, диаметр 0,6 см.
№ 4087–7: длина 18,5 см, диаметр 0,6 см.
№ 4087–4: длина 20 см, диаметр 0,7 см, длина наконечника 1,7 см.
№ 4087–9: длина 6,6 см, ширина 1 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

232.
Модель однолючной байдарки № 4291–22.
Материал: дерево, краска, кожа, кишки, волос, сухожилия.
Размеры: длина 69 см, ширина 7,4 см, высота 5,2 см, высота с фигуркой 15 см.
Собиратель: участник кругосветного плавания. XIX в., Алеутские острова.

«Построение байдарок весьма искусно. Остов составлен из круглых палок, толщиною в диаметре от 4 до 5 линий, из дерева чага (Taxodium sempervirens). Эти палки соединены между собой и с килем, более толстым и составленным для гибкости из нескольких кусков, связью из китового уса. Это дерево собирается по берегам, куда его прибивает течением из Калифорнии <…>. Смотря по длине от 10 до 14 фут и по назначению ее для двух или трех человек, оставляется в байдарке столько же люков или отверстий и все обтягивается лафтаком (тюленьими или сивучьими шкурами, сшитыми жилами). Путешественник сидит в среднем люке. Весла употребляются двойные, т.е. снабженные с обоих концов лопастями» [Блашке 1848: 118].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

233.
Модель двухлючной байдарки № 4104–32.
Материал: дерево, краска, кость, кишки, сухожилия.
Размеры: длина 31,7 см, ширина 4,2 см, высота 3,2 см, высота с фигурками 9,6 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Об использовании двухлючных байдарок Г.И. Шелихов писал: «*Каждое селение имеет особливого начальника, которого они называют “туку”. <…> Он решает споры с общего согласия соседей; и ежели выезжает на судне в море, то имеет при себе служителя, который называется “хате” и гребет вместо него. В сем заключается все его приметное преимущество; в прочем же работает он так, как и другие*» [Шелихов 1971: 84].

«*Их тойоны имеют мальчиков, которые содержат в исправности их лодки, обслуживают их* (вождей. — *С.К.*) *и сопровождают при поездках*» [Мерк 1978: 68].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

234.
Модель однолючной байдарки № 4104–33.
Материал: дерево, краска, кожа, кишки, кость, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 50,5 см, ширина 5,6 см, высота 4 см, высота с фигуркой 10,3 см.
Фигурка калана: длина 2,6 см, ширина 0,7 см. Модель поплавка: длина 2,8 см, ширина 1,9 см, толщина 1,5 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

«Взгляните на алеута в байдарке с веслом в руках, он ловок и силен. <…> Как обитатели бесплодных островов, алеуты все средства своего существования получают от моря, поэтому уже с малолетства приучаются к езде на байдарках. Эта езда требует деятельности верхней части тела, и потому мускулы рук и плеч развиваются у них сильно. При привычном упражнении этих частей алеуты делаются способными переносить напряжение, недоступное сильному европейцу. Например, при больших переездах они удобно переносят 12, 15 и 18 часов постоянной, усиленной гребли по волнам океана, не употребляя при этом никакой пищи, а только удаляя жажду водою» [Говорливый 1862: 70].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

235.
Модель однолючной байдарки № 4104–34.
Материал: дерево, краска, кость, пищевод сивуча, кишки, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 43 см, ширина 4,2 см, высота 4 см, высота с фигуркой 12,8 см.
Весло: длина 20 см, ширина 1,1 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

«Компанейский приказчик рассказывал мне, что ему однажды случилось выехать в море на промысел в довольно свежий ветер на восьми байдарках. Одна из байдарок, довольно старенькая, лопнула и начала тонуть. Это нисколько не смутило остальных. (Алеуты) мигом две байдарки связали вместе, вытащили и посадили к себе двух тонувших верхом, байдарку их вытащили и положили поперек к ним на колени. Те принялись тотчас же ее латать и чинить, а затем тотчас же пустились дальше, нисколько не отставая от прочих» [Римский-Корсаков 1980: 207].

«Также считается необходимым при байдарке иметь помпу или морскую губку для отливки воды; помпа делается из дерева и есть не что иное, как цилиндрическая трубка длиною около полуаршинна, а толщиною посредине немного толще руки, к обоим же концам толщина ее постепенно уменьшается до того, что самый конец можно взять в рот» [Вениаминов 1840, ч. II: 225].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

236.
Модель однолючной байдарки № 4104–35.
Материал: дерево, краска, кость, кишки, сухожилия.
Размеры: длина 31,5 см, ширина 4,8 см, высота 2,5 см, высота с фигуркой 8,5 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

«Байдарки алеутов с Лисьевских островов всех легче на ходу, но зато и всех опаснее. Малейшее боковое движение, если гребцы к нему не приготовлены, опрокидывает их; повисает голова вниз и тогда нелегко выкарабкаться из узкого люка, в который без привычки и влезать трудно. На люк натягивается еще обтяжка, также сшитая из кишок, которую седок подвязывает под своими подмышками так, что если волна окатывает его, то кроме лица и рук, все остальное тело остается совершенно сухим. Вышедшее ныне из употребления раскрашивание алеутами лица служило, без сомнения, также предохранительным средством от морской воды, которая имеет весьма неприятное влияние на кожу» [Блашке 1848: 118–119].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

237.
Модель однолючной байдарки № 4104–36.
Материал: дерево, краска, кость, кишки, ус сивуча, сухожилия.
Размеры: длина 30 см, ширина 4,6 см, высота 3,4 см, высота с фигуркой 10,5 см.
Весло: длина 17 см, ширина 0,7 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

«Ловкость и терпение этих земноводных людей (алеутов. — *С.К.) превосходит все, что самое живое воображение может себе представить. Их надобно видеть в маленьких однолючных байдарках, во время бури и при большом волнении.*

Мне давали в проводники от селения до селения алеута в однолючной байдарке, который, зная подробнее местность, служил вместе и лоцманом. По целым часам смотрел я с удивлением, как он, то скрываясь за волной, то выплывая из нее, с изумительной ловкостью избегал вершины волн, которые легко могли опрокинуть его байдарку. Самое трудное, впрочем, заключается в том, чтобы приставать к открытому берегу и отваливать от него, потому что бурун у здешних берегов весьма значителен, даже при спокойном состоянии моря. Чтобы пристать, необходимо выждать самую большую волну: на ней-то и должно быть вынесенным на берег и в одно мгновение, прежде чем подоспеет второй вал, выскочить и вытащить байдарку на берег. Еще труднее отправление. Едва можно понять, как алеуты, с отходящей волной успевают в один миг сесть, зашнуроваться и действовать веслом, потому что от малейшего промедления байдарка или наполнится водою, или опрокинется» [Блашке 1848: 119].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

238.
Модель однолючной байдарки № 4104–37.
Материал: дерево, краска, кость, кишки, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 32 см, ширина 4,8 см, высота 3,3 см, высота с фигуркой 9,3 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

«Во время продолжительных и беспрерывных плаваний байдарка делает в час семь верст; на небольшом же расстоянии, когда гребцам не нужно сберегать силы, — до десяти и более.

Сила алеутов удивительна; они гребут безостановочно от 10 до 12 часов, прерывая работу разве на несколько минут, чтобы напиться воды. Раза два мне случалось плыть 16 часов сряду. Едва доставало у меня терпения оставаться все в одном и том же вытянутом, неловком положении, причем должно избегать всякого движения. Мои алеуты по-прежнему были при этом веселы, бодры и свежи <…>.

На одном из таких переездов лопнул лафтак (обшивка из шкур. — *С.К.) у самого киля байдарки моего слуги. <…> Его байдарку тотчас опрокинули, вытянули воду деревянным насосом (который составляет непременную принадлежность байдарки, как помпа на судне) и заткнули двухдюймовую дыру куском сырой рыбы, которую алеуты всегда имеют при себе для подобных случаев»* [Блашке 1848: 121].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

239–243.
Модели копий для охоты на птиц № 4104–41, 47, модели гарпунов № 4104–42, 43, 44.
Материал: дерево, краска, кость, сухожилия.
Размеры:
№ 4104–41: длина 12 см, ширина 1,7 см.
№ 4104–47: длина 14,5 см, диаметр 0,5 см.
№ 4104–42: длина 14,5 см, диаметр 0,5, длина наконечника 1,7 см.
№ 4104–43: длина 15,7 см, диаметр 0,5, длина наконечника 1,7 см.
№ 4104–44: длина 8,3 см, диаметр 0,5 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Этот комплект моделей орудий охоты относится к одной из моделей байдарок коллекции № 4104.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

244–252.
Модель весла № 7497–20, модели гарпунов № 7497–21, 22, 23, 25, 24, 26, 27, модель метательной дощечки № 7497–28.
Материал: дерево, краска, кость, кишки, сухожилия.
Размеры:
№ 7497–20: длина 21,7 см, ширина 0,9 см.
№ 7497–21: длина 15,5 см, ширина 1,8 см.
№ 7497–22: длина 14 см, диаметр 0,3 см.
№ 7497–23: длина 14,8 см, диаметр 0,3 см.
№ 7497–25: длина 14,3 см, диаметр 0,3 см.
№ 7497–24: длина 12,7 см, диаметр 0,3 см.
№ 7497–26: длина 13 см, диаметр 0,3 см.
№ 7497–27: длина 8,1 см, диаметр 0,2 см.
№ 7497–28: длина 3,8 см, ширина 0,7 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

253–256.
Модель метательной дощечки № 7497–6 и модели гарпунов № 7497–7, 8, 9.
Материал: дерево, краска, кость, сухожилия.
Размеры:
№ 7497–6: длина 10,4 см, ширина 1,5 см.
№ 7497–7: длина 38 см, диаметр 0,7 см.
№ 7497–8: длина 33 см, диаметр 0,7 см.
№ 7497–9: длина 31,3 см, диаметр 0,7 см, длина острия 4 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

257–259.
Модели гарпунов № 7497–15, 16, 17.
Материал: дерево, краска, кость, сухожилия.
Размеры:
№ 7497–15: длина 15,3 см, диаметр 0,5 см.
№ 7497–16: длина 16,8 см, диаметр 0,6 см.
№ 7497–17: длина 19 см, диаметр 0,5 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

260–264.
Модели дубинок № 7497–11, 10, 12 и модели весел № 7497–13, 14.
Материал: дерево, краска.
Размеры:
№ 7497–11: длина 11,2 см, ширина 0,7 см.
№ 7497–10: длина 10,3 см, ширина 1 см.
№ 7497–12: длина 9 см, ширина 0,3 см.
№ 7497–13: длина 21,3 см, ширина 1 см.
№ 7497–14: длина 16,8 см, ширина 0,7 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

«К числу промысловых орудий принадлежит небольшая палка, называемая дрегалка, для того чтобы добить зверя, когда он уже будет пойман» [Вениаминов 1840, ч. II: 248].

«Весло для байдарки делают длинное, имеющее на обоих концах по лопасти; во время гребли держат за середину онаго и гребут на обе стороны то тою, то другою лопастью» [Сарычев 1952: 213].

265.
Модель копья для охоты на китов с футляром для острия № 2888–124а, б.
Материал: дерево, краска, кость, камень, сухожилия.
Размеры: длина 15,5 см, ширина 0,5 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

266–269.
Модели весел № 2888–107, 109, 112, 113.
Материал: дерево, краска.
Размеры:
№ 2888–107: длина 11,3 см, ширина 1 см, толщина 0,4 см.
№ 2888–109: длина 20,3 см, ширина 1 см, толщина 0,5 см.
№ 2888–112: длина 32,5 см, ширина 1,6 см, толщина 0,8 см.
№ 2888–113: длина 22,5 см, ширина 1,1 см, толщина 0,6 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

«Они могут ехать на гребле в тихую погоду по десяти морских миль в один час; гребут же одним только веслом, расширенным на обоих концах наподобие лопатки, которою они бьют воду по ту и другую сторону байдары попеременно с таким проворством, что байдара летит вперед прямо, как стрела, и с таким искусством, что они вдруг останавливают или поворачивают на которую хотят сторону» [Биллингс 1978: 48].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

270.
Модель однолючной байдарки № 4104–38.
Материал: дерево, краска, пищевод сивуча, кишки, кость, китовый ус,
стебли колосняка, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 55 см, ширина 7,3 см, высота 4,8 см, высота с фигуркой 12,5 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Андреяновские острова.

По своим конструктивным особенностям эта модель байдарки сходна с моделью № 620–30, в отношении которой известно, что она является изделием жителей о. Атка. Соответственно эта модель байдарки также может быть изделием алеутов Андреяновских островов. На фигурке охотника имеется короткий козырек с зауженной нижней частью. Такая форма деревянных головных уборов была у алеутов Андреяновских островов. По тщательности резьбы и раскраске эта фигурка охотника напоминает фигурку из модели байдарки алеутов о. Атка № 2868–207.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

271.
Модель однолючной байдарки № 620–30.
Материал: дерево, пищевод сивуча, олений волос, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 47,5 см, ширина 6 см, высота 4,8 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1844 г., о. Атка.

В МАЭ эту модель байдарки относили к изделиям алеутов о. Атка, так как на ее корпусе была карандашная надпись: «Атхинских Алеут». Возможно, что эта надпись была сделана ее собирателем — И.Г. Вознесенским. Интересно отметить, что носовая часть такой формы, как и на этой модели, изображена на костяных моделях байдарок алеутов о. Атка из собрания Национального музея Финляндии [Varjola et al. 1990: 200; Black 2003: 110].

272.
Модель однолючной байдарки № 2868–207.
Материал: дерево, краска, кишки, китовый ус, сухожилия.
Размеры: длина 30 см, ширина 6,4 см, высота 4,4 см, высота с фигуркой 11,3 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1844 г., о. Атка.

Фигурки охотников на некоторых моделях байдарок вырезаны и раскрашены настолько тщательно, что, вероятно, изображают конкретных людей. Своей «реалистичностью» миниатюрная алеутская скульптура резко отличается от аналогичных изделий эскимосов о. Кадьяк [Эскимосы 2010: 144–181].

Деревянные фигурки в моделях байдарок алеутов западной части архипелага вырезаны более тщательно и реалистично, чем у населения восточной части Алеутских островов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

273.
Модель однолючной байдарки № 1975–1.
Материал: дерево, краска, кожа, железо, бисер, хлопчатобумажные и шерстяные нити, волос, сухожилия.
Размеры: длина 69,4 см, ширина 9,2 см, высота 7,3 см, высота с фигуркой 16,5 см.
Весло: длина 23 см, ширина 1,2 см.
Собиратель: А.Ю. Левитский. 1912 г., о. Медный, Командорские острова.

По форме носовой части эта модель байдарки похожа на изделие алеутов о. Атка (смотри № 620–30). В то же время модели весла, метательной дощечки и копья для охоты на птиц, относящиеся к этой модели байдарки, окрашены в темно-синий цвет, что характерно для изделий алеутов о. Атту.

Алеуты одухотворяли байдарки, есть несколько легенд, в которых байдарка выступает как магический помощник охотника. Основной мотив этих легенд состоит в том, что от духа байдарки зависело спасение охотника во время шторма. Если охотник соблюдал установленные ритуалы и обращался с байдаркой как с живым существом, то он получал помощь, если нет — погибал [Unangam... 1990: 225–227].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

274.
Модель однолючной байдарки № 2442–1.
Материал: дерево, краска, кожа, кишки, железо, хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: длина 35,5 см, ширина 5,5 см, высота 3,3 см, высота с фигуркой 9,8 см.
Собиратель: неизвестен, передал М. Венедиктов. 1915 г., Командорские острова.

«В старину славились алеутские байдарки — небольшие челноки, обтянутые шкурами сивучей или нерп. Эта обшивка надевалась на остов байдарки, сооруженный из шестов и палочек, связанных волокнами китового уса. Сверху оставлялся люк, в который может сесть промышленник. Вокруг люка прикреплялась обтяжка из сивучьих кишок или горл. Эту обтяжку пловец затягивал при помощи шнурков вокруг своего пояса, чтобы в байдарку не попадала вода. <…>

Одетый в камлейку и деревянную шапку, вооружившись двухлопастным веслом, алеут садился в свою байдарку и, стянув обтяжку, не боялся ни ветра, ни волн, как бы они сильны и свирепы ни были. Алеут на байдарке, как игла, проскакивал сквозь волны. Теперь (в 1925 г. на Командорских островах. — *С.К.) байдарки с разложенными на носовой части их окрашенными в красный цвет бобровыми стрелами отошли уже в область преданий»* [Редько 1927: 91].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

275.
Модель двухлючной байдарки № 2442–2.
Материал: дерево, краска, бисер, кишки, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 49,7 см, ширина 6,5 см, высота 3,4 см, высота с фигурками 10,3 см.
Собиратель: неизвестен, передал М. Венедиктов. 1915 г., Командорские острова.

В МАЭ нет ни одной модели байдарки, которая была бы точно документирована как изделие алеутов о. Атту. Возможно, алеуты о. Атту изготовляли байдарки, у которых были сшиты друг с другом обтяжки раздвоенных частей их носа. Этот тип байдарок, судя по их моделям (№ 2442–1, 2, 3; 2867–37; 313–48/1, 48/2, 49, 50), сохранился на Командорских островах.

О байдарках алеутов о. Атту, переселенных на о. Беринга, Ф.П. Литке писал: *«Байдарки их отличаются от лисьевских* (от байдарок алеутов Лисьих островов. — *С.К.)*, *будучи с носу гораздо полнее, но, невзирая на то, менее надежны»* [Литке 1948: 94].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

276.
Модель трехлючной байдарки № 2442–3.
Материал: дерево, краска, кишки, железо, бисер,
шерстяные и хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: длина 62 см, ширина 6,8 см, высота 3,8 см, высота с фигурками 10 см.
Собиратель: неизвестен, передал М. Венедиктов. 1915 г., Командорские острова.

Согласно одной из легенд алеутов Командорских островов байдарка олицетворяла собой треску — *атхилях*. Если во время плавания в море охотник обращался к духу байдарки (который имел человеческий облик) за помощью, то байдарка могла ожить и направить своего хозяина к добыче [Легенды... 1985: 325].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

277.
Модель двухлючной байдарки № 2867–37.
Материал: дерево, краска, пищевод сивуча, кишки, кость, железо,
хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: длина 37,5 см, ширина 5,2 см, высота 3,5 см, высота с фигурками 9,8 см.
Собиратель: А.А. Бунге. 1887–1890 гг., Командорские острова.

Е.П. Орлова, проводившая полевые исследования на Командорских островах в 1961 г., отметила, что алеуты *«..хорошо помнят и бесподобную по мореходным качествам байдарку "экъях" с одним люком, на которой охотник обычно в одиночку и выходил на охоту в море; байдарки с двумя люками конструировали для обучения морской охоте мальчиков лет 12. Каркасы "решетки" делали из легкого "выкидного" дерева, прибитого морем от берегов Америки. Для обтяжки однолючной байдарки требовалось две шкуры крупных сивучей. Люки на байдарках снабжались специальным поясом-обтяжкой "того", шириной 40–50 см, сшитой из кожи сивуча и закрепленной на ободе люка полоской китового уса»* [АМАЭ. Ф. 23. Оп. 1. № 20. Л. 28].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

278.
Модель однолючной байдарки № 313–48/1.
Материал: дерево, краска, кишки, кость, железо, медь, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 41,5 см, ширина 5,8 см, высота 3,5 см, высота с фигуркой 10 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

Шляпа-козырек на фигурке охотника этой модели байдарки символизирует голову нерпы. Такой головной убор использовался во время охоты на нерпу, когда охотник прятался за камнем на мелководье. Он имитировал движения и голос нерпы для того, чтобы подманить животное на расстояние полета гарпуна.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

279.
Модель однолючной байдарки № 313–48/2.
Материал: дерево, краска, кишки, железо, ус сивуча, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 51 см, ширина 6,5 см, высота 4,4 см, высота с фигуркой 12 см.
Весло: длина 18 см, ширина 0,9 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

В этой модели байдарки на фигурке охотника имеется короткий козырек с зауженной нижней частью. Вероятно, такая форма козырьков была характерна для изделий алеутов о. Атту.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

280.
Модель двухлючной байдарки № 313–49.
Материал: дерево, краска, кишки, кость, бисер, ус сивуча, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 58,8 см, ширина 7,8 см, высота 4,7 см, высота с фигурками 13,5 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

«Нельзя сказать, чтобы байдарка могла выдержать бурю, но двухлючная (с двумя отверстиями) с двумя гребцами байдарка может выехать в порядочное волнение. <…> Но обыкновенно байдарки выходят в море по две вместе, и если погода разыграется, то обе байдарки связываются рядом. В таком положении они выдерживают какую угодно бурю» [Римский-Корсаков 1980: 207].

На передней фигурке охотника надета шляпа-козырек, форма которой характерна для изделий алеутов Командорских островов. Она символизирует голову водоплавающей птицы (см. № 7497–29). На второй фигурке охотника имеется шляпа-козырек классического алеутского типа.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

281.
Модель шляпы № 7497–29.
Материал: дерево, краска.
Размеры: длина 4,4 см, ширина 2,2 см, высота 1,6 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Командорские острова.

Эта модель шляпы, как и другие шляпы подобной формы на фигурках охотников из моделей байдарок алеутов Командорских островов, символизирует голову водоплавающей птицы. Козырек изображает красный клюв, тулья — макушку головы птицы. Вероятно, эта модель шляпы символизирует голову утки.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

282.
Модель трехлючной байдарки № 313–50.
Материал: дерево, краска, кожа, кишки, кость, хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: длина 70 см, ширина 8,5 см, высота 5 см, высота с фигурками 12,5 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

В рукописи В.П. Хабарова приведены следующие названия байдарок алеутов Командорских островов: однолючная байдарка — *икях*, двухлючная — *улухтах*, трехлючная — *игилах* [АМАЭ. Ф. К–V. Оп. 1. № 106. Л. 13.].

На фигурке первого охотника надета охотничья шляпа-козырек формы, характерной для алеутов Командорских островов, на двух других фигурках — европейские фуражки. Таким образом, в коллекции № 313 представлена серия шляп-козырьков закрытого типа, характерных только для Командорских островов. Это шляпа-козырек в виде головы нерпы № 313–48/1, шляпы-козырьки, символизирующие головы водоплавающих птиц, на фигурках охотников из моделей байдарок № 313–49, 50 и отдельная модель шляпы № 7497–29.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

283.
Модель байдары № 313–47.
Материал: дерево, краска, кожа, кишки, ткань, хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: длина 43 см, ширина 17,2 см, высота носа 10,5 см, высота кормы 8 см.
Весла: длина: 18–19,3 см, ширина 0,9 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

В комплект к байдаре № 313–47 входят весло, дубинка для забоя морских животных, мачта, мачта со свернутым парусом, втулка для рейки паруса, рейка с парусом. Об использовании лодок такого типа И.Е. Вениаминов писал: *«У прежних алеутов были и байдарки* (байдары. — *С.К.) для перевоза больших грузов; но постройка их была совершенно другая, чем нынешние колониальные байдары: корма и нос у них были одинаково круты и невысоки, дно очень узкое, а ребра иногда были гнуты так, как и у байдарок, и в таком случае особенных распорок не было; беседок или лавок в них не было, и гребцы сидели по бортам; весла у них были короткие, однолопастные и небольшие. Байдары их, говорят, были очень вертки или валки, но зато на ходу гораздо легче нынешних; мне не случалось уже видеть их прежней байдары»* [Вениаминов 1840, ч. II: 228].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

284.
Модель легкого гарпуна для охоты на калана № 313–60.
Материал: дерево, краска, кость, сухожилия.
Размеры: длина 48,2 см, длина головки древка 10 см, диаметр 1,5 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

«Бой бобров “стрелкой” (иглах), бывший во все-общем употреблении еще в 1870-х годах, прекратился (на Командорских островах. — *С.К.) сам собою приблизительно в 1895 или 96 г., по мере того как исчезала алеутская байдарка, вытесняемая американским вельботом»* [Суворов 1912: 230].

285.
Модель метательной дощечки № 313–61.
Материал: дерево, краска, кость.
Размеры: длина 12,8 см, ширина 2 см, толщина 0,7 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

Особенность орудий охоты и весел в моделях байдарок алеутов Командорских островов состоит в том, что в их окраске наряду с красным широко используется черный или темно-синий цвет. Можно предположить, что окраска в черный цвет древков гарпунов и метательных дощечек — это характерный признак изделий алеутов о. Атту. В отношении орудий охоты алеутов других островов известно, что они либо окрашены в красный цвет, либо не окрашены, либо в их окраске использовано сочетание красного и черного цветов.

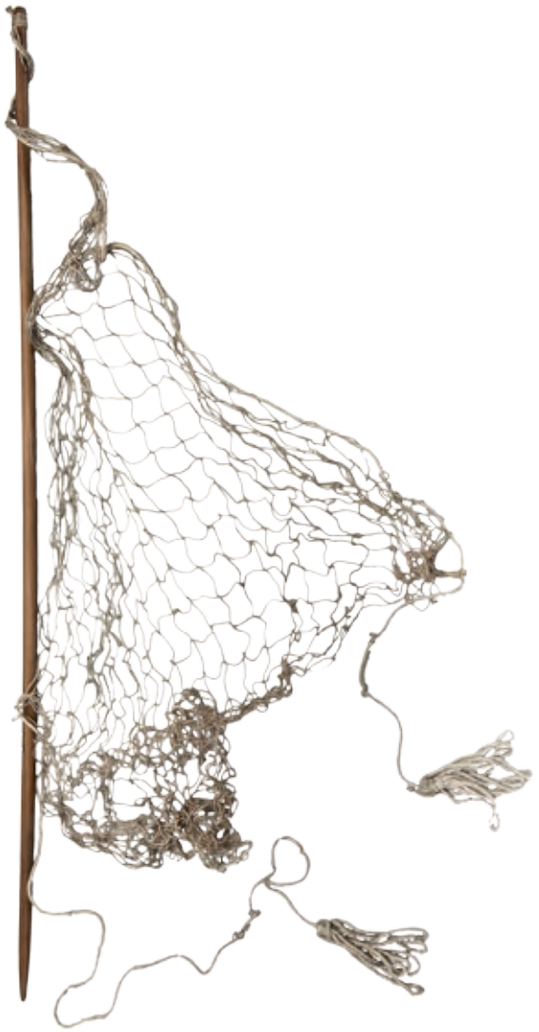
Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

286.
Модель сачка для ловли птиц № 313–62.
Материал: дерево, сухожилия.
Размеры: диаметр 13,5 см, длина 17 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

«Кто может сравниться с алеутом, усевшимся, например, на каком-нибудь выступе скалы над обрывом на высоте нескольких сот метров над морем, когда он размахивает “чиручем” — особым сачком для ловли пролетающих птиц — и ловит последних, как ловят на лету бабочек?» [Редько 1927: 82].

«На о. Медном значительное количество морской птицы добывается, как выше сказано, при помощи “чируча”. Этот же сачок употребляется при ловле молодых глупышей (топорков. — *С.К.) с лодки, когда они осенью вылетают из гнезд и, еще плохо умея летать, садятся на воду. В одно утро алеут этим сачком может наловить 30–40 птиц»* [Там же: 105].

Сачки для промысла птиц алеуты использовали повсеместно. На о. Уналашке такой сачок назывался «сак», множественное число — «саки» [Хлебников 1979: 206].



287.
Модель сетки для ловли птиц № 313–59.
Материал: дерево, хлопчатобумажные нити.
Размеры: длина рейки 44 см. Сетка: длина 30 см, ширина 30 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

Сеть накидывалась сверху на сидящих на скалах морских птиц и затягивалась в кошель с помощью шнура.

«Иногда делают особые сетки в 1 1/2 сажени длины и ширины, которые бросают сверху в утесах на то место, где видят птицы больше. Сетка при падении растягивается, и птицы, увидев оную, поднимаются с места и, попадая в сетку, запутываются и поднимаются вместе с оной кверху» [Хлебников 1979: 206].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

288.
Модель ловушки на песца — кулема № 313–52.
Материал: дерево, краска, свинец, хлопчатобумажные нити.
Размеры: длина 26,8 см, ширина 9,5 см, высота 11,2 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

«Кулемой» называлась ловушка-западня давящего типа. Она имела треугольную форму, сверху ловушки устанавливали тяжелое бревно, поддерживаемое палками, между которыми клали мясо в виде приманки. Песец хватал мясо, сбивал палки, бревно обрушивалось и придавливало животное.

«Весьма добычливым способом считался в свое время лов кулемками — западней, где животное убивалось падающей тяжестью (бревном), как только начинало тянуть приманку. Но алеуты не слишком внимательно следят за своими ловушками; в дурную погоду они по несколько дней не осматривают их. Таким образом, убитый на месте песец нередко разрывался птицами и своими же сородичами» [Суворов 1912: 219].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

289.
Часть модели ловушки на песца — оцеп № 313–55.
Материал: дерево.
Размеры: длина 31 см, ширина 18 см, высота 9 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

Ловушка «оцеп» состояла из петли, привязанной к жерди, верхний конец которой загибали и вставляли в расщеп дерева. Песец, попав в петлю, выбивал жердь из расщепа, она разгибалась, и петля затягивалась на шее животного.

290.
Часть модели ловушки на песца № 313–56.
Материал: дерево, краска.
Размеры: длина 17,5 см, ширина 12 см, высота 9 см, толщина 1,2 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

«Кормушка-ловушка состоит из небольшого домика и примыкающего к нему обтянутого сеткой дворика. В дворике раскладывается подкорм (преимущественно куски юколы). Поднимающиеся на шарнире ворота дворика остаются вначале всегда открытыми. В определенный час сторож кормушки-ловушки кладет в нее свежий подкормочный материал. Идя в кормушку, он громко свистит, созывая песцов. Животные настолько привыкают к такому порядку, что не только сбегаются на свист и следуют по пятам за сторожем к кормушке, но иногда и сами задолго до наступления часа кормления занимают места вокруг кормушки, поджидая прихода сторожа» [Барабаш-Никифоров 1934а: 34].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

291.
Модель ловушки давящего типа — кляпцы № 313–57.
Материал: дерево, железо, сухожилия.
Размеры: длина 22,2 см, ширина 10 см, высота 4 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

292.
Праща № 1026–1.
Материал: камень, шерстяные и хлопчатобумажные нити, ткань.
Размеры: общая длина 103 см. Сумка: длина 11,5 см, ширина 7 см, глубина 5,5 см. Камни: длина 7,7 см, диаметр 2,3 см.
Собиратель: О.Ф. Герц. 1900 г., Командорские острова.

Праща — оружие для метания камней. Состоит из двух «рукоятей», сплетенных в виде мелкой сетки, с «сумкой» в центре, в которую клали камень для броска. Все шесть камней, относящиехся к этой праще, находятся внутри одной из сетчатых «рукоятей».

О наличии у алеутов пращи упомянуто в рапорте П. Лисенкова за 1766 г.: *«У тех народов к воинскому действу имеют оружие: стрелы, которые мечут руками из досок <…>, да притом же стреляют из луков стрелы <…>, каменья бросают из ремней»* [Лисенков 1979: 346].

293.
Лук № 2868–229.
Материал: дерево, краска.
Размеры: длина 132 см, ширина 4,8 см, толщина 2,8 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1840 г., Лисьи острова.

«Жители Аляксы и Унги имеют обыкновенные луки и стрелы, которые вообще очень не длинны и весьма походят на употребляемые аглегмютами (эскимосами юпик района Бристольского залива. — *С.К.) и другими северными народами. Но употребляют их они только для промысла земляных зверей, а морских — никогда»* [Вениаминов 1840, ч. II: 248].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

294–298.
Стрелы № 620–4/1, 4/2, 4/3, 4/4, 4/5.
Материал: дерево, краска, олений рог, камень, перья, сухожилия.
Размеры:
№ 620–4/1: длина 60,5 см, диаметр 1,7 см. Наконечник: длина 17,5 см, ширина 1,1 см. Острие: длина 2 см, ширина 1,6 см.
№ 620–4/2: длина 64,5 см, диаметр 1,1 см. Наконечник: длина 21 см, ширина 1 см. Острие: длина 1,8 см, ширина 1,1 см.
№ 620–4/3: длина 65 см, диаметр 1,2 см. Наконечник: длина 22 см, ширина 1,1 см.
№ 620–4/4: длина 60 см, диаметр 1,1 см. Наконечник: длина 19 см, ширина 1,1 см.
№ 620–4/5: длина 64 см, диаметр 1,2 см. Наконечник: длина 18,5 см, ширина 1,3 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Уналашка.

По своей конструкции и форме алеутские боевые стрелы сходны с легкими гарпунами для охоты на каланов.

«Имеют луки, а другие стрелы, кои мечут из досок длиною аршина по полтора; у стрел на конце приделывают кость с зазубринами, а в иные утверждают (вставляют. — *С.К.) копьеца* (острия. — *С.К.) каменные. Куяки* (доспехи. — *С.К.) носят деревянные»* [Соловьев 1948: 168].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

299.
Колчан для стрел № 4193–84.
Материал: кожа, дерево, сухожилия.
Размеры: длина 93,5 см, ширина вверху 19,5 см, ширина внизу 15 см, толщина 7,5 см.
Собиратель: вероятно, А. Очередин. 1768–1769 гг., Лисьи острова.

Этот колчан, стрелы № 2868–1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и наконечник № 2868–8 составляют комплект.

О вооружении алеутов И.Е. Вениаминов писал: *«Оружие алеутов состояло из двух родов стрел, кидаемых с дощечки, известного лука со стрелами, двух родов ножей или кинжалов, для защищения же себя употребляли щит и латы»* [Вениаминов 1840, ч. II: 105–106].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

300–308.
Стрелы № 2868–1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и наконечники № 2868–8, 2930–41.
Материал: дерево, краска, олений рог, кремень, перья, сухожилия.
Размеры:
№ 2868–1: длина 69 см, диаметр 1 см. Наконечник: длина 21,5 см, ширина 1,4 см. Острие: длина 2,1 см, ширина 1,7 см. Футляр: длина 14,5 см, ширина 2,2 см, толщина 1,3 см.
№ 2868–2: длина 60 см, диаметр 1,1 см. Наконечник: длина 17,5 см, ширина 1,3 см. Острие: длина 2,3 см, ширина 1,7 см.
№ 2868–3: длина 77 см, диаметр 1,1 см. Наконечник: длина 27,8 см, ширина 1,4 см. Острие: длина 2,4 см, ширина 1,7 см. Футляр: длина 14 см, ширина 3,1 см, толщина 0,9 см.
№ 2868–4: длина 81 см, диаметр 1,2 см. Наконечник: длина 18,5 см, ширина 1,3 см. Острие: длина 2,1 см, ширина 1,8 см. Футляр: длина 14,7 см, ширина 3,1 см, толщина 1,5 см.
№ 2868–5: длина 88,5 см, диаметр 1,1 см. Наконечник: длина 25,8 см, ширина 1,3 см. Острие: длина 4 см, ширина 1,6 см. Футляр: длина 15,7 см, ширина 3,1 см, толщина 1,5 см.
№ 2868–6: длина 73 см, диаметр 1 см. Наконечник: длина 20 см, ширина 1,3 см. Острие: длина 3,2 см, ширина 1,8 см. Футляр: длина 12,8 см, ширина 2,8 см, толщина 1,2 см.
№ 2868–7: длина 67,5 см, диаметр 1 см. Наконечник: длина 23 см, ширина 1,3 см. Футляр: длина 12,5 см, ширина 2,9 см, толщина 1,5 см.
№ 2868–8: длина 28,8 см, ширина 1,3 см. Острие: длина 3,1 см, ширина 1,9 см.
№ 2930–41: длина 22 см, ширина 1,5 см.
Собиратель: вероятно, А. Очередин. 1768–1769 гг. Лисьи острова.

Эти стрелы и наконечник составляют комплект с колчаном № 4193–84 и происходят из сборов одного собирателя.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

309.
Нож № 2454–3.
Материал: дерево, железо, стерженьки перьев, сухожилия.
Размеры: общая длина 53 см. Лезвие: длина 40,5 см, ширина 4,4 см, толщина 0,3 см. Рукоять: длина 12,5 см, ширина 4,4 см, толщина 2,2 см.
Собиратель: вероятно, И.М. Соловьев. 1764–1766 гг., о. Уналашка.

Лезвие ножа изготовлено способом холодной ковки, его рукоять вырезана и обточена с помощью грубого (вероятно, каменного) орудия. Форма ножа повторяет форму японского короткого меча. Описание алеутских металлических ножей приведено у участника Второй Камчатской экспедиции Г.В. Стеллера: *«У двоих в ножнах на поясе на манер русских крестьян были подвешены длинные железные ножи примитивной работы, которые могут быть собственного, а никак не европейского производства. <…> С расстояния мне удалось очень точно определить качество этого ножа, когда один из американцев вынул его из ножен и разрезал им пузырь пополам; я увидел, что нож железный, а также что он не напоминает никакую европейскую работу»* [Стеллер 1995: 74].

Упоминания об алеутских металлических ножах неоднократно встречаются в рапортах участников торгово-промышленных экспедиций XVIII в.: *«Копья имеют костяные и железные, то ж и ножи с обеих сторон наподобие шпажной полосы* (лезвия шпаги. — *С.К.) вострые; а имеют* (носят. — *С.К.) оные на поясах и под парками»* [Коровин 1948: 144]. *«Ножи на обе стороны острые железные; а куют сами на камне студеное железо с водою без огня…»* [Лисенков 1979: 347].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ И РЕМЕСЛА

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Бóльшую часть года алеуты жили в постоянных жилищах. Обычно селение устраивали на высоком мысу, который разделял два залива. Это делалось для того, чтобы в случае появления врага в одном из заливов иметь путь для отступления. Место для селения выбирали так, чтобы вблизи него обязательно был источник пресной воды, но не устье широкой реки, так как в реку со стороны моря могла быстро зайти вражеская флотилия. Селение состояло из нескольких полуподземных жилищ, в каждом из которых проживало от пятидесяти до двухсот человек.

Среднее по размерам жилище имело в длину около шестидесяти метров и в ширину пятнадцать метров. Для сооружения дома в земле выкапывали яму глубиной около полутора метров, по краям которой ставили два ряда столбов, и еще два ряда столбов устанавливали на расстоянии двух–четырех метров от стен. Сверху всю конструкцию покрывали каркасом из реек и закрывали циновками и травой, затем ее засыпали толстым слоем земли и закладывали дерном. Входные отверстия находились вверху жилища, они также служили для освещения и вентиляции. Входили и выходили по вертикально укрепленным бревнам с зарубками. Внутри жилища устанавливали перегородки между боковыми рядами столбов, их закрывали циновками, здесь находились спальные места для отдельных семей. В земляных стенах выкапывали небольшие углубления, которые служили как кладовые или как спальни для детей. Алеутские жилища не отапливались, каждая семья согревалась и готовила пищу на своей жировой лампе. Центральная часть жилища оставалась местом общего пользования, здесь мужчины занимались изготовлением орудий труда, делали каркасы байдарок, женщины обрабатывали шкуры и шили одежду. Здесь же проводились религиозные ритуалы и празднества. Специальных общественных домов — кажимов — в отличие от эскимосов, у алеутов не было.

Бытовая утварь алеутов не отличалась разнообразием. Она состояла из плетеных циновок и корзин, сумок из кишок или кожи. В качестве посуды использовали деревянные сосуды различной формы и ложки, сделанные из кости или раковин.

Селения и жилища

«Селение (Иллюлюк. — *С.К.) сие лежит на берегу восточного предместья Капитанской гавани* (о. Уналашка. — *С.К.), при устье небольшой речки, и состоит из четырех разной величины юрт, или землянок, которые вид имеют продолговатого четырехугольника; основание их вошло несколько в землю. Они сделаны из выкидываемого морем лесу; покрыты травою и осыпаны землею. Вход в них сверху, в небольшое отверстие, по бревну, на коем вырублены ступени. Внутри юрты, по сторонам ее, живут алеуты семьями, одна подле другой, в нарочно сделанных отделениях, где травяные рогожки постланы вместо постелей»* [Сарычев 1952: 138].

«Жилища <…> все одинаковы. Длиною они от 18 до 20 фут, шириною 12, в вышину от 7 до 8 фут. Все построены из разного рода лесу, который выкидывается течением, частью с американского, частью с азиатского берега и собирается по берегам. (Нередко находят пальмовое и камфорное дерево.) Снаружи эти хижины покрывают дерном, что придает всему селению оригинальный вид. Если не знаешь направления, в котором оно лежит, то по сильной растительности травы и неровности почвы легко примешь дома за холмы, поросшие высокою травою. Каждая хижина разделена дощатой перегородкой на два отделения. Первое служит для кухни, кладовой и пр., с отверстием вверху для пропуска дыму, и не отличается чистотою. Вторая жилая комната зато всегда содержится в чистоте и сухости; пол, стены и скамьи покрыты церелами (соломенными рогожками). Свет проникает через отверстие в потолке, которое только при дурной погоде закрывается пузырем, натянутым на раму. Двери чрезвычайно узки и низки, так что едва можно пробраться на четвереньках» [Блашке 1848: 162].

«Около землянок выстроены так называемые здесь лабазы, в которых развешана разная рыба для просушки, китовое, сивучье и нерпичье мясо и хранятся пузыри с жиром, с рыбной икрой и с печенкой, кадушки с ягодами и другие съедобные припасы, звериные шкуры, котлы для топки жира и т.д. Здесь же на подставках или, как называют туземцы, на разложках — байдарки, однолючные и двухлючные с веселками для гребли, стрелки из которых одна большая с маутом, т.е. тетивою, сплетенною из китовых жил в полпальца или вырезанною из шкуры моржа, рыболовные поводки с крючками, колотушки, т.е. доски, с которых алеуты кидают стрелы в бобра, в птицу и другого зверя» [Тихменев 1863, ч. II: 367–368].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Бытовая утварь

«В юртах нет ни стола, ни стула; но чистая, из травы сделанная рогожка, именуемая суток (Sutok), разостлана на полу. Коробочки висят в разных местах юрты, с двумя кремнями, с куском самородной серы и с горстью сухой травы, из которых материалов они себе получают огонь. Я приметил еще у них разные корзинки, весьма чисто плетенные из разноцветной соломы, в которых женщины хранят свою работу; также хорошенькие мешочки, сделанные из кишок морских зверей и украшенные козьими волосами, перьями и прочим; деревянные четырехугольные чаши или блюда; четырехугольные и круглые ведра, выдолбленные из одного куска дерева, для держания воды; четырехугольный камень с круглою в середине выемкою употребляют в качестве светильника; фитилем служат свитые вместе сушеные стебли травы. Они также обогреваются этим светильником, подставляя его под свою парку и приседая над ним. Еще я видел у них чисто сделанные четырехугольные продолговатые ящики, вырезанные из одного куска дерева, с крышкою величиною с табакерку; женщины кладут в них иголки и другую подобную мелочь, и все-то у них сделано правильно и выработано чисто» [Биллингс 1978: 47].

«Из посуды в их жилищах имеется четырехгранный, довольно высокий сосуд для воды — Tangak, в который накладывают листья "сладкой травы" — Uhujun, чашка из дощечек, в которую мочатся, а мочу употребляют вместо мыла для мытья рук; широкий железный нож — Olugak — с деревянной ручкой, которым они отрезают большие куски китового мяса, держа его в зубах; этим ножом женщины осторожно раскалывают кости чаек — Schlukak, из которых затем шлифуют иглы — Halluisch — на пемзе» [Мерк 1978: 64].

«Их детские люльки висят слегка наклонно, в них дети, сидя на мхе, прикреплены тремя ремнями, застегнутыми на пуговицы. Люлька представляет собой овальной формы широкий обруч. Внизу с боков она обтянута выделанной кожей, которая наверху идет еще дальше ножек ребенка» [Там же: 65].

«Их светильники представляют собой выдолбленные камни, фитиль из сухой травы, которую они слегка разминают трением в руках, вместо сухой травы иногда употребляют корень ангелики, и с наступлением сумерек каждая семья зажигает в жилище свой светильник, который, правда, дает хорошее освещение, но много дыма» [Там же: 64].

«Огонь высекают они иногда из двух кремней, ударяя один об другой над бобровым пухом, с серою перемешанным, или над сухими листьями. Обыкновенный же их способ доставать огонь состоит в том, что они по примеру камчадалов делают в доске дыры и, просунув палку, вертят с великою скоростью до тех пор, пока дерево не начнет загораться; после чего ловят искру на трут» [Шелихов 1971: 82].

Мужские ремесла

«Рукоделие прежних алеутов ограничивалось одними только орудиями (охоты. — *С.К.*)*, но, разумеется, не всякий умел сделать для себя всякую вещь, особливо байдарку и бобровые стрелки, для этого у них были и есть особые мастера. Но почти всякий алеут умеет владеть своим топориком и сделать для себя весло, простую стрелку, поправить байдарку и сделать другие незначащие вещи»* [Вениаминов 1840, ч. II: 252].

«Все изделия алеутов: как, например, промысловые орудия и байдарки, так и национальная их одежда, — доведены, можно сказать, до возможного совершенства в своем роде. Все доказывает, что много было думано и обдумано, чтобы всякая вещь была удобна и пригодна для своего назначения. Везде видно большое терпение в работающих. Редкую вещь можно видеть у алеутов даже и ныне, которая бы не была отделана со всею аккуратностью и не сделана по известной форме или так, как водится. Тогда как средства или орудия их весьма недостаточны» [Там же: 251].

«Самым бедственным состоянием алеуты считают только то, когда все мужчины, в целом селении, сделаются нездоровы. Ибо в таком случае им угрожает самая крайность. Самое же лучшее состояние, по мнению их, есть того, кто имеет свою юрту, байдарку в новой оболочке и с полным количеством промысловых орудий, ружье, топор, чайник и котел, две перемены платья для себя и семейства, т.е. тот, кто всегда

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

в состоянии выехать когда и куда ему захочется и кто тепло одет» [Там же: 258].

Женские ремесла

«Занятия женщин — шитье и забота о пище. Раньше они варили пищу в глиняных горшках, теперь некоторые имеют железные котлы. Однако когда им очень хочется есть, употребляют они свою пищу в сыром виде. Рыбу сушат, а при сырой погоде покрывают на ночь матами (циновками. — *С.К.*). *Жир оленей они теперь растапливают в котлах, а потом сохраняют его в желудках тюленей. После ужина женщины занимаются шитьем или иным рукоделием, которое осенью большей частью состоит в заготовлении ниток»* [Мерк 1978: 83–84].

«Иголки у них костяные без ушков, и нитки к ним привязываются. Когда ж достанут от русских железную иголку, то всегда обламывают у ней ушки и вместо их, обтачивая тупой конец на камне, делают зарубку, чтоб можно было привязывать нитку.

Собственные их иголки бывают из костей ча-ячьих ног, разной величины, толще и тоньше, смотря по шитью. Самые тонкие употребляют для вышивания узоров, вырабатываемых с таким искусством и хитростью, что ни одна европейская золотошвейка не в состоянии сравниться с ними» [Сарычев 1952: 138–140].

«Есть еще женское орудие для раздирания сухой жилы морских животных на самые мелкие волокна, орудие, которое может иметь всякая женщина без купли и труда и которое никогда не потеряется, — это отрощенный ноготь большого пальца той или другой руки. Этим орудием они действуют весьма удобно и так искусно, что нескоро можно придумать другого удобнейшего орудия или средства для раздирания жилы или травы» [Вениаминов 1840, ч. II: 250].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

310.
Модель жилища № 313–58.
Материал: торф, дерево, краска, стебли колосняка, сухожилия.
Размеры: длина 44 см, ширина 30 см, высота 20 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

«Что касается промысловых юрташек (жилищ. — *С.К.*), *разбросанных в разных местах острова, то они представляют собой слегка углубленные в землю постройки с двухскатной крышей; состоят они из небольших сеней и одной комнаты, построены из леса, выброшенного морем; обложены дерном или засыпаны землей. Юрташки скудно освещаются единственным окошком, а вся меблировка состоит из нар и одного столика. Отапливаются юрташки при помощи каменок, похожих на устраиваемые в русских черных банях, а для выхода дыма в потолке находится специальный люк. Эти постройки очень теплы, и многие семьи на зиму предпочитают жить в них, покидая свои холодные, разрушающиеся дома. Во время промыслов, ночуя в юрташках, промышленники нагревают их до невероятной степени: настолько, что непривычному человеку спать является совершенно невозможным; алеуты считают, что вследствие ночевок в такой высокой температуре они избавляются от простудных заболеваний»* [Редько 1927: 101].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

311.
Топор-тесло № 4104–56.
Материал: дерево, краска, кожа, сланец.
Размеры: длина рукоятки 22,5 см, длина лезвия 17,5 см, ширина лезвия 6,7 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Андреяновские острова.

«Многие из алеутов еще и поныне (в 1820-е годы. — *С.К.*) *употребляют топорики свои, которые суть не что иное, как небольшие одноручные шляхты, с тою только разницею, что железо не насаживается на ручку, как у топора или шляхты, но привязывается к ней ремнем. В прежнее время вместо нынешних железок употребляли камень сиенит или аспид»* [Вениаминов 1840, ч. II: 249].

«Природные жители о. Уналашки имеют род небольшой секиры или шляхты, сделанной из тонкой железной пластинки, длиной в один вершок и три четверти, шириною же только в три четверти вершка, всаженной в кусок плоского дерева вместо рукоятки; самое то дерево обделано очень чисто, иногда же украшено бисером, а железо всегда навострено, как бритва» [Биллингс 1978: 48].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

312–314.
Лезвия от женских ножей (пекулки) № 571–88а, б, в.
Материал: сланец.
Размеры:
№ 571–88а: длина 8,5 см, ширина 8,2 см.
№ 571–88б: длина 10,4 см, ширина 5,1 см.
№ 571–88в: длина 14,5 см, ширина 9,7 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Уналашка.

«Женских орудий вообще очень немного, кроме разной величины иголок, у них была и теперь есть пекулка, т.е. род широкого изогнутого ножа, длиною около 3 вершков и без рукоятки, вместо которой к обуху ножа приделывается деревяшка, за которую держат. Пекулкою алеутки очень искусно умеют действовать и вместо ножа и ножниц» [Вениаминов 1840, ч. II: 249].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

315–319.
Лезвия от женских ножей № 2868–202, 203, 204, 205, № 4104–137а, б.
Материал: сланец, замша.
Размеры:
№ 2868–202: длина 10,6 см, ширина 5,1 см.
№ 2868–203: длина 9,2 см, ширина 8,3 см.
№ 2868–204: длина 14,8 см, ширина 8,2 см.
№ 2868–205: длина 16 см, ширина 6,1 см.
№ 4104–137а, б: длина 14 см, ширина 6,4 см, толщина 2 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

«В прежнее время пекулки делались из аспида и сиенита (сланца. — *С.К.*), *а ныне — из стали, для резки же китовины всегда делается из простого железа, а стальная почти совсем не годится»* [Вениаминов 1840, ч. II: 249].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

320.
Инструмент для расщепления сухожилий № 2938–20.
Материал: моржовая кость, краска, сухожилия.
Размеры: длина 5 см, ширина 1,1 см, толщина 0,6 см.
Собиратель: передал А.Ф. Миддендорф в 1847 г., собиратель И.Г. Вознесенский. 1843–1844 гг., Алеутские острова.

При использовании этого инструмента между пластинами вставляли сухожилие, которое придавливали костяным зажимом. Инструмент держали в ладони, пропустив сухожилие между пальцами, его протягивали через зажим и расщепляли на две части.

321.
Инструмент для расщепления сухожилий № 2937–67.
Материал: моржовая кость, краска.
Размеры: длина 5,2 см, ширина 1 см.
Собиратель: неизвестен. XVIII в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

322.
Спица-швейка с инструментом для расщепления сухожилий № 2937–75.
Материал: клык моржа, краска.
Размеры: длина 47,5 см, ширина 1,3 см, толщина 1 см.
Инструмент: длина 10,7 см, ширина 0,8 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Спица-швейка использовалась для наматывания нитей и крепления материала для шитья. Первоначально эта спица и пластинки для расщепления сухожилий были соединены вместе сухожильной бечевкой. Бóльшая часть поверхности спицы украшена витым орнаментом из трех линий — центральной красного цвета и двух боковых черного цвета. Узором в виде зигзага из трех линий таких же цветов украшена костяная пластина, закрывающая место соединения основы деревянной шляпы-козырька № 2868–106.

Подобная спица-швейка из коллекции А.К. Этолина имеется в Национальном музее Финляндии [Varjola et al. 1990: 215].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

323.
Спица-швейка № 4105–24.
Материал: клык моржа, краска.
Размеры: длина 81 см, ширина 4,5 см, толщина 3,1 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Об использовании алеутками спиц-швеек в документе XVIII в. сказано: *«Палочки, которые во время шитья женщины втыкают в землю и с тем* (и таким образом. — *С.К.) шитье вместо придерживания крепят»* [Экстракт... 1979: 356].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

324.
Рейка № 3529–46.
Материал: дерево, краска.
Размеры: длина 45,5 см, ширина 4,5 см, толщина 2,6 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Эта рейка, украшенная геометрическим узором, вероятно, является нижней частью приспособления для наматывания ниток.

325–326.
Катушки для ниток (канаги-квок) № 2868–25, 24.
Материал: кость, краска, сухожилия.
Размеры:
№ 2868–25: длина 6,4 см, ширина 2,2 см.
№ 2868–24: длина 4,4 см, ширина 1,6 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1844 г., о. Атка.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

327–328.
Мотки ниток № 571–87/1, 87/2.
Материал: сухожилия.
Размеры:
№ 571–87/1: длина мотка 10 см.
№ 571–87/2: длина мотка 9 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Св. Георгия.

«Самые нитки их доказывают, сколько женщины уналашкинские терпеливы и искусны, ибо нитка так тонка, как несученая шелковинка, и от сей тонизны постепенно делаются разного разбора нитки до толщины струн басовых» [Биллингс 1978: 47].

329–334.
Мотки ниток № 2868–86/1, 86/2, 86/3, 86/4, 86/5, 86/6.
Материал: шерстяные нити, сухожилия.
Размеры:
№ 2868–86/1: длина 12,5 см, диаметр 1 см.
№ 2868–86/2: длина 12,4 см, диаметр 1,2 см.
№ 2868–86/3: длина 10,8 см, диаметр 1 см.
№ 2868–86/4: длина 15 см, диаметр 1,4 см.
№ 2868–86/5: длина 16 см, диаметр 1,5 см.
№ 2868–86/6: длина 16 см, диаметр 1,7 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Св. Павла.

«Для более тонкого шитья (шить — Challuda) пользуются жилами лисиц, а обычно вместо ниток употребляют жилы, которые они вытягивают из спинной части кита. Жилы чаще красноватого цвета с пересекающимися белыми прожилками» [Мерк 1978: 64].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

335.
Материал для шитья № 2868–99.
Материал: кожа, волос.
Размеры: длина 30 см, ширина 4 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Уналашка.

«Вышивают обыкновенно на коже довольно твердой, выделанной из перепонки, бываемой в горле птиц. Вместо ниток служит им козья длинная шерсть. Ею пришивают к коже волосы из лошадиного хвоста, переплетая их белою оленьею шерстью и разных цветов шелками, отчего шитье их походит на самый мелкий низанный бисер. Подобными узорами вышивают они праздничные мужские парки, шапочки, пояса и зарукавья (манжеты. — *С.К.)*, *употребляемые только во время пляски»* [Сарычев 1952: 140].

336.
Материал для изготовления камлейки № 2868–61.
Материал: кишки, сухожилия.
Размеры: длина 260 см, ширина 240 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

337–341.
Материал для изготовления одежды № 2868–62, 63, 64, 65, 66.
Материал: кишки тюленя.
Размеры:
№ 2868–62: высота мотка 17 см, ширина 12 см, толщина 3 см.
№ 2868–63: высота мотка 21 см, ширина 12 см, толщина 4,5 см.
№ 2868–64: высота мотка 18 см, ширина 24 см, толщина 8,5 см.
№ 2868–65: высота мотка 19 см, ширина 10 см, толщина 3,5 см.
№ 2868–66: высота мотка 16,5 см, ширина 13,5 см, толщина 10 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

342.
Материал для изготовления одежды № 2868–33.
Материал: кишки тюленя.
Размеры: высота мотка 13,5 см, диаметр 13 см.
Собиратель: А.Д. Романовский. 1840–1845 гг., о. Уналашка.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

343–344.
Материал для изготовления одежды № 4104–142, 143.
Материал: кишки тюленя.
Размеры:
№ 4104–142: высота мотка 25 см, ширина 8,5 см, толщина 3,5 см.
№ 4104–143: высота мотка 23 см, ширина 6,5 см, толщина 4 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

345.
Материал для изготовления одежды № 2868–85.
Материал: пищевод сивуча.
Размеры: длина 116 см, ширина 15 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843–1844 гг., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

346.
Материал для изготовления одежды и сумок № 571–86/6.
Материал: кожа.
Размеры: длина мотка 25 см, ширина мотка 9 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Св. Георгия.

347–351.
Материал для изготовления одежды и сумок № 571–86/1, 86/2, 86/3, 86/4, 86/5.
Материал: пищевод морского котика, краска.
Размеры:
№ 571–86/1: длина 44 см, ширина 8 см.
№ 571–86/2: длина 58 см, ширина 14 см.
№ 571–86/3: длина 53 см, ширина 8,5 см.
№ 571–86/4: длина 47 см, ширина 9 см.
№ 571–86/5: длина 46,5 см, ширина 8 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Св. Георгия.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

352.
Сумочка № 571–60.
Материал: пищевод сивуча, ткань, краска, перья, хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: длина с опушкой 23 см, длина основы 15,5 см, ширина 12 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Св. Георгия.

Об использовании алеутами перышек и других материалов для шитья И.Е. Вениаминов писал: *«В прежнее время, когда они не знали никаких материй, вместо стамедов* (шерстяной материи. — *С.К.) употребляли цветные перышки маленьких птичек. Оленья длинная шерсть употребляется при плетении травою. Корольки и стеклярусы разных цветов употребляются еще и поныне для украшения шапок и байдарок»* [Вениаминов 1840, ч. II: 254].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

353.
Сумочка № 571–68.
Материал: пищевод морского котика, ткань, краска, олений волос, шерстяные и хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: длина 13,5 см, ширина 10,3 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1844 г., о. Амля.

Вероятно, именно об этой сумочке сказано в списке собрания И.Г. Вознесенского: *«Бумажник, весьма искусно вышитый по голубому грунту оленьею шерстью на горловой кожице морского котика. Превосходная работа эта производится алеутками на одном только острове Амле»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. До 1918 г. № 9. Л. 128].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

354.
Сумочка № 633–14.
Материал: пищевод тюленя, краска, шелк, олений волос, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 15 см, ширина 10,8 см.
Собиратель: С.П. Хрущев. 1822–1823 гг., Андреяновские острова.

Сумочки использовались женщинами для хранения швейных принадлежностей: иголок, связок ниток, оленьих волос, бисера и бусин.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

355.
Сумочка № 633–13.
Материал: пищевод тюленя, краска, шелк, волос, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 12,5 см, ширина 8,7 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. До 1827 г., Алеутские острова.

О раскраске и украшениях женских изделий алеутов И.Е. Вениаминов писал: *«Яркие цвета, и особенно красные, им нравятся, а из материи для украшения употребляются особенно шерстяные, как то: разных цветов стамеды* (шерстяную ткань. — *С.К.)*; (используют. — *С.К.) во всяком верхнем шве на байдарке и на поперечных швах на парке, разумеется щегольских. <…> Еманья* (козья. — *С.К.) шерсть, особенно длинная, употребляется во всех лучших шитьях, на парках и байдарках вместе со стамедом, а на камлейках — без стамеда»* [Вениаминов 1840, ч. II: 254].

356.
Сумочка № 633–15.
Материал: пищевод тюленя, краска, перья, волос, сухожилия.
Размеры: длина 13,5 см, ширина 8,8 см.
Собиратель: С.П. Хрущев. 1822–1823 гг., о. Уналашка.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

357.
Сумка № 571–75.
Материал: кишки, кожа, краска, перья, олений волос, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 54 см, высота 47 см, высота с опушкой 51 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Св. Павла.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

358–360.
Дорожные сумки (клаузик) № 571–80, 81, 82.
Материал: кишки, пищевод сивуча, краска, перья, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры:
№ 571–80: длина 27 см, высота 30 см.
№ 571–81: длина 38 см, высота 37 см.
№ 571–82: длина 43 см, высота 39 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Св. Георгия.

Дорожная сумка являлась частью снаряжения охотника во время поездки в байдарке. В такой сумке хранили швейные принадлежности, необходимые для починки обтяжки байдарки в случае ее повреждения.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

361.
Дорожная мужская сумка № 2868–87.
Материал: кишки, краска, перья, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 46 см, высота 42 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

362.
Сумка № 2868–88.
Материал: кишки, кожа, краска, перья, сухожилия.
Размеры: длина 38 см, высота 38 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

363.
Сумка № 2868–89.
Материал: кишки, кожа, краска, перья, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 62 см, высота 61 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Эта сумка отличается от других большими размерами, она использовалась для хранения одежды — парки или камлейки.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

364–365.
Сумки № 4104–61, 62.
Материал: кишки тюленя, краска, хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры:
№ 4104–61: высота 52 см, ширина 27 см.
№ 4104–62: высота 53 см, ширина 25 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

366–367.
Сумки № 4104–63, 64.
Материал: кишки тюленя, краска, хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры:
№ 4104–63: высота 53 см, ширина 25 см.
№ 4104–64: высота 53 см, ширина 25 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

368–369.
Сумки № 4104–65, 66.
Материал: кишки тюленя, краска, хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры:
№ 4104–65: высота 53 см, ширина 25 см.
№ 4104–66: высота 50 см, ширина 25 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

370–371.
Сумки № 4104–69, 70.
Материал: кишки тюленя, пищевод сивуча, краска, перья, сухожилия.
Размеры:
№ 4104–69: длина 40 см, высота 49,5 см.
№ 4104–70: длина 40,5 см, высота 39,5 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

372.
Сумка № 4104–71.
Материал: кишки тюленя, пищевод сивуча, краска, сухожилия.
Размеры: длина 52 см, высота 41 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

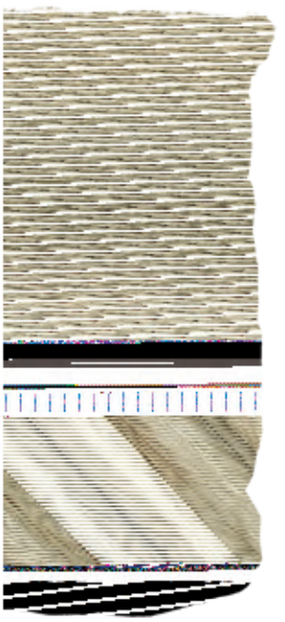
373–374.
Сумки № 4104–72, 73.
Материал: кишки тюленя, краска, сухожилия.
Размеры:
№ 4104–72: длина 44 см, высота 30 см.
№ 4104–73: длина 42 см, высота 30 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

375–376.
Сумки № 4104–74, 75.
Материал: кишки тюленя, краска, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры:
№ 4104–74: длина 24,5 см, высота 24,5 см.
№ 4104–75: длина 24 см, высота 24 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

377.
Сумка № 4104–76.
Материал: кишки тюленя, волос, сухожилия.
Размеры: длина 23 см, высота 18 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

379.
Сумка № 4270–7.
Материал: кишки, пищевод сивуча, краска, сухожилия.
Размеры: длина 35 см, высота 39,5 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.



378.
Сумка № 4104–140.
Материал: кишки тюленя, кожа с перьями, шерстяные нити, олений волос, сухожилия.
Размеры: длина 53 см, высота 51 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

380.
Сумка № 313–63.
Материал: кожа нерпы и сивуча, дерево, сухожилия.
Размеры: длина 27,5 см, высота 22,5 см, толщина 3,5 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

381.
Материал для плетения № 2868–28.
Материал: стебли кипрея.
Размеры: длина 34 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Плетением женщины занимались в зимнее время после окончания сезона заготовки продовольствия. Занятие плетением при недостаточном освещении в полутемном жилище нередко приводило к ухудшению зрения.

382.
Сумочка № 633–12.
Материал: стебли колосняка, краска.
Размеры: длина 18 см, ширина 11 см.
Собиратель: П.В. Повалишин. 1804–1805 гг., Аляска.

«Женщины западного края (Андреяновских островов. — *С.К.) преимущественно хорошо выделывают разные вещи из травы, как то: бумажники, сигарошники* (портсигары. — *С.К.) и пр., а женщины восточного края* (о. Унимак и п-ва Аляска. — *С.К.*) *вышивают оленьей шерстью и волосом разные вещи для украшения одежды. Правда, и они сделают что-нибудь из травы, но не так искусно, как первые; точно то же можно сказать и о женщинах западного края в отношении вышивания»* [Вениаминов 1840, ч. II: 253].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

383.
Сумочка № 2868–29.
Материал: стебли кипрея и колосняка, ткань, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 15,3 см, ширина 9 см.
Собиратель: Д.И. Завалишин. 1823–1824 гг., о. Уналашка.

«Рукоделие женщин состоит исключительно в шитье и плетении разных вещей. Все вообще женщины умеют шить очень хорошо, так что лучшие из них не уступят и самым лучшим швеям. И также всякая из них умеет сплести простой церел (циновку. — *С.К.) или рогожку, шкат или корзинку»* [Вениаминов 1840, ч. II: 252–253].

384.
Заготовка для сумочки № 2888–93.
Материал: стебли колосняка, шелк, хлопчатобумажные нити.
Размеры: длина 14,8 см, ширина 9,2 см.
Собиратель: неизвестен. Поступила в 1856 г., Андреяновские острова.

На обеих сторонах этой сумки изображен герб России — двуглавый орел, держащий скипетр и державу. На лицевой стороне сумочки выше герба сделана надпись: «Его Императорского Величества».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

385.
Сосуд в форме поддона № 2868–53.
Материал: стебли колосняка, шерстяные нити, краска, сухожилия.
Размеры: длина 44 см, ширина 25 см, высота 7 см, высота с ручками 10 см.
Собиратель: вероятно, А.Ф. Кашеваров. XIX в., Алеутские острова.

Этот сосуд повторяет форму европейской посуды — блюда-поддона. Он отличается очень тонким и плотным плетением, такое изящное плетение было характерно для изделий алеутов о. Атту.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

386.
Корзина № 337–4.
Материал: стебли колосняка, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: высота 16 см, диаметр устья 18 см, диаметр дна 13 см.
Собиратель: П.П. Дорошин. 1848–1853 гг., о. Унга.

В собрании МАЭ представлены корзины алеутов разных островов — от Унги на востоке до Командорских островов на западе. Несмотря на некоторые отличия в технике плетения жителей отдельных островов, алеутские корзины легко отличить от корзин других народов Аляски по форме верхнего края, который плели в виде крупных ячеек-петель.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

387.
Корзина № 4104–98.
Материал: стебли колосняка.
Размеры: ширина 56 см, высота 30 см, диаметр дна 35 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Наибольшего мастерства в изготовлении плетеных изделий достигли алеутки Андреяновских островов. В начале июля женщины занимались сбором растительного волокна. Колосняк (Leymus mollis) собирали на береговой полосе, при этом от каждого растения брали только два-три наиболее тонких молодых стебля. Собранные стебли расстилали рядами в прибрежных пещерах для сушки. Период сушки занимал около двух недель, за это время стебли несколько раз перекладывали с места на место. При подготовке для плетения стебли продольно расщепляли на три части с помощью специально отращенного ногтя. Средний слой считался непригодным для плетения, и его выбрасывали. Полученные волокна снова сушили и связывали в пучки. Эти пучки досушивали в жилище в течение месяца. После этого материал для плетения был готов. Плетением женщины занимались в зимние месяцы.

388.
Корзина № 4104–99.
Материал: стебли колосняка, краска.
Размеры: ширина 45 см, высота 29 см, диаметр дна 31 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

389.
Корзина № 4104–100.
Материал: стебли колосняка, краска, кишки.
Размеры: ширина 49 см, высота 30 см, диаметр дна 32 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

390.
Корзина № 4104–101.
Материал: стебли колосняка, краска.
Размеры: ширина 47 см, высота 28 см, диаметр дна 26 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

391.
Корзина № 4104–102.
Материал: стебли колосняка, краска.
Размеры: ширина 40 см, высота 28,5 см, диаметр дна 30 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

392.
Корзина № 2888–92.
Материал: стебли колосняка, сухожилия.
Размеры: ширина 30 см, высота 22 см, диаметр дна 16 см.
Собиратель: вероятно, поступила от Т.И. Шмалева. 1775 г., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

393.
Корзина № 2888–80.
Материал: стебли колосняка, краска, сухожилия.
Размеры: ширина 44 см, высота 40 см, диаметр дна 35 см.
Собиратель: вероятно, Ю.Ф. Лисянский, поступила от И.Ф. Крузенштерна. 1804–1805 гг., Алеутские острова.

Если у алеутов не было нужды в быстром приготовлении пищи, то пойманную рыбу хранили в корзинах большого размера, которые назывались «рыбными корзинами». В такую корзину помещалось до двадцати килограммов рыбы.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

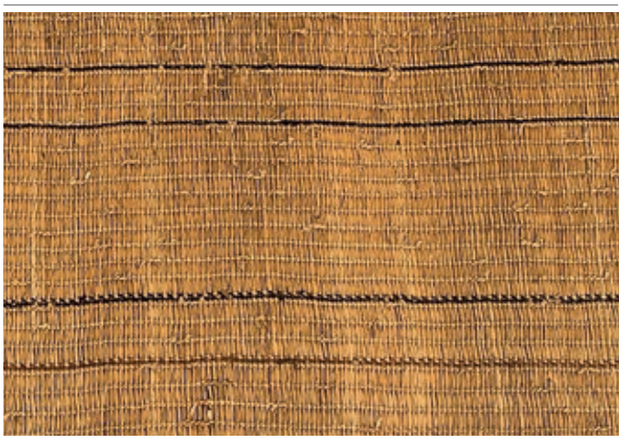
394.
Корзина № 313–53.
Материал: стебли колосняка, шерстяные нити.
Размеры: высота 19,5 см, диаметр устья 16 см, диаметр дна 12 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

Эта корзина относится к изделиям рубежа 80–90-х годов XIX в., на ней видно упрощение приемов плетения. В отличие от корзин из коллекции № 4104, верхний край этой корзины сплетен не в виде ровной трехпрядной косы, а в виде нескольких прядей, соединенных вместе.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

395.
Циновка № 337–8.
Материал: стебли колосняка.
Размеры: длина 128 см, ширина 45 см.
Собиратель: П.П. Дорошин. 1848–1853 гг., о. Унга.

«Всякая женщина в своем отделении занимается рукоделием, которое состоит в плетении травяных ковров, мешочков и корзинок. Работу сию делают они с отменным искусством и чрезвычайно хитро. Траву выбирают для того самую чистую и длинную, которая, будучи высушена, получает палевый цвет. На тонкие изделия траву разрезают вдоль надвое ногтем, и для сего у каждой такой мастерицы на указательном персте ноготь отращен и заострен, как ножик. Оным не только траву, но и жилы морских зверей разделяет она на тонкие волокна, из коих сучат одними пальцами без всяких орудий самые тонкие, ровные и чистые нитки, употребляемые для шитья платья и обуви» [Сарычев 1952: 138].



Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

396.
Сосуд-чаша № 4104–58.
Материал: дерево, краска.
Размеры: диаметр 25,5 см, высота 6,5 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Андреяновские острова.

«Домашняя посуда, кроме чайной, состоит из двух-трех деревянных калуг (сосудов. — *С.К.)*, *или лукошек, костяных ложек и одной или двух фляжек (с костяною трубкою) для воды»* [Вениаминов 1840, ч. II: 258].

397.
Сосуд-чаша № 4104–59.
Материал: дерево, краска, кость, сухожилия.
Размеры: диаметр 29,5 см, высота 6 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Андреяновские острова.

Сочетание красного и черного или темно-синего цветов часто встречается в раскраске домашней утвари и орудий труда и промысла алеутов. Эта же цветовая гамма использована при раскраске топора-тесла № 4104–56.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

398–400.
Ложки № 2937–17, 4104–54, 55.
Материал: кость, краска.
Размеры:
№ 2937–17: длина 15,2 см, ширина 3,7 см, толщина 1,5 см.
№ 4104–54: длина 11 см, ширина 4,2 см, толщина 0,7 см.
№ 4104–55: длина 13,3 см, ширина 4,4 см, толщина 0,7 см.
Собиратель:
№ 2937–17: вероятно, А.М. Юрлов. 1767 г., Алеутские острова.
№ 4104–54, 55: неизвестный мореплаватель. XIX в., Андреяновские острова.

Назначение этих предметов точно не установлено. У них тупые края, поэтому они не являются скребками для очистки шкур, как считали В.И. Иохельсон [Jochelson 1925: 89–90] и Р.Г. Ляпунова [Ляпунова 1975: 104–105]. Л. Блэк не идентифицировала подобный артефакт и назвала его «предметом неизвестного назначения» [Black 2003: 48]. Вероятно, это ложки. И.Е. Вениаминов писал, что время траура по умершему мужу вдова покойного ела только искрошенную пищу, до которой она не могла дотрагиваться руками [Вениаминов 1840, ч. II: 82–83]. Соответственно, у алеутов была пища, при употреблении которой были необходимы ложки.

Все три ложки вырезаны из кости разных животных. Ложка № 4104–55 вырезана, вероятно, из китовой кости, № 4104–54 — из моржовой кости.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

401.
Ложка № 633–19.
Материал: рог.
Размеры: длина 21 см, ширина 5,7 см.
Собиратель: Ю.Ф. Лисянский. 1804–1805 гг., Алеутские острова.

О наличии ложек среди домашней утвари алеутов неоднократно сообщается в документах мореплавателей и других очевидцев. Судя по рисунку М.Д. Левашова 1768 г., эта ложка имеет традиционную форму, характерную для старинных изделий алеутов [Ляпунова 1975: 166]. Интересно отметить, что алеутская ложка подобной формы, но сделанная не из рога, а из моржовой кости, была найдена во время археологических раскопок на о. Беринга [Русские... 1996: 84, 193].

402.
Ложка № 633–20.
Материал: дерево, краска.
Размеры: длина 25,5 см, ширина 7 см.
Собиратель: Ю.Ф. Лисянский. 1804–1805 гг., Аляска.

Такая форма деревянных ложек была характерна для изделий тлинкитов [Тлинкиты... 2007: 65–66]. Об ее принадлежности к изделиям алеутов сказано в списке коллекции Ю.Ф. Лисянского. Возможно, что эта ложка является изделием эскимосов о. Кадьяк, которых русские в XIX в. также называли алеутами.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

403.
Черпак № 2868–45.
Материал: дерево, краска.
Размеры: длина 38,7 см, ширина 10,5 см, толщина 1,5 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Аляска.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

404–407.
Вилки № 2937–1, 2, 3; 2938–18.
Материал: моржовая кость, краска.
Размеры:
№ 2937–1: длина 19 см, ширина 1,6 см, толщина 1,2 см.
№ 2937–2: длина 18,3 см, ширина 1,6 см, толщина 1 см.
№ 2937–3: длина 18 см, ширина 1,6 см, толщина 1 см.
№ 2938–18: длина 20 см, ширина 2,7 см, толщина 0,9 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Форма вилок заимствована со столовых приборов русского производства. Они являлись изделиями «сувенирного промысла» и предназначались для продажи европейцам.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

408.
Сосуд для хранения жира № 4104–78.
Материал: желудок сивуча.
Размеры: длина 47 см, ширина 35,3 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

«Общая у всех посуда для жиру суть пузыри сивучьи или нерпичьи, а как этих зверей немного, то и посуды не может быть более, и притом, к несчастию, с 1828 г. завелись здесь крысы, которые иногда в одну ночь лишают хозяина всего годового запаса (пищи. — *С.К.*); *деревянной посуды очень мало, потому что хотя бы и многие из алеутов могли ее делать для себя, но нет для этого нужных материалов (и именно обручей)»* [Вениаминов 1840, ч. II: 251].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

409–411.
Модели циновок № 313–67a/1–2, счеты № 313–67b, метательные диски № 313–67c/1–8.
Материал: стебли колосняка, дерево, кость, краска, бисер, хлопчатобумажные нити.
Размеры:
№ 313–67a/1–2: длина 12,8 см, ширина 9,6 см.
№ 313–67b: длина 12,5 см, ширина 2,1 см, толщина 1,1 см.
№ 313–67c/1–8: диаметр 1,9 см, толщина 0,8 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

Эти модели циновок, счеты и метательные диски составляют комплект игры, в которую играли сразу четыре человека, по две пары друг против друга.

«“Каканах” (игра в камешки) заключается в следующем: в двух противоположных концах комнаты, на расстоянии 10–15 шагов, на пол кладут небольшие специально сшитые тюфячки или постилается сложенная в несколько раз толстая материя. На каждую такую подстилку помещают жестяной кружок, равный по величине медному пятаку. Играют две партии, состоящая каждая из двух игроков. Играющие становятся на одно колено по бокам подстилки, причем у каждой подстилки помещается по одному игроку из противных партий. Каждый из них получает по пять украшенных узором шашек, сделанных из моржовой кости; шашки одного игрока отличаются своим узором от шашек другого. Затем они бросают по очереди свои шашки, стараясь попасть на кружок, лежащий на подстилке в противоположенном конце помещения, и сбить с подстилки шашки противника. Игроку, шашки которого окажутся на металлическом кружке или ближе к нему, чем шашки его противника, засчитывается известное число очков, затем бросают шашки два других игрока. Выигрывает та партия, которая первая успеет набрать сто очков» [Редько 1927: 90].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

412–414.
Модели лыж и багра № 313–51a, b, c.
Материал: дерево, краска, кожа нерпы, железо, хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры:
Лыжи: длина 32,5 см, ширина 8 см, высота 5 см.
Багор: длина 46,5 см, длина древка 44 см, диаметр 1,2 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

Лыжи-снегоступы сибирского типа. Багор с металлическим крюком на конце использовался для передвижения по склонам холмов. Зацепившись крюком за камень, останавливались, чтобы не скатиться вниз с холма.

«Алеутские лыжи очень удобны для ходьбы по горам. Они широки и коротки, что делает их устойчивыми и в то же время легкими для управления. Они подшиты нерпичьей шкурой, шерстью назад, и при подъеме в гору не скатываются вниз. Это, конечно, сильно облегчает ходьбу» [Барабаш-Никифоров 1934а: 25].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

415.
Модель двухлючной байдарки № 7497–4.
Материал: моржовая кость, краска.
Размеры: длина 13,7 см, ширина 2,3 см, высота 3 см.
Собиратель: передал А.Ф. Миддендорф в 1847 г., собиратель И.Г. Вознесенский. 1843–1844 гг., Алеутские острова.

«Мужчины из кости моржовых зубов, сивучей, китов-плавунов делают (фигурки. — *С.К.) бобров, китов, сивучей, моржей, разную рыбу и птиц, но не отличной работы, а грубо. Они же делают байдарки маленькие»* [Васильев 2005: 109].

416.
Модель двухлючной байдарки № 2937–68.
Материал: моржовая кость.
Размеры: длина 37,2 см, ширина 5,2 см, высота 3,1 см, высота с фигурками 9 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., Алеутские острова.

«Жители восточного края почти все умеют выделывать из кости разные вещи и иногда довольно порядочно; а жители трех крайних селений (полуострова Аляска. — *С.К.) и особенно Павловского селения очень хорошо выделывают ровдуги и <...> кожи, употребляя на первое оленьи шкуры, а на последнее — преимущественно нерпичьи»* [Вениаминов 1840, ч. II: 252].

417.
Костяная пластинка № 7497–18.
Материал: моржовая кость.
Размеры: длина 5,1 см, ширина 0,9 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Возможно, что эта деталь является накладкой от модели байдарки либо приспособлением для наматывания нитей.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

418–419.
Фигурки сивуча № 337–17/2, трех тюленей и птицы № 337–17/1.
Материал: кость, краска.
Размеры:
№ 337–17/2: длина 6,3 см, ширина 2,6 см, высота 4 см.
№ 337–17/1: длина 10,2 см, ширина 5,8 см, высота 3,5 см.
Собиратель: П.П. Дорошин. 1848–1853 гг., селение Бельковское, п-ов Аляска.

«Мужчины вырезают простыми ножами из мягкого камня, находимого на берегу, фигурки различных промысловых зверей и птиц, в большинстве случаев удивительно верно схватывая их позы, часто гораздо вернее, чем мы видим изображения в каком-нибудь специальном труде или руководстве по зоологии. Все такие фигурки алеут делает, не считаясь с затраченным временем и со всеми доступными ему старанием, тщательностью и изяществом» [Редько 1927: 91].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

420.
Сцена охоты на каланов № 337–17/3.
Материал: моржовая кость, краска.
Размеры: длина 13,7 см, ширина 7 см, высота 2,8 см.
Собиратель: П.П. Дорошин. 1848–1853 гг., селение Бельковское, п-ов Аляска.

Эта скульптурная группа представляет сцену охоты на каланов из укрытия. О таком способе охоты Ф.П. Врангель писал: *«Отважнейшие промышленники лисьевских алеутов добывают бобров* (каланов. — *С.К.) и зимою из ружья или дубиной. В самые жестокие бури выползает бобр на берег какого-либо необитаемого островка, свертывается в кольцо, как собака, и спит. Два алеута отправляются в двух однолючных байдарках к таковому им уже известному острову или отдельному камню в самую бурю. <…> Теперь промышленник подкрадывается с подветра* (с подветренной стороны. — *С.К.) к бобру и застреливает его»* [Врангель 1979: 145].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

421–422.
Фигурки каланов № 2938–6, 7.
Материал: моржовая кость, краска.
Размеры:
№ 2938–6: высота 17 см, ширина 5,8 см, толщина 3,8 см.
№ 2938–7: высота 7 см, ширина 2,1 см, толщина 1,8 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., Андреяновские острова.

О каланах зоолог И.И. Барабаш-Никифоров писал: *«Матка лежит на воде брюхом вверх, держа детеныша у себя на груди передними лапами. По временам она поворачивает его из стороны в сторону, плещет на него водой, умывает, лижет. Все ее движения и повадки настолько напоминают человеческие, что, наблюдая их, понимаешь, почему алеуты в своих легендах приписывают бобрам* (каланам. — *С.К.) происхождение от человека»* [Барабаш-Никифоров 1934: 49].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

423.
Фигурка калана № 2938–8.
Материал: моржовая кость, краска.
Размеры: высота 5,5 см, ширина 1,2 см, толщина 1,5 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

В легенде о происхождении каланов говорится: *«У одного знатного алеута было двое детей, сын — уже ловкий и искусный промышленник и красавица-дочка — еще подросток. Когда девушка достаточно выросла, по обычаю ее заперли в отдельной юрте, куда к ней могла приходить только ее служанка. Ночью к ней пришел какой-то молодой человек и просил ее отдаться ему, но, получив отказ, овладел ею силою. Когда он вылезал из юрты, девушка схватила нож и перерезала ему сухожилия на ногах. Наутро она узнала, что ее брат, ходивший на охоту, упал с утеса, порезал о скалы себе ноги и разбился насмерть.*

Девушка, догадавшись, кто у нее был ночью, обезумела, надела свои лучшие одежды, разукрасилась и пошла в юрту, где лежал покойник и где горевали все родственники; там она разорвала спереди на себе одежду и, распахнув ее, стала подходить к брату с пением заклинания, в котором приказывала ему встать. <…> Он вскочил и стал обнимать свою сестру. Последняя, чтобы спастись от объятий брата, бросилась убегать, а он погнался за ней. Добежав до обрывистого берега и видя, что брат ее нагоняет, она бросилась в море, а за ней устремился и ее преследователь. Прибежавшие люди увидели, как в море, взамен брата и сестры, появились два бобра. С того времени и появились бобры в море» [Редько 1927: 86–87].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

424–427.
Фигурки каланов № 4507–11, 14, 15, 16.
Материал: моржовая кость, краска.
Размеры:
№ 4507–11: длина 12 см, ширина 4 см, толщина 2,4 см.
№ 4507–14: длина 8 см, ширина 1,5 см, толщина 1,4 см.
№ 4507–15: длина 6 см, ширина 2,1 см, толщина 1,7 см.
№ 4507–16: длина 5,8 см, ширина 1,1 см, толщина 1,5 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

О ремесленных изделиях алеутов Командорских островов И.И. Барабаш-Никифоров сообщает: *«Среди алеутов есть много обладающих художественными способностями. Особенно хорошо дается алеутам резьба. Материалам для этого искусства служили раньше моржовые клыки. <...>*

У меня есть вырезанный из дерева морской бобр — подарок одного из алеутов. Эта работа поражает правдивостью передачи позы морского бобра, лежащего на воде и поедающего морского ежа» [Барабаш-Никифоров 1934а: 36].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

428–430.
Фигурки морских котиков № 2937–25, 26, 27.
Материал: моржовая кость, краска.
Размеры:
№ 2937–25: длина 8,3 см, ширина 6,4 см, высота 5,4 см.
№ 2937–26: длина 6,3 см, ширина 3,4 см, высота 3,7 см.
№ 2937–27: длина 5,7 см, ширина 3 см, высота 3,2 см.
Собиратель: передал А.Ф. Миддендорф в 1847 г., собиратель И.Г. Вознесенский. 1843–1844 гг., Алеутские острова.

Морской котик имел большое значение в хозяйстве алеутов. И.И. Барабаш-Никифоров сообщает: *«Котиковый промысел производится со времени заполнения лежбищ. Цепь промышленников, идя вдоль самой прибойной полосы, стремится отрезать намеченной группе молодых самцов, лежащих на берегу, путь отступления к морю. Когда это достигнуто, котики небольшими партиями перегоняются на особые убойные площадки, где и производится их убой при помощи дубинок — "дрыгалок"»* [Барабаш-Никифоров 1934а: 69].

431.
Нижняя часть от фигурки кита № 2937–16.
Материал: кость.
Размеры: длина 4,6 см, ширина 1,3 см, диаметр 1,9 см.
Собиратель: вероятно, И.Г. Вознесенский. 1843 г., Андреяновские острова.

Э.Л. Блашке отметил, что в 30-е годы XIX в. фигурки из моржовой кости были объектами дарения: *«Когда мы приближались к селению, все жители выходили на берег и кланялись нам. Каждый приносил мне какой-нибудь подарок: мужчины — стрелы, вещи, вырезанные из моржовой кости, минералы и т.п., женщины — шнурки из китовых жил, вещи, выплетенные из травы, кишечные чехлы на фуражки и пр. <…> Неприятие их приношений считают они презрением и обижаются этим»* [Блашке 1848: 123].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

432.
Фигурка кита № 2937–61.
Материал: кость.
Размеры: длина 3,1 см, ширина 1 см.
Собиратель: вероятно, И.Г. Вознесенский. 1843 г., Андреяновские острова.

Фигурка представляет малого полосатика — кита, который являлся основным объектом охоты алеутов.

В 1823 г. В.Н. Берх писал: *«Я видел у одного сибирского старожила изображения идолов, зверей и людей из мамонтовой кости, алеутами сделанные, которые меня весьма удивили и заставили заключить, что алеуты были прежде не то, что они теперь»* [Берх 1823: 30].

433.
Фигурка кита № 4507–17.
Материал: моржовая кость, краска.
Размеры: длина 8,6 см, ширина 3,2 см, высота 3,2 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Это символическое изображение кита. По форме головы он похож на кашалота, но у кашалота нет громадного спинного плавника, изображенного на этой фигурке. Фигурка представляет собой комбинированное изображение кашалота и касатки.

434.
Фигурка кита № 4507–23.
Материал: моржовая кость, краска.
Размеры: длина 24 см, ширина 4,7 см, толщина 3,6 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Аляска.

Нет точных сведений о том, что эта фигурка кита является изделием алеутов. Она может быть изделием либо алеутов, либо эскимосов Аляски.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

435.
Фигурка, изображающая двух птиц, № 2937–14.
Материал: моржовая кость, краска.
Размеры: высота 5,9 см, ширина 2,5 см, ширина профиля 2,4 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Фигурка представляет двух петухов, сидящих на жерди. Куры и петухи в качестве домашней птицы были завезены русскими на Алеутские острова на рубеже XVIII–XIX веков. Алеуты использовали разноцветные перья петухов для украшения головных уборов, одежды и сумочек.

Э.Л. Блашке, совершивший поездку по Алеутским островам в 1838 г., писал: *«Прибыв в какое-нибудь селение, я был снабжаем в большом количестве рыбой, свежим и соленым китовым и сивучьим мясом, иногда даже курами. Что касается до кур, которые, как и все в колониях, принадлежат к ихтиофагам (рыбоедам), то они, равно как и яйца, вследствие этой пищи до того пахнут рыбьим жиром, что непривыкший к этому вкусу не может вовсе их есть»* [Блашке 1848: 122].

436.
Гравированная пластина № 2938–19.
Материал: кость, краска.
Размеры: длина 8,8 см, ширина 1,7 см.
Собиратель: передал А.Ф. Миддендорф в 1847 г., собиратель И.Г. Вознесенский. 1843–1844 гг., Аляска.

Назначение и этническая принадлежность этой пластины точно не установлены. Вероятно, она является изделием алеутов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

437.
Футляр для бритвы № 633–26.
Материал: моржовая кость, краска, железо, сухожилия.
Размеры: длина 24 см, ширина 5,2 см, высота 5,5 см.
Собиратель: И.И. Сизов. Первая четверть XIX в., Лисьи острова.

Этот футляр использовался для хранения бритвенных принадлежностей русского производства: металлической бритвы с рукоятью, точильного бруска и кисточки.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

438.
Футляр для бритвы № 633–27.
Материал: моржовая кость, краска.
Размеры: длина 23,5 см, ширина 5,6 см, высота 4,8 см.
Собиратель: И.И. Сизов. Первая четверть XIX в., Лисьи острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ, ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Одежда алеутов делилась на повседневно-промысловую и праздничную. Мужская и женская одежда существенно не различались. Алеуты носили парки — прямые длинные рубахи глухого покроя, которые шили из шкур морских животных или из шкурок водоплавающих птиц. Меховые парки в холодную погоду надевали мехом вовнутрь, парки из птичьих шкурок носили перьями наружу. Дождь стекал по перьям парки, а человек оставался сухим. В отличие от эскимосской повседневной одежды, парки алеутов шили без капюшонов. Выезжая в море, охотник поверх парки надевал непромокаемую камлейку. Камлейки делали из кишок морских животных, они имели капюшон. Садясь в байдарку, охотник обтягивал подол камлейки вокруг люка байдарки, затягивал шнурами ее рукава и капюшон.

На голове охотник носил сильно выступающий вперед деревянный козырек или шляпу-козырек. Такие головные уборы защищали глаза от морских брызг и солнечных лучей, которые отражались на воде. Эти головные уборы являлись одним из атрибутов социального статуса охотника. Конусообразные шляпы закрытого типа использовали только вожди и старейшины, на изготовление такого головного убора уходило несколько месяцев, и ценились такие шляпы очень дорого. Простые общинники носили деревянные козырьки с открытой верхней частью. Существует мнение, что в повседневной жизни алеуты не использовали обуви и головных уборов. Это верно в отношении летней одежды алеутов острова Уналашка. Как письменные источники, так и этнографические коллекции свидетельствуют о том, что у алеутов западной и центральной частей Алеутских островов был весь комплекс зимней одежды, состоящий из меховых головных уборов, «шарфов» из полосок меха, парок из шкур калана, рукавиц, коротких штанов и высоких сапог. Также необходимо отметить, что в XVIII в. у алеутов существовал сходный с юпик тип мужской прически, когда волосы обрезали вокруг головы «под горшок» и выбривали макушку.

Отдельные элементы алеутского костюма являлись выражением статуса его владельца, поэтому остановимся на социальной организации алеутов. В XVIII в. алеутское общество делилось на вождей и шаманов, простых общинников, рабов. Каждое селение возглавлял вождь, во главе нескольких селений находился «племенной» вождь. Алеуты разделялись на следующие территориальные группы, или «племена»: каган таягунгин — жители островов от Унги до Унимака; унимгин населяли остров Унимак; кикигун населяли острова Креницына; кагулянгин — жители острова Уналашка и Умнака; акуган — жители Четырехсопочных островов; нигугин — жители острова Атка; кагун — жители Крысьих островов. Без согласия «племенного» вождя вожди отдельных селений не могли не только предпринимать военные походы, но даже начинать ежегодный лов лососевых, охоту на китов и другие важные промыслы. Простые общинники составляли основную часть алеутского общества. Рабами становились военнопленные и малолетние сироты, которые не могли самостоятельно заниматься охотой. Рабами владели в основном вожди, так как они получали бóльшую часть добычи от эксплуатации охотничьих угодий. Раб находился в полной зависимости от хозяина, его можно было убить, также рабы являлись меновой единицей. Стоимость байдарок, парок, каменных ножей и т.д. определялась по количеству рабов. Раб ничем владеть не мог, все, что он добывал путем охоты и рыболовства, становилось собственностью его хозяина. Под влиянием европейской колонизации вожди постепенно потеряли свои функции и уже в конце XVIII в. превратились в низшее звено местной администрации — старшин селений и руководителей промыслов.

Ниже приводятся цитаты из письменных источников XVIII–XIX вв., в которых не только приведено описание традиционной одежды и украшений алеутов, но и сообщаются сведения о некоторых элементах их костюма — меховых штанах и плетеных накидках, которых нет в собрании МАЭ.

Мужская одежда

«Платье имеют и носят парки, шитые из <...> птичьих кож, птицы урилы называемой. Обувь из горла сиучева, а подошвы из сиучьевых ластов. А когда в зимнее время очень студено покажется, то сверх того птичьего платья одеваются плетеными из травы одеялами» [Черепанов 1948: 117].

«На теле у некоторых мужчин надета сначала старая рубашка-парка из птичьих шкур, большей частью чистика, перьями внутрь; воротник окрашен красной краской. Поверх носят подобной формы рубашку, сшитую из кишок морских животных, с капюшоном и без него» [Мерк 1978: 65].

«Зимой, когда они идут вдаль пешком, надевают длинные и короткие штаны из выделанных кож нерпичьих и носят худо сделанные чулки из горла (пищевода. — *С.К.) сивучьего, к которым*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

пришивают подошву из нерпичьей кожи, и таковые чулки у них подвязываются около колена. Женщины штанов не носят и никуда не ездят вдаль на байдарках, а только надобность есть навестить своих подруг, тогда они ложатся в байдаре, а веслом управляет мужчина. Прежде сего мужчины носили парки из бобрового меха, также из котика, а хотя лисиц довольно на острове, однако жители никогда лисьих мехов на платье свое не употребляют по причине дурного запаха» [Биллингс 1978: 45].

«У мужчин штаны из выделанной тюленьей кожи — Chochik. Они спускаются немного ниже колен, и до них доходят сапоги из шейной кожи морских котиков. Сапоги — Katschityk — легко натягиваются на ногу» [Мерк 1978: 65].

Женская одежда

«Прежде сего женское платье состояло из бобровой парки, украшенной по всем швам полосками бобровыми же, между которыми висели носики морских попугаев. <...> Женская парка имеет толстый прямой воротник вышиною в два вершка с четвертью, который плотно вышит малым стеклянным бисером белого цвета, между которым из разноцветного бисера же выведены рисунки без всякого правильного начертания» [Биллингс 1978: 45].

«Женское простое, или будничное, платье одинакового покрою с мужским, только шьется не из птичьих, но из котовых (морского котика. — *С.К.*) *кож. Воротник бывает обыкновенно стоячий, в ладонь шириною и унизан весь бисером, разными узорами. К передней части воротника пришивают несколько длинных, нанизанных бисером и корольками ниток, которые висят по платью. Подол парки и концы рукавов обложены подзором. Нарядное платье такое ж, только на нем больше бисеру, поперек рядами пришита козья шерсть и обвешано кругом корольками, топорковыми носиками и ремешками»* [Сарычев 1952: 140].

«Одежду женщин составляет парка, длиной до ступней, из шкур молодых котиков — Kagduk, шерстью наружу, с круглым, твердо стоящим воротником — Itchaschik; ее рукава спереди заканчиваются широкой обшивкой из того же меха, шерсть которого они коротко подрезывают женским ножом вдоль длины обшивки — получаются полосы, похожие на бархат. Эта обшивка оторочена полоской из меха морских котиков — Chaptschidak. Внизу парка имеет такую же оторочку. Воротник большей частью украшен чередующимися рядами белого и синего бисера, а поперек посажены еще отдельные бисерины в виде крестиков красного цвета. Спереди от воротника спускаются двух дюймов или несколько длиннее три или четыре ряда подвесок из белого бисера, в которые вплетены также трубочки из янтаря толщиной в ствол пера. Янтарь — Saedak — они выменивают у жителей острова Кадьяк. От плеча до локтя, а иногда и до самой кисти на рукава парки нашиты в один ряд узкие ремешки — Akadak, расположенные вертикально на некотором расстоянии друг от друга» [Мерк 1978: 65–66].

Украшения

«На головах мужики волосы спереди, а другие (волосы. — *С.К.*) *и кругом подрезывают, наверху вырезывают догола кружочками; бабы спереди волосы на головах подрезывать же, а назади* (на затылке. — *С.К.*) *вяжут пучки, а когда в печали — распускают»* [Соловьев 1948: 168].

«Молодые мужчины носят просунутое через носовую перегородку кольцо, на котором некоторые имеют еще и бисер; на ушах носят одну или несколько подвесок из бисера; под нижней губой носят зубоподобный стержень, который они с легкостью могут выдавливать и опять вставлять языком» [Мерк 1978: 65].

«Женщины, желая украшаться, чрезвычайно себя безобразят, и все одинаковым образом. Они накалывают и натирают углем на щеках, от нижней части носа к середине ушей, по две дорожки, а от нижней губы к подбородку — по одной широкой полосе, которые, когда зарастут, получают синеватый цвет. В носовой мякоти под хрящом прокалывают они дыру, в которой носят род длинных серег, кои состоят из четырех ниток, нанизанных бисером, кораллами и янтарем. Бисер получают они от русских, а кораллы и янтарь достают от американцев с мыса Аляски и почитают как то, так и другое драгоценностью. Под губами прокалывают две дыры

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

и вставляют в них по одной длинной косточке. К ушам вокруг пришивают нитками из жил голубой и белый бисер» [Сарычев 1952: 141].

«В 1896 г. на о. Медном умерла алеутка с о. Урупа, которая носила бусы, продетые через ноздрю, а подбородок был татуирован изображением байдарки с сидящими в ней гребцами» [Кулагин 1927: 195].

«На запястьях и на голеностопных суставах носят они (алеутки. — *С.К.*) *ленты из чернова-тых шкур молодых морских котиков, которые унизаны бисером — Tamigi — или соединены им же. Вокруг шеи подобная же лента, на которой спереди висит бисерина. В носу носят некоторые из женщин короткий закругленный кусочек алебастра или кость, от которой спереди с обеих сторон свисают три ряда низок бисера в два дюйма длиной. Прорез в носовой перегородке широкий, потому что при вставлении пропускают они совершенно свободно три ряда бисера. Ухо спереди вокруг украшено большей частью круглым же венчиком из бисера.*

С обеих сторон нижней губы помещают они заостренный клык моржа удлиненной формы — Knighi, расположенный несколько поперек. Их черные волосы несколько до бровей подрезаны челкой, сзади они загнуты снизу и в середине завязаны лентой из тюленьей кожи или вместо этого обернуты травой; сверху они также связаны на некотором протяжении шнуром из узкого ремня, а затем свисают свободно. Эта прическа называется Takkak. На лице татуированы они различным образом черной краской на подбородке или от носа поперек к щекам» [Мерк 1978: 66–67].

«На шее, на руках и даже на ногах они носили разной формы ожерелья, которые делались из разноцветных каменьев (и особенно янтаря) и косточек. Все таковые украшения женщин, и особенно шейные ожерелья, у некоторых бывали очень дороги; нередко удальцы с большим трудом и даже с опасностью для жизни предпринимали путь в дальние страны (они бывали даже до Кенаев и Чугач) для того только, чтобы достать куплею или храбростью сукли или что-либо подобное для своих возлюбленных. Из военной добычи таковые украшения предпочитались всему и доставались всегда храбрецам и предводителю» [Вениаминов 1840, ч. II: 112–113].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

439.
Шляпа-козырек № 2868–44.
Материал: дерево, краска, ус сивуча, моржовая кость, бусы, волос, сухожилия.
Размеры: длина с усом 88 см, длина 42,5 см, ширина 22,5 см, высота 24,5 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., о. Унимак или п-ов Аляска.

Л. Блэк считала эту шляпу-козырек изделием эскимосов о. Кадьяк [Black 1991: 69]. Она ссылается на мнение французского исследователя А.Л. Пинара, который посетил Кунсткамеру в 1873 году. Сведения об ее этнической принадлежности А.Л. Пинар получил от сотрудников музея. К этой шляпе есть музейная этикетка 40-х гг. XIX в., на которой написано, что она принадлежит эскимосам о. Кадьяк. Однако по технике изготовления, раскраске и украшениям она не имеет существенных отличий от других алеутских шляп-козырьков. Наоборот, по цветовой гамме и орнаменту она сходна со шляпами № 2868–42 и 2868–84. На фото этой шляпы, сделанном в 1873 г., видна фигурка птички на верхней части костяной пластины, закрывающей задний шов. В настоящее время эта фигурка отсутствует.

Художник М.Т. Тиханов в 1818 г. сделал акварельный рисунок алеутского вождя в шляпе-козырьке подобного типа. В подписи под его акварелью написано: «Житель острова Унимак по имени Умасих, а в крещении Василий» [Головнин 1965: 144; Ray 1981: 92; Unangam 1990: 248]. В книге «На стыке континентов» этот рисунок воспроизведен с подписью, относящейся к другой акварели М.Т. Тиханова [Crossroads 1988: 104–105].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

440.
Шляпа-козырек № 2868–42.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, ус сивуча, волос, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина с усом 97 см, длина 44,5 см, ширина 23 см, высота 24 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., о. Унимак или п-ов Аляска.

Изготовление конусообразных деревянных шляп-козырьков требовало длительного времени и редких на Алеутских островах материалов, поэтому ценились они высоко. Для изготовления шляпы из нижней части дерева вытачивали пластину, которую распаривали и придавали ей форму шляпы или козырька. Место соединения заготовки связывали жильными нитями. Затем головной убор разрисовывали и украшали костяными пластинами, резными фигурками и усом сивуча. Деревянные шляпы символизировали голову животного или птицы. Такой головной убор мог носить только вождь, простые охотники использовали козырьки с открытой верхней частью.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

О деревянных головных уборах алеутов натуралист К.Г. Мерк писал: *«Их дощатые шляпы — Tscnachudak. Дощечки парят сначала камнями, чтобы они размякли для сгибания. В отдельных случаях носят алеуты шляпы, имеющие форму замкнутого конуса, который спереди несколько вытянут. Оба вида шляп обсаживают щетиной усов морских львов — Ingbak. Также нравятся им для этого перья из хвоста наших петухов. Спереди для украшения имеются на них большей частью фигурки, похожие на морских животных и людей — Kadaung, вырезанные из клыков моржей, и фигурки, похожие на птичий клюв, — Tumhadat. Шляпы окрашивают в разные цвета, чаще вокруг, подобно полосатой ленте. Из красок пользуются черной — Kartschichtyschk, которую получают с Аляски; белой — Schwak; зеленой — Tschidgajak; красной — Olodak; желтой — охровой коры — Akungak и Badaraguak, которая покрывает дно некоторых прудов и ручьев. Эти виды находятся на Уналашке. Зеленый и черный стирают в синюю краску — Unukugtak (двухцветный). Чтобы покрыть шляпу этими красками, царапают они себе в носу до крови, и эта кровь служит в качестве связывающего средства, когда они стирают краски с водой на камнях»* [Мерк 1978: 83].

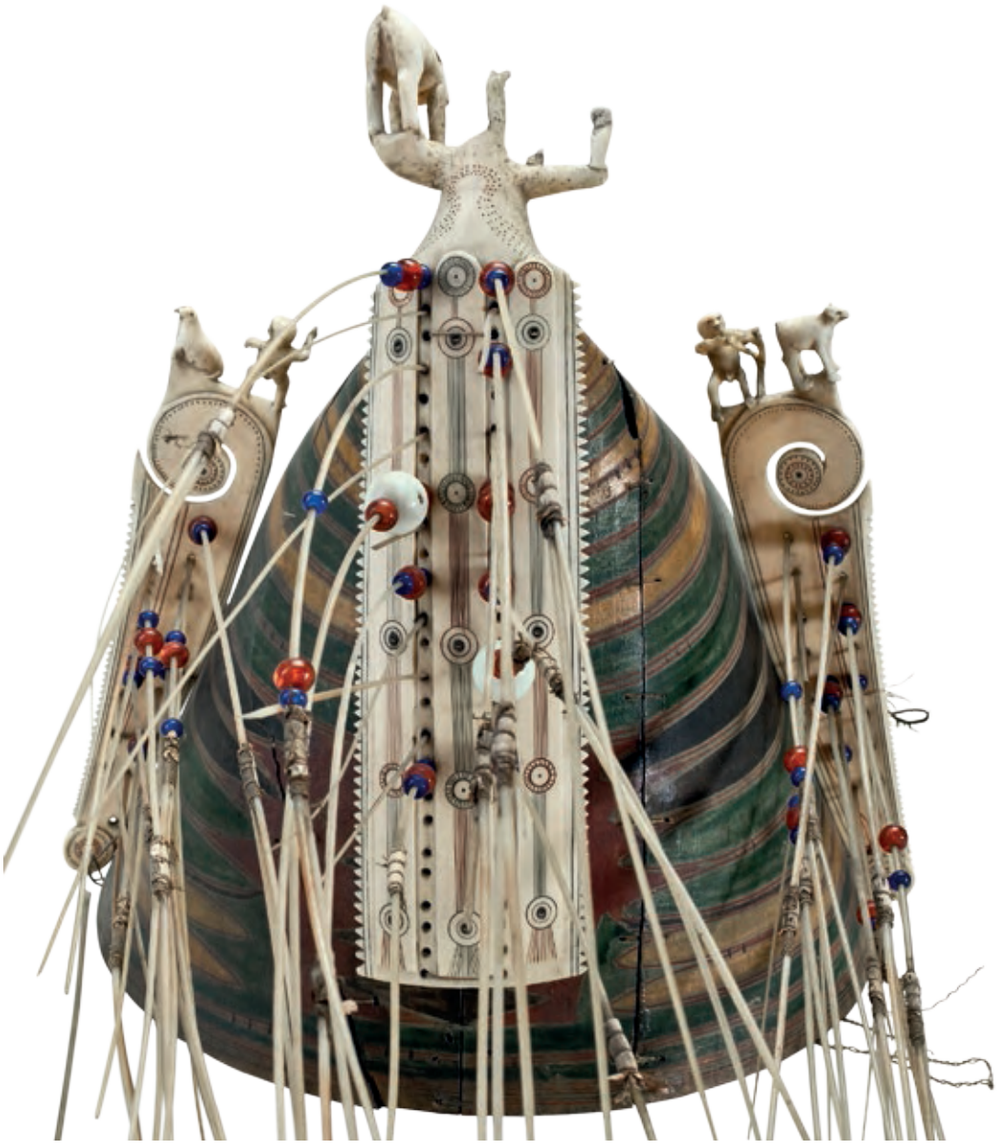
Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

441.
Шляпа-козырек № 2868–84.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, бусы, ус сивуча, сухожилия.
Размеры: длина с усом 91 см, длина 44 см, ширина 22,5 см, высота 25,5 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., о. Унимак или п-ов Аляска.

Особенностью этой шляпы является изящная резьба на костяных пластинах. На боковых пластинах изображены сцены охоты на оленя и забоя морского котика дубинкой. На пластине, закрывающей место соединения деревянной основы шляпы, полностью сохранилась только фигура оленя. В районе расселения алеутов олени водились на островах Унимак, Унга и на полуострове Аляска. Вероятно, к изделиям алеутов этого района и относится настоящая шляпа.

Вывод Л. Блэк о том, что шляпы, к которым прикреплены костяные пластины с фигурками оленей, являются изделиями тихоокеанских эскимосов [Black 1991: 74, 153], ошибочен. При изучении самих шляп, а не их фотографий видно, что не существует принципиальных отличий между шляпами с фигурками животных (№ 2868–84, 80) и другими алеутскими шляпами.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН



Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

442.
Шляпа-козырек № 2868–80.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, сухожилия.
Размеры: длина 46 см, ширина 22 см, высота 24 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., о. Унимак или п-ов Аляска.

На левой боковой пластине этой шляпы вырезана фигурка калана, на правой пластине фигурка отсутствует. Шляпы-козырьки № 2868–44, 84, 42, 80 имеют одинаковую форму и минимальную разницу в размерах. Настоящая шляпа отличается от шляп № 2868–44, 84, 42 только цветовой гаммой. Преобладание в раскраске коричневых оттенков характерно и для других алеутских шляп (№ 2868–38, 40; 4291–14).

Алеутские шляпы с боковыми пластинами, в верхней части которых вырезаны фигурки животных, а не птиц, также имеются в американском Музее археологии и этнологии им. Дж. Пибоди при Гарвардском университете и в Британском музее [Black 1991: 68, 88; King 1981: Plate 14].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

443.
Шляпа-козырек № 563–1.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, бусы, бисер, ус сивуча, перья, сухожилия.
Размеры: длина с усом 91 см, длина 43,5 см, ширина 22 см, высота 23 см.
Собиратель: К.Т. Хлебников. 1825–1829 гг., вероятно, Шумагинские острова.

Эту шляпу К.Т. Хлебников мог получить во время одной из инспекторских поездок по Алеутским островам. По богатству росписи и убранства она принадлежала влиятельному вождю и была дорогим подарком. Настоящая шляпа-козырек отличается от других сочетанием стилизованного и зооантропоморфного узоров. На ее поверхности есть изображения морских животных, птиц и сцена охоты на каланов. На боковой стороне нарисован охотник с луком и стрелами, стреляющий в оленя. Как отмечалось, олени обитали на островах Унимак, Унга и на полуострове Аляска. Вероятно, к изделиям алеутов этого района и принадлежит данная шляпа. Ее боковые пластины и пластины шляпы № 2868–44 относятся к одному типу. Правая боковая пластина имела вверху навершие круглой формы, которое в настоящее время отсутствует. В целом виде эта пластина изображена в музейном альбоме, изданном в 1973 г. [Ганюшкина, Разумовская, Шаврина 1973: Фото 12].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

444.
Шляпа-козырек (сагуяк) № 2868–37.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, металл, бусы, янтарь, ус сивуча, волос, сухожилия.
Размеры: длина с усом 86 см, длина 45 см, ширина 22,5 см, высота 24,5 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1840 г., вероятно, Шумагинские острова.

Назначение алеутских шляп-козырьков многофункционально: защита лица от морских брызг и слепящего солнца, свидетельство охотничьего мастерства и социального статуса владельца шляпы, гарантия удачи в промысле и оберег. Обеспечению последних функций способствовали орнамент и украшения головного убора. На данной шляпе украшения включают костяную пластину, закрывающую задний шов, в верхней части которой вырезана фигурка орла, маленькую боковую пластинку для завязок, усы сивуча с голубыми бусинами, продетыми сквозь них, и отдельную связку бусин, центральная из которых сделана из янтаря.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Если смотреть на эту шляпу сверху, то видно, что, как и на предыдущей шляпе (№ 563–1), ее раскраска представляет антропоморфную личину. В верхней части две желтые горизонтальные полосы изображают лоб, ниже нарисованы белые глаза с маленькими зрачками в виде завитков с желтой точкой. Нос изображает широкая полоса желтого цвета, ниже изображены зубы, расположенные внутри двух узких полосок белого цвета, прорисованных на черном фоне. Тот факт, что стилизованные узоры на переднем склоне многих алеутских шляп являются изображениями «лиц» духов, подтверждается рисунком на шляпе из собрания Российского этнографического музея [Gorbatcheva, Fedorova 2008: 113]. На этой шляпе нарисовано не стилизованное, а антропоморфное изображение «лица» духа.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

445.
Шляпа-козырек № 6708–5.
Материал: дерево, краска, кожа, сухожилия.
Размеры: длина 43 см, ширина 22,5 см, высота 20,5 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., о. Уналашка.

По яркой раскраске и цветочно-растительному орнаменту эта шляпа сходна со шляпами № 2868–82, 41, 106. От других алеутских шляп-козырьков она отличается наиболее реалистичным изображением цветов и листьев. Узоры в форме цветов находятся на обратной стороне шляпы, в двух боковых розетках и в четырех розетках на переднем склоне этого головного убора. Возможно, что реалистическое изображение цветов появилось благодаря русскому влиянию. В целом орнамент этой шляпы можно рассматривать как изображение «лица» духа — верхние «розетки» представляют его глаза, а нижние — ноздри.

Вероятно, как и шляпы-козырьки из собрания И.Г. Вознесенского, она датируется 40-ми годами XIX в.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

446.
Шляпа-козырек № 2868–82.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, бусы, бисер, ус сивуча, волос, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина с усом 95 см, длина 47 см, ширина 22 см, высота 23 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1840–1844 гг., о. Уналашка.

Стилизованный узор на передней поверхности шляпы представляет антропоморфную «личину». Вверху она ограничена горизонтальной полосой черного цвета, ниже которой изображены глаза в виде двух розеток, обведенных черной краской. Нос прорисован в нижней части козырька в виде двух розеток с черными точками внутри них, которые символизируют ноздри. Ниже носа нарисованы губы в виде двух широких полос, верхняя из них окрашена в ярко-красный цвет, а нижняя — в розовый. С боковых сторон шляпа украшена цветочным орнаментом. Фигурка птички, судя по изогнутой форме клюва, является изображением орла.

Шляпа-козырек с аналогичным орнаментом из сборов И.Г. Вознесенского находится на хранении в Национальном музее Финляндии [Varjola et al. 1990: 174]. И.Г. Вознесенский был собирателем основной части коллекции, которая сейчас известна как собрание А.К. Этолина [Корсун 2006: 68–73].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

447.
Шляпа-козырек (сагуяк) № 2868–41.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, бусы, ус сивуча, волос, хлопчатобумажные и шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина с усом 98 см, длина 46,5 см, ширина 21,5 см, высота 26 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1840 г., о. Уналашка.

Стилизованный рисунок на передней поверхности этой шляпы можно трактовать как изображение «личины» духа. Две верхние цветочные розетки изображают глаза, нижняя розетка символизирует его нос.

Еще одна шляпа этого типа из сборов И.Г. Вознесенского находится на хранении в Национальном музее Финляндии [Varjola et al. 1990: 173]. Алеутские шляпы из Национального музея Финляндии имеют хорошую сохранность, поэтому они дают представление о раскраске и некоторых деталях, отсутствующих на аналогичных шляпах из собрания МАЭ (№ 2868–82, 41).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

448.
Шляпа-козырек № 536–13.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, бусы, ус сивуча, сухожилия.
Размеры: длина с усом 94 см, длина 40 см, ширина 21 см, высота 23 см.
Собиратель: Ю.Ф. Лисянский. 1804–1805 гг., о. Уналашка.

Настоящая шляпа-козырек является самой старой из документированных шляп МАЭ. Сравним эту шляпу с козырьком № 2868–23 из собрания XVIII в., обратим внимание на особенности ее формы и раскраски, которые сходны с отдельными элементами козырька. Эта шляпа более короткая и зауженная в нижней части, чем другие алеутские шляпы музея. Ее нижний край не закрашен, вдоль края прочерчена узкая полоса черного цвета. Раскрашенные горизонтальные полосы шире, чем на более поздних шляпах алеутов о. Уналашка, в окраске присутствует темно-зеленый цвет. Эти детали свидетельствуют о сходстве настоящей шляпы и козырька № 2868–23.

Верхняя часть пластины, закрывающая место соединения деревянной основы шляпы, украшена фигурками топорка и ары. Боковые пластины сходны по форме с пластиной на шляпе-козырьке № 2868–83.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

449.
Козырек № 2868–23.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, ус сивуча, волос, сухожилия.
Размеры: длина 33,5 см, ширина 21 см, высота 10 см, высота с фигуркой 11 см.
Фигурка: длина 3,4 см, ширина 1,6 см, толщина 1,2 см.
Собиратель: неизвестен. XVIII в., о-ва Умнак или Уналашка.

Козырек был необходимой частью снаряжения охотника во время плавания в байдарке. Он защищал глаза от морских брызг и отражающихся на воде солнечных бликов. Если шляпы-козырьки использовали только вожди и старейшины, то деревянный козырек надевал любой мужчина поверх капюшона камлейки при выезде на морскую охоту. Этот козырек поступил в Кунсткамеру до 1772 г., до этого периода в музей поступали деревянные головные уборы только жителей Андреяновских островов, о. Умнака и Уналашки. Есть несколько рисунков М.Д. Левашова 1768 г., на которых схематично изображены деревянные козырьки алеутов о. Уналашка. На одном из рисунков бóльшая часть поверхности козырька закрашена в зеленый цвет [Флот... 1996: 116–117]. Также в пользу того, что настоящий козырек относится к изделиям алеутов о. Умнак или о. Уналашка, свидетельствует его антропоморфная фигурка. Л. Блэк называет такие образцы алеутской миниатюрной скульптуры фигурками «полого куба» [Black 1991: 40–41], что характерно для двух фигурок из музея Гёттингена [Siberia... 2007: 246–247; Die Grosse... 1996: 275]. Также в Британском музее имеются козырек с фигуркой «полого куба» и отдельная фигурка. Они были приобретены в 1778 г. на о. Уналашка участниками Третьей экспедиции Дж. Кука [Black 2003: 101].

Фигурки «полого куба» статичны и не передают движения. Они вырезаны в форме куба с возвышающейся головой без охотничьей шляпы. Их назначение состояло в том, чтобы служить вместилищем личного духа-хранителя, который помогал охотнику. Алеуты считали, что дух летел над водой, издали видел морских животных и направлял байдарку охотника к добыче. И.Е. Вениаминов писал о личных духах-хранителях: *«Но вообще все думали и верили, что души умерших или, как они называли, тени невидимо обитали между своими родными, сопутствуя им и на земле, и на море, и особенно с теми, кого они любили; и что они в состоянии были сделать всякое добро и зло; а потому живые призывали их в помощь в опасностях»* [Вениаминов 1840, ч. II: 127].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

450.
Шляпа-козырек № 2868–43.
Материал: дерево, краска, ткань, моржовая кость, ус сивуча, бусы, сухожилия.
Размеры: длина с усом 95 см, длина 43,5 см, ширина 22 см, высота 22 см.
Собиратель: А.П. Лазарев. 1823 г., о. Уналашка.

В культуре алеутов прослеживаются связи с эскимосами о. Кадьяк и юпик района Бристольского залива. Через культуру юпик Бристольского залива эти связи можно проследить с другими группами юпик Аляски и даже с азиатскими эскимосами. Самым ярким маркером культурных связей этих народов являются водные средства транспорта, орудия морской охоты и деревянные козырьки и шляпы-козырьки. По археологическим данным, деревянные шляпы и козырьки были в прошлом и у азиатских эскимосов [Арутюнов, Сергеев 1975: 136; Мир... 2007: 153]. В то же время они отсутствуют у соседей алеутов и юпик — атапасков, ияк, инуит на Аляске и у чукчей и коряков на Чукотке.

Об использовании шляп-козырьков Э.Л. Блашке писал: *«Алеуты носят еще деревянную шляпу, разрисованную и украшенную усами сивучей, для предохранения себя от солнца и морской воды»* [Блашке 1848: 118].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

451.
Шляпа-козырек № 4291–14.
Материал: дерево, краска, хлопчатобумажные нити.
Размеры: длина 40,5 см, ширина 21,5 см, высота 18,5 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XVIII–XIX вв., о. Уналашка.

К этой шляпе есть несколько этикеток, на одной из которых написано: *«Алеутская шапка из Уналашки»*, что позволяет отнести ее к изделиям алеутов о. Уналашка. По цветовой гамме она сходна со шляпами № 2868–38, 40. Возможно, что на переднем склоне этой шляпы изображен выныривающий из воды кит малый полосатик, на которого охотились алеуты о. Уналашки.

Э.Л. Блашке писал: *«Хорошие китоловы редки. Так как промысел этого рода требует большого искусства и отважности и составляет главнейший предмет пропитания, то лучшие китоловы в большом почете у своих товарищей»* [Блашке 1848: 164]. Соответственно отдельные предметы снаряжения охотников на китов, такие как настоящая шляпа, уже в XIX в. представляли большую редкость.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

452.
Шляпа-козырек № 2868–38.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, ус сивуча, бусы, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина с усом 60 см, длина 44,5 см, ширина 20,5 см, высота 21 см.
Собиратель: В.И. Кашеваров. 1830–1838 гг., вероятно, о. Уналашка.

«Мужчины носят над глазами деревянный тенник (шляпы-козырьки. — *С.К.*), *весьма искусно сделанный из дерева, тонко вырезанного, или из китового уса, расписанный разною краскою, и украшают сей род головного убора перьями и даже усами морского льва и бисером; сия шляпа весьма красива, особливо когда впереди бывают украшения из небольших фигурок, изображающих людей или животных, вырезанные из кости»* [Биллингс 1978: 46].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

453.
Шляпа-козырек № 4193–55.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, бусина, ус сивуча, сухожилия.
Размеры: длина 49 см, ширина 21 см, высота 22,5 см.
Собиратель: неизвестен. XVIII–XIX вв., о. Уналашка.

Эта шляпа-козырек отличается от других темной цветовой гаммой и узором из трех ромбов на переднем склоне. Узор в виде четырех ромбов изображен на козырьке № 4104–6 и в виде двух ромбов на весле № 2868–188. На шляпе сохранилась нижняя часть от одной боковой пластины, ее форма и резьба аналогичны форме и резьбе боковой пластины на шляпе № 2868–38. Л. Блэк считала эту шляпу-козырек изделием эскимосов о. Кадьяк [Black 1991: 90, 97]. По преобладанию черных, синих и коричневых тонов росписи она сходна со шляпой охотника на китов о. Уналашка (№ 2868–83) и с козырьком из коллекции участников экспедиции Дж. Кука [Black 1991: 57; King 1981: Plate 11–12], также относящихся к изделиям алеутов Уналашки.

Возможно, что нижний ромб представляет голову птицы, средний ромб — ее тело, слева и справа от которого изображены крылья. Нижняя половина следующего ромба символизирует хвост птицы.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

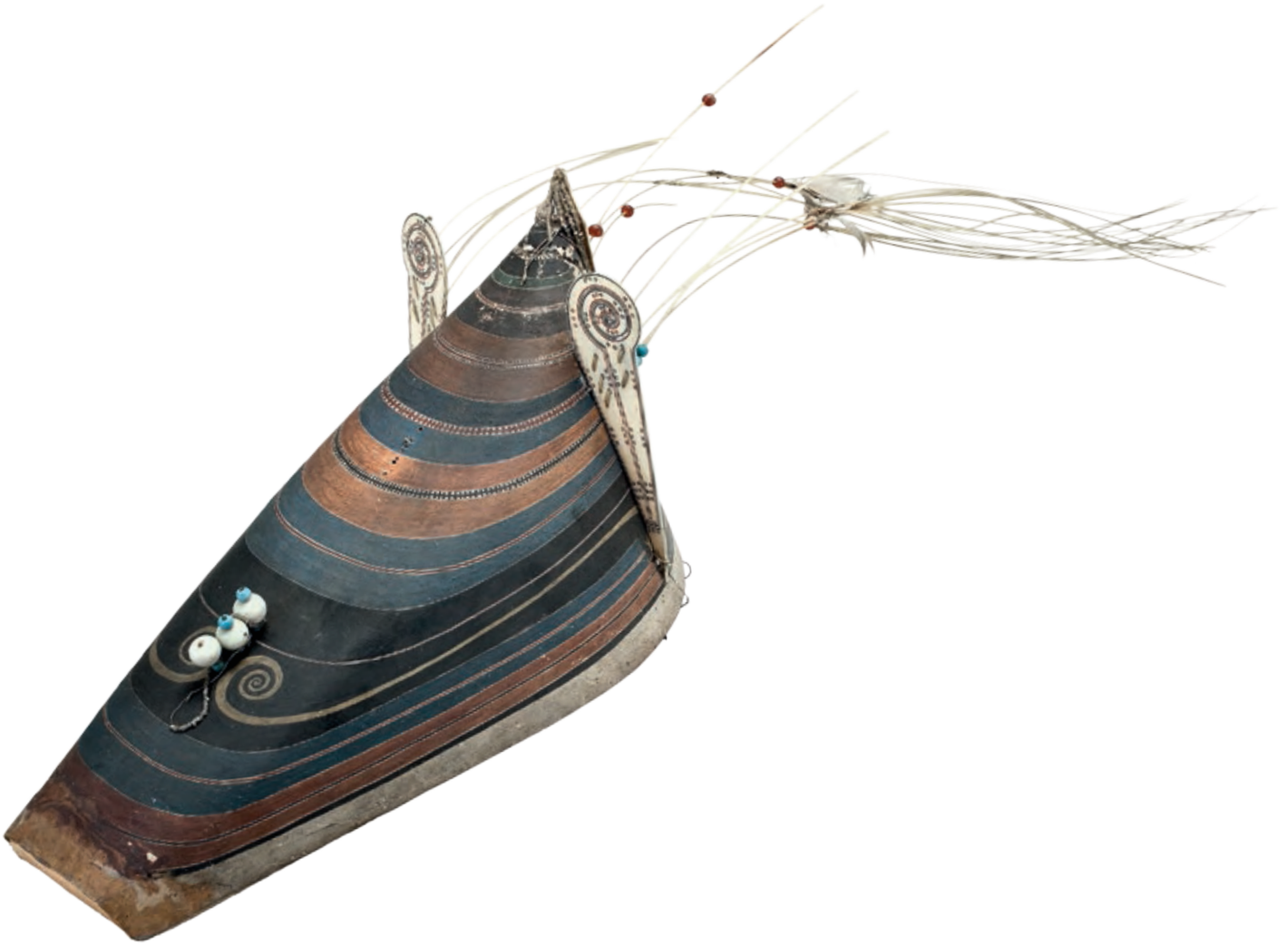
454.
Шляпа-козырек (сагуяк) № 2868–39.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, ус сивуча, перья, сухожилия.
Размеры: длина с усом 93 см, длина 37,5 см, ширина 20 см, высота 19,5 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1840 г., вероятно, Андреяновские острова.

«К числу одежд мужчин принадлежат деревянные шапки или фуражки, употребляемые только при поездках в байдарке. Шапки сии употребляются именно с той целью, чтобы предохранить глаза от брызг морской воды; они бывают двух видов: одни — глухие, а другие — с открытым верхом.

Первые делаются из корня какого-либо выброшенного морем пня и загибаются наподобие неправильной (эллиптической) воронки и потом раскрашиваются разными красками — продольными полосками — и украшаются сивучьими усами, корольками и резными костяными фигурками. Таковые шапки в прежнее время, т.е. когда они не имели нынешних (металлических. — *С.К.*) *орудий, были между ними большая редкость; только тоэны* (вожди. — *С.К.*) *и почетные могли иметь их, потому что лучшая шапка стоила от одного до трех калгов* (рабов. — *С.К.*)*»* [Вениаминов 1840, ч. II: 218].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН



455.
Шляпа-козырек № 4104–7.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, бусы, бисер, ус сивуча, олений волос, перья, сухожилия.
Размеры: длина с усом 94 см, длина 40 см, ширина 22 см, высота 21 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., вероятно, Андреяновские острова.

«Некоторые мужчины носят конические тонкие деревянные шляпы средней высоты. Такая шляпа делается из проваренной в воде еловой дощечки, чтобы сделать ее более гибкой; сзади соединяется суживающимися сторонами. Снаружи головные уборы выкрашены в зеленый, красный, белый, черный цвета. На каждой стороне изображено большей частью подобие глаза. Верхний край шляпы с одной стороны или по всей окружности широко обсажен щетиной усов морских львов. Куски щетины или прикреплены в одиночку, или их несколько соединено вместе, и они плотно прикреплены на значительном расстоянии друг от друга. Причем нижние концы щетины несколько срезаны. В этих щетинах иногда торчат отдельные бисерины или кораллы внизу, в середине и на макушке. Иногда украшают эти шляпы спереди еще фигурки, вырезанные из клыков моржей. В отдельных случаях сзади насажен пучок подрезанных перьев морских воронов, которые вырезаны в виде флага» [Мерк 1978: 65].

Эта шляпа-козырек и шляпа № 2868–39 сходны не только по росписи из горизонтальных полос и завитков, но и по форме и узору боковых пластин.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

456.
Шляпа-козырек № 2868–36.
Материал: дерево, краска, ус сивуча, моржовая кость, бусы, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина с усом 97 см, длина 39,5 см, ширина 22,5 см, высота 20,5 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., вероятно, Андреяновские острова.

Шляпы № 2868–39, 36 и 4104–7, 8 относятся к одному типу. По цветовой гамме наиболее похожи № 2868–36 и 4104–8, по узору из завитков объединяются шляпы № 2868–39, 36 и 4104–7. Эти завитки символизируют глаза духа. На шляпах алеутов восточной части архипелага глаза духов состоят из завитков, идущих сверху вниз, а на Андреяновских островах глаза изображают завитки, идущие снизу вверх.

Сравнительный анализ всего комплекса деревянных головных уборов алеутов из собрания МАЭ позволяет выделить ряд особенностей. Зеленый цвет был преобладающим в раскраске деревянных шляп-козырьков алеутов восточной части Алеутских островов и полуострова Аляска. Ширина горизонтальных полос на их шляпах больше, чем на изделиях алеутов других островов. В раскраске шляп алеутов Уналашки преобладают коричневые и красные тона, ширина полос на их шляпах меньше, чем на шляпах жителей о. Унимака. В изделиях алеутов Андреяновских островов преобладают темные и желто-оранжевые цвета. Горизонтальные полосы на передней поверхности их головных уборов имеют примерно одинаковую ширину, в то время как у алеутов Уналашки горизонтальные полосы верхних частей шляп более узкие, чем нижние полосы. Самые узкие горизонтальные полосы представлены на козырьке № 4270–11, который может быть изделием алеутов о. Атту.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

457.
Шляпа-козырек № 4104–8.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, бусы, ус сивуча, волос, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина с усом 65 см, длина 47 см, ширина 21,3 см, высота 24 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., вероятно, Андреяновские острова.

Возможно, что желтой краской на переднем склоне этой шляпы закрашена фигура птицы в полете (вид сверху). Одновременно эта же фигура символизирует нос, по боковым сторонам от которого изображены глаза в виде завитков, рот в виде белой узкой полоски на черном фоне прорисован ниже двух широких полос бледно-синего цвета. На правой боковой пластине вырезана фигурка алеутского сокола. Крылья и грудь фигурки украшены точечным орнаментом, который символизирует чередующиеся темные и светлые перья этой птицы.

«О перьях сокола они думают, что тот, у кого такие перья прикреплены снаружи каяка (байдарки. — *С.К.)*, *значительно счастливее в охоте на каланов. Однако только редко кто имеет такие перья, потому что, согласно их обычаям, они боятся убивать сокола. Они утверждают даже, что каланы не только не боятся таких украшенных перьями каяков, но даже очень близко к ним приближаются»* [Мерк 1978: 82].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

458.
Усы сивуча № 2868–79.
Материал: ус сивуча.
Размеры: длина 35 см, диаметр 1,5 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Уналашка.

Усы сивуча использовались для украшений охотничьих головных уборов — козырьков и шляп-козырьков. Сивуч имеет только четыре длинных уса, поэтому чем больше их было на шляпе, тем удачливее на охоте был ее обладатель.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

459–461.
Пластины-накладки от шляп-козырьков № 2937–63, 64, 65.
Материал: моржовая кость, краска.
Размеры:
№ 2937–63: длина 19,5 см, ширина 2,7 см, толщина 1 см.
№ 2937–64: длина 20,3 см, ширина 4,1 см, толщина 2,8 см.
№ 2937–65: длина 21 см, ширина 5,2 см, толщина 1,9 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Костяная пластина-накладка закрывала место соединения деревянной основы шляпы-козырька. Она поддерживала форму шляпы, использовалась как дополнительное крепление и как украшение. К пластине-накладке прикрепляли усы сивуча, перья и бусы.

Возможно, пластина № 2937–63 является изделием алеутов о. Уналашки, № 2937–64 — о. Атка, № 2937–65 — о. Унимака.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

462.
Боковая пластина от шляпы-козырька № 4507–20.
Материал: кость, краска.
Размеры: длина 16,5 см, ширина 4,6 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

В целом деревянная шляпа символизировала голову духа птицы, животного или мифического существа, а костяные пластины, расположенные на ее боковых сторонах, изображали уши. При этом каждая боковая пластина в отдельности от шляпы часто представляла собой символическое изображение головы птицы с длинным клювом.

Боковые пластины этого же типа, что и № 4507–20, прикреплены к шляпам-козырькам № 2868–38, 40 и 4193–55. Пластины от шляп № 2868–38 и 4193–55 почти идентичны.

463.
Верхняя часть боковой пластины шляпы-козырька № 4193–56.
Материал: моржовая кость, краска.
Размеры: ширина 5,5 см, диаметр 5,4 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

464–466.
Фигурки птиц от шляп-козырьков № 2937–6, 7, 8.
Материал: моржовая кость, краска.
Размеры:
№ 2937–6: длина 6 см, ширина 2,4 см, высота 4 см.
№ 2937–7: длина 4,8 см, ширина 4,1 см, высота 2,4 см.
№ 2937–8: длина 3,6 см, ширина 1,8 см, высота 3,5 см.
Собиратель: вероятно, И.И. Биллингс. 1790–1792 гг., Алеутские острова.

Как отмечалось в статье по истории формирования алеутского собрания МАЭ, в 1794 г. в Кунсткамеру поступило от И.И. Биллингса *«десять разных костяных вырезанных украшений, прикрепляемых к шапкам, с Алеутских островов»*. Некоторые из них находятся в коллекции № 2937, где под порядковыми номерами с 4 по 12 зарегистрированы девять фигурок птичек.

№ 2937–6, 7 — это морские птицы. Фигурка № 2937–8 вырезана очень реалистично, в ней легко узнать топорка.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

467–470.
Фигурки птиц от шляп-козырьков № 2937–5, 9, 10, 11.
Материал: моржовая кость, краска.
Размеры:
№ 2937–5: длина 5,7 см, ширина 2,4 см, высота 3 см.
№ 2937–9: длина 3,5 см, ширина 2 см, высота 2,5 см.
№ 2937–10: длина 2,5 см, ширина 1,1 см, высота 1,4 см.
№ 2937–11: длина 2,6 см, ширина 1,4 см, высота 1,4 см.
Собиратель: вероятно, И.И. Биллингс. 1790–1792 гг., Алеутские острова.

Фигурка № 2937–5 представляет белоголового орлана. № 2937–9 — это фигурка орла, она отличается изогнутой формой клюва. Фигурки № 2937–10, 11 изображают морских птиц.

«Других береговых птиц не видели, кроме белоголовых орлов и маленьких птичек, из коих одни казались нам родом снегирей. Алеуты красными перьями сих птичек украшают камлейки» [Сарычев 1952: 137].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

471–472.
Фигурки птиц от шляп-козырьков № 2937–4, 12.
Материал: моржовая кость, краска.
Размеры:
№ 2937–4: длина 5,8 см, ширина 2,8 см, высота 3,7 см.
№ 2937–12: высота 4,4 см, ширина 2,7 см.
Собиратель: вероятно, И.И. Биллингс. 1790–1792 гг., Алеутские острова.

Фигурки птиц № 2937–4, 12 изображают полярную сову. Вкрапление черных (в общей массе белых) перьев является характерной чертой окраски этой птицы.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

473.
Козырек № 4104–4.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, бусы, ус сивуча, перья, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина с усом 86 см, длина 43,5 см, ширина 18,5 см, высота 10,5 см, высота с усом 14 см.
Фигурка: высота 2,5 см, ширина 1,8 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., вероятно, Андреяновские острова.

Основная часть коллекции № 4104 была сделана по заказу в период между 1825–1845 гг. Вероятно, все козырьки этой коллекции изготовлены одним ремесленником. С внутренней стороны они окрашены в красный цвет. Настоящий козырек отличается от других более светлыми тонами раскраски: красного, желтого, бледно-зеленого и коричневого цветов. На его боковых сторонах нарисованы волны, между которыми находится символическое изображение «лица» морского духа, как и волны, оно нарисовано из завитков. Завитки, расположенные выше костяной фигурки охотника, символизируют его глаза, а расположенные ниже — ноздри.

Л. Блэк отнесла этот козырек к изделиям алеутов о. Атка [Black 2003: 132]. Она считала, что его цветовая гамма и орнамент из завитков аналогичны цветам раскраски и орнаменту двух документированных шляп алеутов Андреяновских островов, одна из которых была приобретена И.А. Купреяновым в 1836 г. на о. Амля [Ibid.: 129], а другая — У. Сигнеусом в 1841 г. на о. Атка [Varjola et al. 1990: 176]. Также отметим, что шляпа-козырек алеутов Андреяновских островов имеется в собрании Государственного исторического музея Эстонии [Rousselot, Grahammer 2004: 216–217, 219]. Соответственно не только козырек № 4104–4, но и другие козырьки из этой коллекции являются изделиями алеутов Андреяновских островов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

474.
Козырек № 4104–6.
Материал: дерево, краска, бусы, ус сивуча, волос, перья, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина с усом 87 см, длина 43,5 см, ширина 17 см, высота 9 см, высота с усом 11 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., вероятно, Андреяновские острова.

Козырьки № 4104–1, 2, 3, 5, 6 раскрашены более темными красками, чем предыдущий козырек № 4104–4. Основная роспись этих козырьков состоит из темного фона, поверх которого нанесены узоры. На переднем склоне этого козырька изображен растительный орнамент, с боковых сторон — орнамент из четырех ромбов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

475.
Козырек № 4104–5.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, бусы, ус сивуча, волос, перья, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина с усом 83 см, длина 44 см, ширина 17 см, высота 12 см, высота с усом 19 см.
Фигурка: высота 2,5 см, ширина 2,2 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., вероятно, Андреяновские острова.

К козырькам № 4104–1, 2, 3, 4, 5 прикреплены костяные фигурки, изображающие алеутов в охотничьих головных уборах. Они вырезаны довольно реалистично и представляют не духов-хранителей, как на старинных козырьках (№ 2868–23), а охотников, высматривающих добычу. У одной из фигурок рука вытянута вперед — в направлении добычи, у другой фигурки рука прикрывает лицо для защиты глаз от солнечных лучей. Эти фигурки изображают охотников во время промысла.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

476.
Козырек № 4104–1.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, бусы, бисер, ус сивуча, перья, волос, сухожилия.
Размеры: длина с усом 77 см, длина 40 см, ширина 19 см, высота 9 см, высота с усом 20 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., вероятно, Андреяновские острова.

На переднем склоне козырька нарисована голова птицы с открытым клювом, это сова. Расходящиеся круги от глаз являются характерным признаком при изображении совы. Сходный рисунок головы птицы, но с закрытым клювом, есть на алеутском щите из собрания Национального музея естественной истории в Вашингтоне [Black 2003: 42]. Его фотографии во многих изданиях воспроизведены в перевернутом виде [The Far... 1973: 53; Lantis 1984: 173; Crossroads... 1988: 73; Living... 2010: 136]. Этот щит был обнаружен во время археологических раскопок на о. Кагамил, который входит в группу Четырехсопочных островов. Как на козырьке, так и на щите основным изображением являются глаза, нарисованные в виде спиралей красного цвета на желтом фоне. На щите точечный орнамент нанесен выше глаз совы, на козырьке — вокруг спиралей, изображающих глаза. На щите выше и ниже головы совы сделан узор в виде зигзага, на козырьке узор в виде зигзага нарисован на его задней стороне. Таким образом, сходство рисунков на настоящем козырьке и щите с о. Кагамил является еще одним подтверждением того, что все козырьки в коллекции № 4104 принадлежали алеутам Андреяновских островов. На соседних им Четырехсопочных островах с конца XVIII в. не было постоянного населения.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

477.
Козырек № 4104–2.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, бусы, бисер, ус сивуча, сухожилия.
Размеры: длина с усом 87 см, длина 43,5 см, ширина 18 см, высота 9,7 см, высота с усом 13,5 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., вероятно, Андреяновские острова.

В отличие от реалистичной миниатюрной скульптуры алеутов, их художественная роспись на шляпах и козырьках во многом символична. Здесь нет узнаваемых образов. Зигзаги — это земля, завитки — волны. Цветочный орнамент — это изображение не только полевых цветов, но и морских водорослей. На передней части некоторых козырьков и шляп имеются рисунки «личин» духов. На этом козырьке основным изображением являются глаза. Две полосы, идущие вниз от костяной фигурки охотника, возможно, изображают щупальца осьминога с присосками.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

478.
Козырек № 4104–3.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, бусы, бисер, ус сивуча, сухожилия.
Размеры: длина с усом 88 см, длина 46 см, ширина 18 см, высота 9,3 см, высота с усом 12 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., вероятно, Андреяновские острова.

Как и на предыдущем козырьке, здесь главным является изображение головы духа, лежащего среди морских водорослей. Вероятно, это изображение духа осьминога.

«Другие шапки, с открытым верхом, суть не что иное, как большие и длинные козырьки, надеваемые поверх камлейки, или как фуражка без тульи с большим козырьком. Некоторые из них также украшаются сивучьими усами, корольками и костью. Но первыми только с левой стороны, для того чтобы они не мешали кидать стрелки; а у тех, кои действуют левою (рукой. — *С.К.*), *усы прикрепляются с правой стороны. Таковые шапки, большей или меньшей величины, имеются у всякого ездока»* [Вениаминов 1840, ч. II: 218].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

479.
Козырек № 4270–11.
Материал: дерево, краска, бусы, ус сивуча, хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: длина с усом 83 см, длина 33 см, ширина 20 см, высота 6,5 см, высота с усом 8 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Ближние или Андреяновские острова.

Этот козырек отличается от других своими размерами (он короче), узором из узких горизонтальных полос и зауженной формой нижней части. Возможно, он является изделием алеутов о. Атту. Козырек подобной формы представлен на фигурке охотника в модели байдарки алеутов Командорских островов (№ 313–48/2). Козырек этого же типа есть в собрании Национального музея Финляндии [Varjola et al. 1990: 176], его принадлежность жителям определенного острова не установлена.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

480–482.
Чехлы для фуражек № 571–76, 77, 78.
Материал: кишки, пищевод сивуча, краска, перья, шерстяные и хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры:
№ 571–76: диаметр тульи 26 см, диаметр околыша 17 см, диаметр аппликации 14 см.
№ 571–77: диаметр тульи 25 см, диаметр околыша 17 см, диаметр аппликации 14 см.
№ 571–78: диаметр тульи 29 см, диаметр околыша 21 см, диаметр аппликации 21 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Св. Георгия.

В начале XIX в. у алеутов получили распространение военные суконные фуражки русского производства. Для их защиты от дождя алеуты стали шить непромокаемые чехлы.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

483.
Чехол для фуражки № 571–79.
Материал: кишки, пищевод сивуча, краска, перья, шерстяные и хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: диаметр тульи 28 см, диаметр околыша 20 см, диаметр аппликации 18,5 см, высота 11 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Св. Георгия.

Об использовании алеутами повседневных головных уборов И.Е. Вениаминов писал: *«Ныне все вообще мужчины носят фуражки, сделанные из сукна или нерпичьей шкуры, с козырьками, сделанными иногда из китового уса довольно искусно; а замужние женщины, вдовы и старухи подвязывают голову платками; и с непокрытыми головами ходят одни только девушки»* [Вениаминов 1840, ч. II: 215].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

484.
Чехол для фуражки № 2868–90.
Материал: кишки, кожа, краска, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: диаметр 28 см, высота 11 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

485.
Головной убор № 4104–10.
Материал: кожа, пищевод сивуча, краска, ткань, хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: длина 23 см, ширина 18 см, высота 11 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Этот головной убор сделан из местных материалов, но повторяет форму русской фуражки с некоторыми инновациями. Его тулья сделана из сукна с отверстием в верхней части, по его краю продета веревка, которая использовалась для затягивания. Таким образом, этот головной убор можно было надеть поверх камлейки и подогнать по размеру головы, затянув веревку на макушке.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

486.
Головной убор № 2868–91.
Материал: кишки, ткань, хлопчатобумажные нити, олений волос, сухожилия.
Размеры: высота 31 см, ширина 36 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

На акварели художника М.Т. Тиханова, сделанной в 1818 г., изображен алеут Лисьих островов в кишечном головном уборе высокой формы [Хлебников 1985: 97]. Это является свидетельством того, что алеуты изготовляли из кишок не только чехлы для фуражек, но и головные уборы других типов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

487.
Парка № 593–17.
Материал: шкурки топорка с перьями, кожа сивуча, краска, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 129 см, ширина подола 92 см, ширина с рукавами 147 см, ширина манжета 17 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Уналашка.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

«Главную и необходимую одежду алеутов составляет парка — род длинной рубашки, опускающейся ниже колен, со стоячим воротником и с неширокими рукавами. Парки делаются ныне из птичьих шкур, преимущественно топорковых или ипаточьих (морских попугаев), а иногда арьих; за неимением же их — из нерпичьих шкур. <…> Парка для алеутов есть незаменимая вещь в здешнем климате. Она в дороге составляет для них и постель, и одеяло, и, можно сказать, дом; с нею они не боятся ни ветру, ни морозу. <…>

Хорошо выделанная парка из топорковых шкур может служить целый год, что называется, не спуская с плеч, если только беречь ее от дождя; а с бережливостью она может служить даже два года; потому что она не столько изнашивается, сколько ломается от мытья. Для мытья парки и выделки шкур употребляется урина; после чего обыкновенно моют в пресной воде. На парку полагается обыкновенно 40 шкур топорковых и 60 ипаточьих. Для шитья парок и камлеек употребляется жила морских зверей» [Вениаминов 1840, ч. II: 212–214].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

488.
Детская парка № 313–64.
Материал: кожа топорка с перьями, кожа морского котика, краска, ткань, шерстяные и хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: длина 85 см, ширина подола 55,5 см, ширина с рукавами 90,5 см, ширина манжета 9 см. Ворот: ширина 18 см, высота 7 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

«Парка. Это рубашка из шкурок топорка, которая шилась перьями внутрь. Оригинально их выделывали. Сначала с птицы снимали шкурку, затем ее промывали, проветривали и после этого жевали ртом до тех пор, пока не обезжиривали. Шкурка получалась мягкая и совершенно белая, как снег. Застежек эта рубашка, как и камлейка, не имела. На швах еще нашивали пестрые ленточки, а воротник отделывали мехом котика» [Кулагина 1928: 100–101].

«Шкуры сих птиц (топорков. — *С.К.) по крепости своей почитаются преимущественно против прочих, и из оных шьют по большей части мужские парки; а носки* (клювы. — *С.К.) сей птицы употребляют к украшению женского платья»* [Сарычев 1952: 210–211].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

489.
Праздничная камлейка № 593–18.
Материал: кишки сивуча, кожа баклана с перьями, кожа тюленя, краска, ткань, шерстяные и хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: длина 128 см, ширина подола 110 см, ширина с рукавами 144 см, ширина манжета 20 см. Ворот: ширина 32 см, высота 7 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Уналашка.

«Другая столь же необходимая одежда алеутов есть камлейка, также род длинной рубашки, только с тою разницею, что вместо воротника к ней пришивается особый куль (капюшон. — *С.К.) или мешок, который в случае надобности, например в дождь, надевается на голову и вокруг лица затягивается шнуром; так же и у рукавов на концах приделываются шнуры для того, чтобы затягивать рукава»* [Вениаминов 1840, ч. II: 213].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

490.
Праздничная камлейка № 593–22.
Материал: кишки сивуча, кожа баклана с перьями, кожа тюленя, краска, шерстяные и хлопчатобумажные нити, сухожилия. Размеры: длина 127 см, ширина подола 82 см, ширина с рукавами 160 см, ширина манжета 16 см. Ворот: ширина 32 см, высота 11 см. Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Св. Павла.

«Щегольские камлейки делаются с украшениями из узких полосок красной, голубой или зеленой материи, которые нашиваются по подолу, на запястьях и под воротником» [Вениаминов 1840, ч. II: 216].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

491.
Праздничная камлейка № 593–24.
Материал: кишки тюленя, кожа сивуча, краска, перья баклана, шерстяные нити, олений волос, сухожилия.
Размеры: длина 144 см, длина без капюшона 117 см, ширина подола 80 см, ширина с рукавами 130 см, ширина манжета 15 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Уналашка.

«Камлейка и самая лучшая не может служить так долго, как парка; для деятельного мужчины надобно две и даже три камлейки в год (для прочности камлейку смазывают <…> жиром, но только не рыбьим)» [Вениаминов 1840, ч. II: 214].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

492.
Праздничная камлейка № 2868–15.
Материал: кишки сивуча, кожа баклана с перьями, кожа тюленя, краска, шерстяные и хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: длина 124 см, ширина подола 98 см, ширина с рукавами 164 см, ширина манжета 23 см. Ворот: ширина 34 см, высота 6,5 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

«Алеутские женщины все работы выполняют медленно, особенно тонкую вышивку; над дождевиком (камлейкой. — *С.К.) — Tschigidak — женщина работает два месяца, а травяной мат — Schuettuk — плетет всю зиму напролет»* [Мерк 1978: 63].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

493.
Праздничная камлейка № 2868–16.
Материал: кишки сивуча, кожа, краска, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 126 см, ширина подола 88 см, ширина с рукавами 160 см, ширина манжета 20 см. Ворот: ширина 35 см, высота 5,5 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

«Камлейки делаются вообще из кишок, преимущественно сивучьих (самых больших секачей); и также медвежьих, моржовых и китовых. Камлейки употребляются только при переездах в байдарках и иногда на переходах во время дождя. Самые прочные камлейки есть сивучьи, а щегольские — медвежьи. <…> При самой дурной погоде, какая только может быть, в камлейке и легко, и тепло, и удобно, как нельзя лучше» [Вениаминов 1840, ч. II: 213–214].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

494.
Праздничная камлейка № 2868–107.
Материал: кишки сивуча, кожа, краска, шерстяные и хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: длина 114,5 см, ширина подола 94 см, ширина с рукавами 170 см, ширина манжета 19,5 см.
Ворот: ширина 28 см, высота 7 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

495.
Праздничная камлейка № 2868–35.
Материал: кишки, кожа, краска, сухожилия.
Размеры: длина 116 см, ширина подола 90 см, ширина с рукавами 156 см, ширина манжета 19 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

496.
Праздничная камлейка № 4104–80.
Материал: кишки сивуча, кожа, краска, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 123 см, ширина подола 86 см, ширина с рукавами 166 см, ширина манжета 21 см.
Ворот: ширина 32 см, высота 7,5 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., вероятно, Андреяновские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

497.
Праздничная камлейка № 4104–91.
Материал: кишки сивуча, кожа, краска, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 122 см, ширина подола 107 см, ширина с рукавами 164 см,
ширина манжета 22 см. Ворот: ширина 30 см, высота 8 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., вероятно, Андреяновские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

498.
Промысловая камлейка № 2868–67.
Материал: кишки, кожа, сухожилия.
Размеры: длина 128 см, ширина подола 78 см, ширина с рукавами 166 см, ширина манжета 12 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

499.
Промысловая камлейка № 2868–68.
Материал: кишки сивуча, кожа, краска, олений волос, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 154 см, ширина подола 80 см, ширина с рукавами 145 см,
ширина манжета 17 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

500.
Камлейка № 2868–72.
Материал: кишки сивуча, кожа, краска, сухожилия.
Размеры: длина 136 см, ширина подола 96 см, ширина с рукавами 130 см, ширина манжета 17 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

501.
Промысловая камлейка № 4270–4.
Материал: кишки сивуча, кожа, сухожилия.
Размеры: длина 115 см, ширина подола 68 см, ширина с рукавами 156 см, ширина манжета 15 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

502.
Промысловая камлейка № 4104–81.
Материал: кишки сивуча, кожа, краска, сухожилия.
Размеры: длина 138 см, ширина подола 80 см, ширина с рукавами 160 см,
ширина манжета 20 см. Капюшон: высота 41 см, ширина 35 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., вероятно, Андреяновские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

503.
Промысловая камлейка № 4104–88.
Материал: кишки сивуча, бисер, шерстяная нить, сухожилия.
Размеры: длина 175 см, ширина подола 89 см, ширина с рукавами 178 см,
ширина манжета 17 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., вероятно, Андреяновские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

504.
Промысловая камлейка № 4104–89.
Материал: кишки сивуча, краска, бисер, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 149 см, ширина подола 96 см, ширина с рукавами 180 см,
ширина манжета 16 см. Капюшон: высота 42 см, ширина 37 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., вероятно, Андреяновские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

505.
Промысловая камлейка № 4104–90.
Материал: кишки сивуча, бисер, шерстяная нить, сухожилия.
Размеры: длина 160 см, ширина подола 96 см, ширина с рукавами 162 см,
ширина манжета 20 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., вероятно, Андреяновские острова.

«Камлейка — род рубашки, доходящей до икор, с кулем (капюшоном), сделанная из медвежьих кишок (это лучшие) или из сивучьих. Шнуром стягивается куль под подбородком и рукава у кистей. Все это размачивается прежде в морской воде, потому что в сухом виде слишком жестко и легко рвется» [Блашке 1848: 118].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

506.
Промысловая камлейка № 4104–92.
Материал: кишки сивуча, бисер, шерстяная нить, сухожилия.
Размеры: длина 152 см, ширина подола 88 см, ширина с рукавами 168 см,
ширина манжета 16 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., вероятно, Андреяновские острова.

«Сверх <...> парки в плохую погоду или когда идут на байдарке, они надевают камлеи из кишок китовых или от какого другого морского зверя, дабы вода их не мочила» [Биллингс 1978: 45].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

507.
Промысловая камлейка № 4104–93.
Материал: кишки сивуча, кожа, бисер, шерстяная нить, сухожилия.
Размеры: длина 165 см, ширина подола 90 см, ширина с рукавами 167 см,
ширина манжета 16 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., вероятно, Андреяновские острова.

«Мужчины, когда выезжают в море, имеют еще сверх обыкновенного платья рубашку с капюшоном, сшитую из кишок морских зверей; штаны и сапоги носят сделанные из горла сивучей, а голову покрывают деревянною с навесом вперед шляпою, украшенною корольками и сивучьими усами. Когда алеуты во всем своем наряде сидят в байдарках, тогда вид имеют величественный» [Сарычев 1952: 140].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

508.
Камлейка № 3483–1.
Материал: кишки сивуча, кожа, краска, шерстяная нить, сухожилия.
Размеры: длина 132 см, ширина подола 84 см, ширина с рукавами 156 см,
ширина манжета 15 см.
Собиратель: К.Д. Нилов. Поступила в 1927 г., Командорские острова.

«Важное практическое значение имеет шитье из выделанных кишок сивуча так называемых камлеек — длинных непромокаемых рубашек с капюшонами. Камлейка, вследствие того что она легка, тепла и непромокаема, незаменима при климате Командор и составляет необходимую часть промыслового костюма; она шьется преимущественно жилами морского зверя двойным швом, называемым на Камчатке “алеутским швом” и славится на материке своей работой. Эти работы, главным образом, развиты на о. Медном, где особенно распространено вязание. Вяжут почти все: и взрослые женщины, и девочки, нередко не расставаясь со своей работой ни дома, ни в гостях» [Редько 1927: 91].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

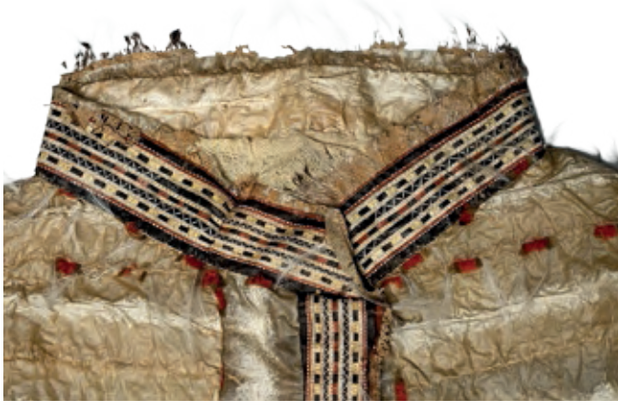
509.
Камлейка № 3483–2.
Материал: кишки сивуча, кожа, шерстяная нить, сухожилия.
Размеры: длина 145 см, ширина подола 94 см, ширина с рукавами 172 см,
ширина манжета 17 см.
Собиратель: К.Д. Нилов. Поступила в 1927 г., Командорские острова.

«Из <...> принадлежностей туземного наряда лишь у некоторых алеутов сохранились (до 30-х годов XX в.) еще лавташны — штаны из нерпичьей шкуры и камлейки — рубахи, сшитые из кишок нерп, котиков или сивучей. В свернутом виде камлейка имеет объем сложенной в трубку салфетки. Ее держат в дороге в заплечном мешке и в случае надобности натягивают поверх обычного платья» [Барабаш-Никифоров 1934а: 15–16].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

510.
Плащ-накидка № 4270–2.
Материал: кишки сивуча, кожа тюленя, кожа баклана с перьями, краска, шерстяные и хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: длина 117 см, ширина подола 100 см, ширина с рукавами 190 см, ширина манжета 20 см. Ворот: ширина 28 см, высота 5 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

«Все прочие камлейки без кулей (капюшонов. — *С.К.) и плащи, деламые из кишок, совсем не есть алеутское национальное платье, но выдумка байдарщиков»* [Вениаминов 1840, ч. II: 213].



Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

511.
Плащ-накидка № 4104–82.
Материал: кишки сивуча, кожа, краска, олений волос, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 137 см, ширина подола 136 см, ширина в плечах 74 см.
Ворот: ширина 23 см, высота 11 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., вероятно, Андреяновские острова.

Этот и другие плащи-накидки из собрания МАЭ повторяют форму русского плаща-накидки времен правления императора Николая I.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

512.
Плащ-накидка № 4104–83.
Материал: кишки сивуча, кожа, краска, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 126 см, ширина подола 130 см, ширина в плечах 70 см.
Ворот: ширина 26 см, высота 8 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., вероятно, Андреяновские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

513.
Плащ-накидка № 2868–19.
Материал: кишки сивуча, кожа баклана с перьями, краска, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 140 см, ширина подола 118 см, ширина в плечах 60 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

514.
Плащ-накидка № 2868–75.
Материал: кишки сивуча, кожа, краска, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 138 см, ширина подола 96 см, ширина в плечах 65 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

515.
Плащ-накидка № 593–15.
Материал: кишки и кожа сивуча, кожа баклана с перьями, краска, шерстяные и хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: длина спереди 126 см, длина сзади 137 см, ширина подола 120 см, ширина в плечах 50 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Св. Георгия.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

516.
Плащ-накидка № 2868–77.
Материал: кишки, кожа, краска, козья шерсть, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 126 см, ширина подола 150 см, ширина в плечах 65 см.
Ворот: ширина 25 см, высота 8 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Судя по обилию украшений из пучков белого козьего волоса и крашеных шерстяных нитей, этот плащ принадлежал влиятельному и богатому вождю.

«Длинная белая козья шерсть и клювы морского попугая почитаются важными украшениями» [Биллингс 1978: 45].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

517.
Сапоги-торбаса № 4104–96/1–2.
Материал: пищевод и кожа сивуча, бусы, сухожилия.
Размеры: высота 44 см, ширина 25 см, длина завязок 90 см.
Подошва: длина 23,5 см, ширина 11 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

«Для обуви ныне употребляются вообще торбаса — род бродней, у которых голенищи делаются из горлов (пищевода. — *С.К.) или лафтаков* (очищенных шкур. — *С.К.) сивучьих, к ним пришивают подошвы <…> из китовых и сивучьих ластов, последние, будучи морщиноваты, весьма удобны для ходьбы по каменистым и скользким местам»* [Вениаминов 1840, ч. II: 214–215].

К верхней части голенищ этих сапог-торбасов пришита сложенная пополам полоска кожи, сквозь которую продет сухожильный шнур с голубой бусиной на конце. Для того чтобы сапоги не сваливались с ноги, сухожильный шнур привязывали к коротким штанам или к ноге выше колена, внутрь сапог клали сухую траву.

518.
Сапоги-торбаса № 593–33/1–2.
Материал: пищевод и кожа сивуча, шерстяные нити, перья, сухожилия.
Размеры: высота 53 см. Подошва: длина 28 см, ширина 12,5 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1843 г., о. Св. Георгия.

Об обуви алеутов Э.Л. Блашке упоминает: *«Одеться было необходимо по тамошнему обычаю. Необходимы длинные непромокаемые сапоги, делаемые из пищеприемного горла сивучей, и камлейка…»* [Блашке 1848: 118].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

519–520.
Детская куртка № 313–66a и штаны № 313–66b.
Материал: пищевод сивуча, краска, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры:
№ 313–66a: длина с капюшоном 67 см, длина без капюшона 44 см, ширина 48 см.
№ 313–66b: длина 55 см, ширина 38 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

Вместо традиционной парки этот детский костюм состоит из куртки глухого покроя с капюшоном и штанов, сшитых из местных материалов. В швы куртки вшиты шерстяные нити и кусочки материи красного и темно-синего цветов.

Е.К. Суворов, посетивший Командорские острова в 1910–1911 гг., писал об одежде алеутов: *«Из старинной одежды сохранились еще торбаса — сапоги из нерпичьей кожи с сивучьими подошвами, ловташны и камлейка — штаны и рубашки с капюшонами из сивучьих кишок, нерпичьих или котовых горл* (пищевода. — *С.К.*). *Парка — рубашка из шкурок топорков — более не существует на островах»* [Суворов 1912: 127].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

521.
Детские рукавицы № 313–66d/1–2.
Материал: пищевод сивуча, сухожилия.
Размеры: длина 15 см, ширина 5 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

«Рукавиц алеуты почти не имеют, выключая стариков, которые в холодное время при переездах в байдарке употребляют кожаные рукавицы, в которые вместо всякой подкладки кладут мягкую траву» [Вениаминов 1840, ч. II: 217].

522.
Модель пары сапог № 313–66c/1–2.
Материал: кожа, пищевод сивуча, краска, сухожилия.
Размеры: высота 21 см, ширина 11,5 см. Подошва: длина 15 см, ширина 6 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

523–529.
Иглы для татуировки (кикивик) № 2868–27, 55, 56, 57, 58, 59, 60.
Материал: моржовая кость, краска, железо, сухожилия.
Размеры:
№ 2868–27: длина 6,7 см, ширина 1 см.
№ 2868–55: длина 4,9 см, ширина 1,6 см.
№ 2868–56: длина 7 см, ширина 1,1 см.
№ 2868–57: длина 6,7 см, ширина 0,7 см.
№ 2868–58: длина 6,3 см, ширина 1 см.
№ 2868–59: длина 8,2 см, ширина 0,7 см.
№ 2868–60: длина 5,2 см, ширина 0,9 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1844 г., о. Атка.

«Татуировка на подбородке — Tchebloat — производится, когда девушки вступают в половую зрелость, что у них, как говорят, происходит около 20 лет или позже, а то и просто для украшения у женщин — по щекам, на ноге, на руке и снаружи на передней части предплечья отдельными линиями или точками — Angatschok, на лбу и над носом — крестиками — Kuschpejok и т.д.» [Мерк 1978: 84].

Рукоятки футляров для металлических игл символизируют культовые предметы с фигурами птиц (№ 2868–56, 57, 58, 60) и калана (№ 2868–55). Верхняя часть футляра № 2868–27 вырезана в виде хвоста кита. Рукоятка футляра № 2868–59 вырезана в виде женского орудия — палки-копалки, которая использовалась для выкапывания клубней и корней съедобных растений. Это орудие изображено на рисунке М.Д. Левашова 1768 г. [Ляпунова 1975: 166].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

РИТУАЛЬНЫЕ И КУЛЬТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Алеуты разделяли весь окружающий мир на несколько сфер, или миров, в которых по их представлениям жили люди и духи. Они выделяли подземно-подводный, земной и небесный миры. Алеуты считали, что весь материальный мир населен духами. От их расположения зависела удача на охоте, погода, отсутствие или наличие болезней и т.д. Посредниками между миром людей и миром духов были шаманы. В их функции входило изгонять злых духов болезни, обеспечивать хорошую погоду, указывать духам-хозяевам рыб и животных дорогу к местам нереста и лежбищ, то есть обеспечивать удачную охоту. В алеутских легендах есть сюжет о происхождении людей от собаки. Этот мифологический цикл объединяет эскимосов, говорящих на языке юпик, и алеутов. В то же время у алеутов существовали легенды и так называемого Вороньего цикла, который был широко распространен среди индейцев северо-западного побережья и северных атапасков. Согласно этому циклу легенд, дух-человек Ворон был демиургом земли, людей и животных, но не творцом Вселенной.

Алеуты мумифицировали тела умерших и помещали их в специальных погребальных пещерах, которые располагались вблизи океана. Они верили, что по ночам души умерших ели, пили, танцевали и охотились в море, поэтому погребальные пещеры должны были находиться вблизи воды. Вместе с мумиями оставляли оружие, орудия охоты и байдарки. То есть погребальные пещеры представляли собой селения мертвых, а мумии являлись вместилищем их душ. Что касается убитых врагов, то их тела расчленяли по суставам для того, чтобы их души не имели вместилища и не могли причинить вреда. Алеутам были известны и другие способы погребения.

Изменения в духовной культуре алеутов начались уже в середине XVIII в., после первых контактов с русскими. Мореход С.Я. Черепанов, который в 1759–1762 гг. посетил Командорские и Ближние острова, писал об алеутах: *«Тако и оные иностранные народы, исходя для промыслов, говорят молитву: “Господи благослови”. Также и для ходу на байдарках, умолкнув все, тоже говорят, что и мы: “Бог нам в помощь”. И весьма понятливы к православной христианской вере...»* [Черепанов 1948: 117]. Таким образом, христианизация алеутов началась в середине XVIII в. сначала мирянами, а затем и священниками. До второй половины 20-х годов XIX в. специальных исследований по изучению религиозных представлений алеутов никто не предпринимал. Впервые такие исследования провел православный миссионер И.Е. Вениаминов. Сведения о верованиях алеутов записывали мореплаватели, путешественники и участники различных экспедиций и в более ранний период, но никто из них не ставил задачу изучения всего комплекса духовной культуры алеутов. Такая работа была проведена именно И.Е. Вениаминовым и представлена публике в его знаменитой книге «Записки об островах Уналашкинского отдела». Несмотря на то что сбором этнографических коллекций отечественные исследователи стали заниматься уже в XVIII в., предметов культа в их собраниях очень мало. С одной стороны, таких вещей было гораздо меньше, чем, например, орудий охоты, с другой стороны, религиозные ритуалы алеутов запрещались миссионерами.

Согласно музейной документации к предметам культа алеутов относили маски (№ 538–1, 2). Во время работы над каталогом удалось определить назначение еще двадцати трех предметов, относящихся к духовной культуре алеутов. Это различные части ритуальных костюмов: деревянные шляпы-козырьки; кожаные и плетеные головные уборы и их части; одежда и ее детали; поплавки-пузыри, которые символизировали морских животных и использовались во время танцев; погремушки-трещотки; фигурки, изображающие духов; ланцет, который использовался в том числе для вскрытия тел умерших перед их мумификацией. Ниже приводятся цитаты из письменных источников, которые позволяют представить отдельные элементы духовной культуры алеутов до периода их христианизации.

Представления о происхождении

«О своем происхождении рассказывают алеуты, что на эти острова (о. Уналашка и Умнак) пришла с запада собака, родила существо, спереди похожее на человека, сзади оно выглядело волосатым. От этого существа они и произошли. Согласно другим источникам, на западный выступ о. Умнак пришла с неба собака, сначала родила она два человекообразных существа, потомки которых со временем все больше и больше принимали человеческий образ, и так как людей теперь стало много, то возникли между ними войны, почему они и переселились на другие острова и стали различать себя обозначениями: Kaualang, Sasignan, Negho. Это предание имеют также островитяне на Кадьяке» [Мерк 1978: 80].

«Одни говорили, что бог по сотворении островов создал и людей, которые сначала были бессмертны и когда доживали до старости, то всходили на одну высокую гору и бросались в находящееся там озеро, откуда опять выходили молодыми. Между тем бог влюбился в одну их девицу, взял ее к себе на место жены, и как она, не-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

когда разговаривая с ним, сказала ему, что он при сотворении Алеутских островов сделал великую погрешность, произведя их гористыми и безлесными, то за таковую дерзость бог разгневался и умертвил ее брата, после чего и весь человеческий род стал смертным» [Сарычев 1952: 215].

«Говорят, что предки их произошли и первоначально жили в западной стороне, на какой-то большой земле, называвшейся Аляхсха, т.е. материк; и где не было ни бурь, ни зимы, но всегдашнее благорастворение воздуха, и жили мирно и спокойно; но вражды и потом междоусобия заставили их продвигаться далее и далее к востоку: и наконец они придвинулись к самому морю. Но и здесь не могли они долго оставаться в мире, их теснили другие народы, и потому они должны были искать убежища на островах, и потом, перебираясь с острова на остров, они заселились на здешних островах» [Вениаминов 1840, ч. II: 271–272].

Мироустройство

«Алеуты верили и признавали, что есть и должен быть Творец всего видимого и невидимого, и которого они называли Агугук (т.е. Творец). <...>

Властителями и управителями всего окружающего они признавали двух духов или два рода духов, которые также действовали и на самого человека во всех отношениях. Первых они называли Кугак, а вторых — Агликаях» [Там же: 119].

«Они думают, что божество — Agugock, в существовании которого они убеждены, живет на далеком Востоке, откуда начинается возникновение земли. Им кажется, что на луне они видят лицо человека, но о ней, как и о звездах, не имеют никакого дальнейшего представления. Алеуты не думают, что являются единственными людьми, но считают, что в более высоких областях (сферах) живут люди, которых они видят и слышат при громе, когда те ведут между собой войну. <...>

Солнце — Agadak — считают они божеством, потому что все пользуются его теплом; при буре, которая у них быстро вызывает недостаток пищи, приносят солнцу жертвы, бросая в его направлении куски черной медной руды. Также юноши и девушки после захода солнца, выходя крадучись из своей хижины, быстро разводят огонь с помощью захваченных с собою углей и сухой травы на небольшом расстоянии от хижины по направлению к морю. Тогда все, прыгая вокруг огня, так громко поют, как если бы они хотели этим пением внушить страх буре или сделать ей наперекор. Наступившее после бушевавших ветров затишье алеуты приписывают этому своему старанию» [Мерк 1978: 80–81].

«Алеуты думали и учили детей своих, что свет есть всякому живот (жизнь. — *С.К.*)*, а ночь — гибель и смерть <...> и потому для здоровья и крепости телесных сил и для долголетия всякий должен был исполнять следующее обыкновение, или правило: не просыпать утреннюю зарю, но лишь только начнет зориться, выходить нагому на улицу и встать лицом к востоку или туда, где занимается заря, и, разинув рот, глотать свет и ветер; а потом прийти к речке, где берут воду для питья, ударить ее несколько раз правою ладонью и говорить: "Я не сплю, я жив, я с тобою встречаю животворный свет, и я с тобою всегда буду жив". Сказав это, должно встать лицом на восток и поднять правую руку кверху для того, чтобы вода стекала с нее, бежала вниз по всему телу, до самых нижних частей. Потом, испив воды и умыв лицо и руки по локоть, забрести в речку до полуколена и ждать восхода солнца»* [Вениаминов 1840, ч. II: 109–110].

«Море есть сильное, страшное, крепкое и непобедимое; а потому кто с малолетства свыкается с морем, часто купаясь и пр., тот будет силен, крепок и на море неустрашим; в промыслах счастлив, на войне непобедим; и в тылу его не коснется ни болезнь, ни зараза, ни вражеское оружие» [Там же: 142].

«Есть еще морское поверье, выполняемое алеутами и поныне: во время шторма, когда на шлюпку надвигается большая волна, стоит крикнуть волне или вытянуть ей руку навстречу — и вода отойдет и не зальет шлюпку» [Кулагин 1927: 196].

«Ветер <...> чуть весла из рук не вырывает, а они (алеуты. — *С.К.*) *не замечают, колют тюленей и только. Вот вырос ветер. Был сначала как маленький мальчик, а потом стал подросток, а там сделался крепкий и грозный охотник. И охотится ветер вовсе не на тюленей, охотится ветер на людей, на бойких охотников, братьев-алеутов»* [Тан-Богораз 1935: 223].

«Сохранилось <...> сказание о землетрясениях: "Землетрясения происходят потому, что где-то в землю воткнута большая палка — гарпун,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

к концу которой привязана веревка, когда Великий человек начинает сердиться и тянуть веревку — земля трясется" » [Кулагин 1927: 196].

Шаманизм

В рукописи А.С. Полонского приведены интересные сведения о пребывании Е.С. Басова на о. Беринга в 1743—1744 гг.: *«С Берингова острова была видна <...> высокая земля, и когда дул от нее ветер, оттуда приносило рубленный лес, еловый и сосновый, рукоделия и резаных морских коров, но нельзя признать, чем резаны»* [АРГО. Р. 60. Оп. 1. №. 2. Л. 4 об.]. Рукоделия и «резаные морские коровы» перечисляются вместе, возможно, здесь говорится о вырезанных из дерева фигурах морских коров — изделиях алеутов о. Атту.

Ф.А. Кульков, находившийся на о. Атту в 1760—1762 гг., отметил: *«Киты являются там редко, а морские коровы и того реже, которых промышленники называют командорскими коровами, потому что они по большей части водятся около Берингова или Командорского острова»* [Ляпунова 1979: 102]. Морские коровы не водились вблизи Камчатки, но ительмены знали о существовании этих животных, так как погибших морских коров иногда выносило штормом на берега Камчатки. Главный правитель Русской Америки И.А. Купреянов в 1838 г. отправил предписание начать поиски черепа и скелета морской коровы на Командорских и Ближних островах [Купреянов 2005: 385]. О находке ребра морской коровы на о. Атту упоминает А.Ф. Миддендорф [Миддендорф 2006, ч. II: 61]. Если морские коровы водились в акватории Ближних островов, то алеуты о. Атту могли вырезать деревянные фигуры этих животных.

В сентябре 1745 г. на о. Агатту произошла встреча экипажа бота «Св. Евдоким» с алеутами. В.Н. Берх писал: *«26 числа съехал Чупров с несколькими людьми, дабы запастись свежею водою. Он встречал в разных местах диких обитателей сего острова, делал им подарки и получил взамен оных булаву, оконечность которой представляла тюленью голову»* [Берх 1823: 8]. Вряд ли здесь действительно идет речь о булаве. Можно только сказать, что алеуты передали русским деревянную фигуру, верхняя часть которой была вырезана в виде головы тюленя.

П.С. Паллас, сообщая о пребывании экипажа судна «Св. Иоанн» на Командорских и Ближних островах в 1749—1752 гг., отметил: *«Тут видели они два деревянных изображения, кои походили на сивучей»* [Паллас 1790: 302].

«Да притом имеют по их вере болваны деревянные, и шаманство производят преужасное, и тем болванам веруют; а болваны иные подобно как у человека лицо, иные же подобны разным зверям и птицам, и над теми болванами шаманство производят» [Лисенков 1979: 346].

«Хотя у некоторых атхинцев были в скрытых местах и болваны в человеческом виде во весь рост, называвшиеся тайягулигук, которым приносили они жертвы, состоящие в красках, шкуре ястреба и тонких жиленых нитках; но явного или общего идолопоклонства у них не было. <...> Всегда находились из них делатели (идолов. — *С.К.*), *особенно из шаманов, и которые были даже и тогда, когда все атхинцы были уже окрещены; и особенно это было между жителями острова Атту; и только с прибытием к ним священника, т.е. с 1827 г. прекратилось такое тайное идолопоклонство и идолоделание»* [Вениаминов 1840, ч. III: 3—4].

«Только почитают одних шаманов, а шаманы их никогда из мужеска пола не бывают, но все женщины, которые отходят от жилья в горы и несколько ночей наедине ночуют, а возвратясь обратно, рассказывают, будто бы они видали некоторые привидения. Родословия своего повествовать не умеют, а только сказывают, что деды их зашли на те острова (Атту. — *С.К.*) *байдарками, а с которой стороны, про то доказать не умеют»* [Шафрановская 1968: 65].

«Нынешние обитатели Атту хотя и крещены, но еще прилеплены к обычаям предков. Шаманство между ними остается в уважении, и старухи втайне занимаются сим ремеслом: лечат болезни и гадают о будущем» [Хлебников 1979: 173].

«Шаманами у атхинцев были мужчины и редко женщины. Шаманы, по верованию атхинцев, имея сношение с духами и силу призывать их в случае надобности, предсказывали будущее, непокорных им угрожали различными наказаниями, помогали больным и промышленникам и пр.; почему более досужие из них были в большом уважении» [Вениаминов 1840, ч. III: 5].

«Из числа провожавших меня алеут из селения Акмаган один был шаман, который ввечеру по просьбе родственников одной болящей женщины взялся ее лечить. Он сел подле больной с несколь-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

кими алеутами и запел с ними шаманскую песню, ударяя сам в бубен, потом через несколько времени вдруг все они замолчали. Причиной сему, как сказал мне толмач, было явление шаману духа, которого и стал он просить о сделании больной облегчения, на что дух будто бы долго не соглашался. Однако наконец, по усиленной просьбе шамана, принялся лечить больную и объявил притом, что она страдает за отца своего, который, когда ходил за промыслом зверей и китов, вынимал из голов мертвых людей мозг и мазал оным стрелки свои, за что в наказание, так как сам он уже умер, напущен на дочь его один из злых духов, коему велено ее мучить. После этого алеуты снова запели песни и через пять минут паки умолкли. Тогда шаман вторично разговаривал с подвластным ему духом и будто узнал у него, что дух входил в утробу больной, осмотрел всю болезнь ее и сделал пособие, почему и надеется, что она через три дня будет здорова. Шаман уверял, что призывал и другого духа и что сей подтвердил ему то же; чем и кончилось шаманство. Шаманы за лечение никогда не требуют платы, а довольны бывают тем, что им дадут, равно и духам никаких жертв не приносят» [Сарычев 1952: 204–205].

«Наконец и алеутам наскучила худая погода: в один день все они, как мужчины, так и женщины с малыми ребятами, вышли на двор, развели огонь и, поворотясь по ветру, махали руками и кричали во все горло, думая, что чрез сие переменится погода.

Ввечеру услышал я в углу юрты стук бубна и пение, почему спрашивал толмача, что это значит. Он мне сказал, что тойон шаманит и призывает духов, дабы они установили хорошую погоду. Через четверть часа стал он громче кричать, наконец вдруг затих и упал без памяти. Тогда все бывшие в юрте алеуты испужались, собрались около шамана и запели печальным голосом, прося духа о помиловании его. Несколько времени лежал он без чувств, напоследок опамятовался и сказывал всем с уверительным видом, что когда по призыву его явился подвластный ему дух, тогда приказывал он ему наместо худой погоды восстановить хорошую, но дух на то не соглашался. За что тойон упрекал его непослушанием и упрямством, говоря, что когда он сего не исполнит, то подаст повод всем думать, что он не в состоянии того сделать, и тем причинит себе немалый стыд. За таковой выговор дух рассердился, напал на тойона и его мучил до того, что он лишился чувств. Во время сего беспамятства чрез откровение узнал он, что из его селения одна женщина, называя ее по имени, умрет сего лета и что погода не переменится прежде, как чрез три дни» [Там же: 207].

Обряды жизненного цикла

«С поздней осени начинаются их увеселения, продолжающиеся всю зиму напролет. Затем жители разных населенных пунктов посещают друг друга. Изобилие самой по себе простой пищи является главным в их угощении, которое к ночи сменяется веселыми танцами. В своих песнях, которыми они сопровождают танцы, прославляют то, что они видели или сделали. Для танцев женщины мажут себя краской из черного порошка, смешанного с жиром. Раньше веселились они иногда на открытом воздухе, как мы видели еще теперь на Танаге. При этом они соревнуются в скакании вверх на большой коже, которую держат растянутой большое число стоящих вокруг, постоянно смеясь, причем прыганию способствует подбрасывание кожи держащими. Это скакание под ликующее пение остальных повторяется до изнеможения» [Мерк 1978: 84].

«Празднества бывают у островских жителей весьма часто, а особенно когда обыватели одного острова приезжают гостить на другой, мужчины выходят гостям навстречу и бьют в небольшие бубны; перед ними же идут жены, кои поют песни и пляшут. По окончании пляски хозяин просит гостей принять в празднестве участие и потом возвращается в свое жилище, укладывает порядочно рогожи (циновки. — *С.К.) и ставит для гостей наилучшее свое кушанье. Гости же, пришедши, садятся и, наевшись досыта, начинают веселиться. Сперва пляшут ребята и, прыгая, бьют в свои маленькие бубны, а старшие обоего пола поют в сие время песни. Потом пляшут мужчины почти совсем нагие и занавешиваются только спереди. Они идут малыми шагами один за другим и бьют в большие бубны. А когда они устанут, то сменяют их женщины, кои пляшут во всем своем платье иногда поодиночке, а иногда попарно; причем имеют они всегда с собою довольно надутые пузыри, коими они, пляшучи, размахивают. Между тем мужчины беспрестанно бьют в бубны и поют; по окончании же пляски гасят огонь, разведенный в юрте нарочно для сего празднества, и ежели случится тут волшебник, то начинает в темноте колдовать, если же его нет, то гости отходят*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

в свой шалаш, который делают обыкновенно из байдар и рогож» [Шелихов 1971: 85–86].

«В той юрте, где я остановился, алеуты сделали один раз игрище. Приготовления к тому были следующие: подвесили в юрте горизонтально три жерди, каждую на двух ремнях, привязанных к концам их так, что первая жердь висела под самым верхним отверстием юрты, фута на три от оного; другая жердь пониже первой и на сажень далее; третья — в одной с половиною сажени от второй и высотою от полу или от земли фута на четыре. Когда таким образом приготовили, то все приезжие из других селений алеуты должны были спускаться по сим жердям, перескакивая с одной на другую, при звуке бубнов и крике от хозяев. Кто не мог спуститься и падал, над таковым смеялись. Когда гости сели по местам, тогда началась пляска обыкновенным порядком: сперва нагие мальчики и большие мужчины в шитых шапочках, перепоясанные поясом и имеющие на руках и ногах повязки, с бубнами в руках один за другим скакали. Потом выходили по две женщины в ряд в вышитых и украшенных козьей шерстью повязках. Перед ними положены были на полу надутая тюленья кожа и пузырь, которые они попеременно то та, то другая брали в руки и скакали с оными, а иногда в такт бубнов трясли головами, то подсовывая оную вперед, то поворачивая в обе стороны. За сими вышел ряд других женщин, которые плясали так же, как и первые, держа каждая в руках по стрелке. Когда все женщины переплясали, тогда выходили мужчины, один за другим, под разными личинами: первая из них имела разинутый рот и вверху ее тюленья голова. Алеуты, ударяя в бубны, пели ей песню, которую мне толмач и переводил, но я смыслу оной понять не мог» [Сарычев 1952: 201].

«До 1890-х годов среди алеут (Командорских островов. — *С.К.) был распространен их чисто национальный музыкальный инструмент "чайях" — барабан из сивучьей кожи, с тремя натянутыми поверх струнами из китовых жил. Под этот барабан устраивались танцы — своеобразные пантомимы. Музыканты-барабанщики сочиняли песню, подготовляли предварительно плясунов. На танцы собиралось все население. Музыканты начинали бить в свои барабаны, плясуны в зависимости от сюжета песни представляли различные переживания, выражая в движении ног, рук, мимике ужас, скорбь, разбушевавшееся море, шлюпку, настигаемую штормом, раненого зверя и пр.»* [Кулагин 1927: 197].

Охранительные обряды

«При беременности жены мужчина не должен ничего делать топором из опасения погубить ребенка. При родах уносят всю мужскую одежду в другую хижину или складывают ее в кучу и покрывают травяным матом, потому что в противном случае, по их утверждениям, они могли бы претерпеть всякие беды <...> так, морской лев и самец морского котика могли бы погнаться за ними в море и разорвать зубами их каяк (байдарку. — *С.К.) »* [Мерк 1978: 85].

«Во время беременности жены муж не имеет права убивать дубиной морских животных, лежащих на берегу или на подводных скалах, но он может их убивать гарпуном, в противном случае алеуты боятся, что ребенок родится мертвым. Также не имеют права ничего отрезать от выброшенного на берег кита. Если алеутка желает после тяжелых родов бесплодия, то она не закапывает послед в землю, а бросает его на землю, чтобы он стал добычей животных и птиц. Для грудных младенцев вешают к люльке кусочки тех животных, которых добывают в течение шести месяцев. При этом птиц вешают целиком, а от морских львов, медведей и тюленей только морды, а от рыб — только куски» [Там же: 63].

«Если женщина из неосторожности по своей вине рождает преждевременно мертвого ребенка или, чтобы скрыть любовь на стороне, изгоняет свой плод выдавливанием, то это у алеутов имеет важное значение, потому что грозит бедой для семьи. Одежда, меховая парка такой женщины набивается травой и выставляется, а муж, брат, или ближайший родственник, или старейший из населенного пункта пускает в одежду несколько стрел, чтобы показать толпе, что женщина сама застрелена, в то время как последняя тайно крадется к хижине. Это наказание налагается на бывшую беременную шаманом. Вечером набитая парка ставится между хижиной и костром. Сама женщина должна встать позади парки так, что только видно ее лицо. Тогда старейший указывает на нее пальцем и говорит: "Это злодейка". После чего в парку опять стреляют, а женщина вместе с последней падает на землю, где стар и млад

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

бьет по парке палками, в то время как женщина опять тайно крадется в хижину и остается там, спрятавшись, 24 часа, после чего она снова может взять свою одежду, которая столько же времени остается лежать вне хижины. Алеуты считают, что если бы они, таким образом, не наказывали это несчастье, то один из родственников утонул бы или погиб каким-либо другим способом, а другие не имели бы удачи на охоте или во время рыбной ловли» [Там же: 87–88].

Погребальный обряд

«Если можно верить рассказам, то освобождаются старики алеуты сами от груза жизни, когда они в тягость себе и другим. Такой алеут обращается к молодым, которые едут или высылаются на рыбную ловлю, со словами: "Сегодня еду с вами" — и тогда едет вместе, удит, как остальные, только при возвращении назад задерживается у места, где на скрытые подводные камни наплескивают волны. <...> Старик подъезжает ближе, лодка опрокидывается, и он тонет, а остальные, которые за ним тайно наблюдали, одобрительно улыбаются ему вслед» [Там же: 68].

«Скудных покойников завертывают они в их платье или в рогожку, а потом кладут во гроб и засыпают землею; богатых же укладывают в платье и с оружием в небольшие байдары, которые делают из наносного лесу, и вешают их на столбах, поставленных крестообразно; после чего мертвое тело истлевает на вольном воздухе» [Шелихов 1971: 87].

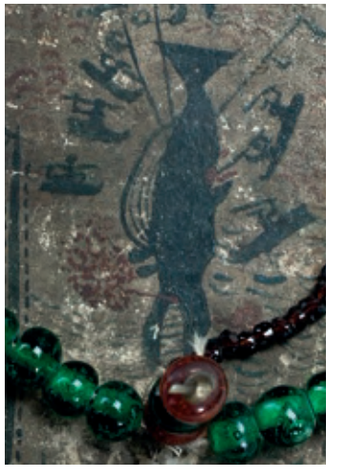
«Алеуты хоронят покойников в той одежде, в которой их застала смерть. С мужчинами они кладут в могилу лодки, дротики и удочки, несколько надломленные. Покойников связывают ремнями или шнурами, сплетенными из кишечных полос, и кладут их в мешки или завертывают в травяные маты. В знак воспоминания о покойниках муж подвешивает труп своей жены над тем местом, где он спит, вынув предварительно из трупа внутренности и набив в него моху. Также подвешивают они трупы маленьких детей, которые висят до тех пор, пока жена не родит другого ребенка. Однако они уже начинают забывать этот свой обычай. Теперь трупы кладут на тюленью шкуру и покрывают такой же шкурой. Внутренности, вынутые из трупов, закапывают рядом с трупом в особой яме» [Мерк 1978: 64].

«Прежде было обыкновение по смерти тойона или какого богатого алеута убивать одного из его любимых прислужников и класть с ним. Ныне сей варварский обычай отменен, а кладут только с покойником его байдарку, стрелки и другие подобные сему вещи. Брюхо из мертвого вынимают и набивают туда сена. Незажиточных алеут хоронят просто в землю или иногда под утесом в пещерах. Богатых же погребают в сделанных нарочно из наносного лесу срубах, где, насыпав несколько землю, подстилают травяные ковры и кожу с байдарки. На оную кладут покойника спиною, связанного ремнями таким образом, как они обыкновенно сидят, колени притянуты к грудям и руки под оными; потом покрывают сверху рогожею и засыпают землею. Байдарочную решетку ломают в куски и обломки втыкают сверху могилы в землю. Жена умершего, ежели она любила своего мужа, в знак печали обрезывает на голове свои волосы и оплакивает его несколько дней. Некоторые же из любви к покойнику держат его по нескольку недель в юрте, сделав для него рамы наподобие лежащей боком треугольной призмы. Сии рамы делают они по величине мертвого, обтягивают и обшивают их кругом кожами. Сажают туда покойника так, чтоб он был в положении сидячего человека, и до тех пор хранят его в отдельном месте юрты, покуда жестокий смрад не принудит похоронить оного. Маленьких же детей, так как удобнее и крепче можно сделать для них таковое хранилище, держат по году и более или до тех пор, как родится другой ребенок. Украшают оное снаружи бисером, корольками, ремешками, топорковыми носками и подвешивают его близ своих постель» [Сарычев 1952: 217].

«К числу примечательных вещей принадлежат на Атхе мумии. <...> Живущие на острове Атхе русские сказывали, что во многих расселинах и пещерах находятся здесь неистлевшие тела, но алеуты тщательно скрывают оные. В Уналашке также есть множество таких мумий, которым, кажется, алеуты воздают некоторые почести, но тоже с великой скрытностью от русских» [Хлебников 1979: 163].

«Алеуты рассказывают, что некоторые из трупов, находящихся и поныне в пещерах на одном из Четырехсопочных островов, и в самые первые времена (появления здесь. — *С.К.) алеутов были в том же виде, как и теперь. Они лежат вместе друг подле друга, одетые в собачьи парки, бороды и волосы у них рыжие или русые; кожа на теле черная»* [Вениаминов 1840, ч. II: 132].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН



530.
Шляпа-козырек № 2868–40.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, медь, бусы, ус сивуча, китовый ус, волос, хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: длина с усом 92 см, длина 42,5 см, ширина 19,7 см, высота 21 см.
Собиратель: С.П. Хрущев. 1822–1823 гг., о. Уналашка.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Эта шляпа-козырек принадлежала охотнику на китов и использовалась не только как часть охотничьего костюма, но и в ритуалах, направленных на обеспечение удачной охоты. В нижней части шляпы изображена сцена охоты на кита, в верхней — птица-гром, сжимающая когтями птицу и какое-то мифическое существо или морское животное. Птица-гром известна в мифологии многих народов Северной Америки: тлинкитов, эскимосов о. Кадьяк, юпик, алеутов и др. Кривой клюв, широко расправленные крылья и две фигуры китов или мифических существ в лапах — характерные признаки при ее изображении. К шляпе прикреплена костяная фигурка птички с человеческими ногами. Такое изображение птиц встречается в изделиях алеутов и юпик, но не встречается у эскимосов о. Кадьяк. По нижнему краю шляпы с правой стороны изображены сцены забоя морских котиков и охоты на моржа, с левой стороны — сцена промысла морских котиков, жилище в разрезе и алеуты за домашними работами.

И.Е. Вениаминов сообщает: *«При китовом промысле особенно много было примет и причуд. Носки стрел, коими промышляли китов, намазывали человеческим салом или привязывали к ним какую-нибудь часть самого тела, которые они брали от трупов, называемых асханан и находящихся в пещерах. <…> Промышленник, бросив стрелу, начиненную такими веществами, в кита, тотчас дышал на свои руки и, бросив одну стрелу и попав в кита, другой не кидал, хотя бы и мог, но тотчас уезжал домой и удалялся от людей в особенный шалаш, где должен был пробыть трое суток без пищи и питья и не допуская до себя женщин, и особенно нечистых. В продолжение этого времени он изредка вздыхал, подобно подстреленному и умирающему киту, для того дабы кит, в которого он стрелял, не отошел от берега и также бы страдал и тихо умирал»* [Вениаминов 1840, ч. II: 133].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

531.
Шляпа-козырек № 2868–83.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, бусы, ус сивуча, сухожилия.
Размеры: длина с усом 73 см, длина 45 см, ширина 19,7 см, высота 22 см.
Собиратель: неизвестен. XVIII–XIX в., вероятно, о. Уналашка.

Как и предыдущая, эта шляпа использовалась во время охоты на китов и в ритуалах промыслового культа. Она украшена рисунками морских животных и сцен охоты. Ее боковая пластина сходна по форме с пластинами на шляпе (№ 536–13), приобретенной Ю.Ф. Лисянским в 1804 г. Эта деталь указывает на древность настоящей шляпы.

«Едва покажется первый <...> кит (заплывший на отмель. — *С.К.)*, *как пятьдесят мужчин и женщин, одетых в лучшие свои одежды, выезжали ему навстречу. Старший от имени всех охотников обращался с киту с приветствием. Предки наши думали, что кит позволит себя поймать только хорошим, вежливым людям <...>».*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

«Иногда случалось, что зазевавшийся кит оказывался на отмели. Ему надо было ожидать прилива, чтобы снова уйти в океан. Но предки считали это особой милостью кита к ним. С криками благодарности охотники бросались к царю океанов. Радостно поздравляли они друг друга с тем, что допускались есть священное мясо кита. С барабанным боем байдары подплывали к отмели. Кита убивали и общими усилиями волокли к берегу. Лучшие охотники-китоловы, совершенно голые, с масками на лицах, начинали священный танец, подражая движениям животных. Этот танец (теперь его все позабыли) означал встречу <...> (кита. — *С.К.*) *с земными животными»* [Чибизянов 1928: 57–59].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

532.
Шляпа-козырек № 2868–106.
Материал: дерево, краска, моржовая кость, ус сивуча,
шерстяные и хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: длина с усом 94 см, длина 55 см, ширина 23,3 см, высота 23,5 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., вероятно, о. Уналашка.

Эта шляпа-козырек украшена самым сложным узором среди алеутских шляп МАЭ. Она очень длинная и поэтому неудобна для использования во время морской охоты: *«Большие шапки при сильном ветре для неопытного* (охотника. — *С.К.) могут быть причиною гибели его тем, что очень легко ветер может забраться под шапку и силою своею опрокинуть его байдарку, и потому многие в таковое время для предосторожности снимают их»* [Вениаминов 1840, ч. II: 219].

И.Е. Вениаминов писал об использовании промысловых орудий и охотничьего снаряжения, в том числе и деревянных шляп-козырьков, во время исполнения ритуальных танцев: *«Празднество состояло обыкновенно в сценических представлениях, при песнях и бубнах; тогда употреблялись и маски, личины разные и все промысловые орудия и вещи* (из охотничьего снаряжения. — *С.К.)*, *смотря по тому, что представляют пляшущие. Нередко при таких представлениях бывали и шаманства. И вообще при всех игрищах и празднествах перводействующими лицами всегда были шаманы»* [Там же, ч. III: 14].

Роспись на передней поверхности шляпы представляет стилизованное изображение нескольких антропоморфных «личин», расположенных друг над другом. Крестообразный узор в верхней части боковых пластин напоминает перекрещенные звенья костяной цепи. В МАЭ есть фотография XIX в. этой шляпы, на которой видно, что к верхней части костяной пластины, закрывающей задний шов, была прикреплена фигурка птички, аналогичная № 2937–6.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

533.
Мужской головной убор № 2868–234.
Материал: кожа, краска, кишки, китовый ус, козья шерсть, сухожилия.
Размеры: общая высота 48 см. Основа: высота спереди 32 см, высота сзади 34 см, ширина 20 см, ширина профиля 14 см.
Собиратель: неизвестен. XVIII в., Андреяновские острова.

Об использовании алеутами Андреяновских островов ритуальных головных уборов у Г.А. Сарычева сказано: *«Мужчины, снявши с себя парку, в одной рубашке и портах, пляшут поодиночке. На голову они надевают высокую шапку с длинною и узкою верхушкою, высунувшейся далеко вперед, загнувшейся несколько кверху и украшенной кругом козьей шерстью»* [Сарычев 1952: 202].

Сходные по форме головные уборы были у эскимосов о. Кадьяк [Эскимосы... 2010: 240].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

534.
Мужской головной убор № 2868–232.
Материал: кожа, краска, козья шерсть, сухожилия.
Размеры: высота 22 см, длина 26 см.
Собиратель: неизвестен. XVIII в., Андреяновские острова.

Об использовании ритуальных головных уборов К.Г. Мерк писал: *«Мужские танцы, которые приняты на Андреяновских островах. <…> При этих танцах носят алеуты особые шапки, спереди высокие и обильно украшенные козьей длинной шерстью»* [Мерк 1978: 61].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

535.
Ритуальный головной убор № 4104–9.
Материал: кожа и мех тюленя, краска, китовый ус, олений волос, шерстяные нити, клювы топорка, сухожилия.
Размеры: общая высота 61 см. Основа: длина 18 см, ширина 14 см, высота 12 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XVIII в., Андреяновские острова.

Этот головной убор символизирует фигуру птицы. Голову и шею птицы представляет длинная полоса, пришитая к верхней части головного убора, хвост — бахрома из ремешков, тело — основа головного убора, которая надевалась на голову. Такие головные уборы использовались во время ежегодных ритуалов, направленных на обеспечение удачной охоты в следующем промысловом сезоне. И.Е. Вениаминов писал: *«В прежние времена была еще в употреблении круглая шапочка, сделанная из нерпичьей кожи, вышитая оленьей шерстью, с длинною косою из ремешков назади и с вышитым языком впереди. Шапки эти употреблялись только при плясках; ныне* (в 20-е годы XIX в. — *С.К.) никто их не имеет»* [Вениаминов 1840, ч. II: 219].

Головные уборы этого типа изображены на костяных фигурках алеутов из коллекции А.К. Этолина [Varjola et al. 1990: 198–199; Black 2003: 108–109]. Соответственно, в 40-е годы XIX в. ритуальные головные уборы, символизирующие птиц, сохранялись у алеутов о. Атка.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

536.
Головной убор, символизирующий птицу, № 313–70.
Материал: кожа тюленя, мех морского котика, краска, перья, олений волос, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина с бахромой 50 см. Основа: длина 23 см, ширина 15 см, высота 13 см, высота султана 24 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

Ритуальные головные уборы, символизирующие птиц, заменили собой более древний тип головных уборов из целой шкуры птицы: *«Зимою носят шапки из шкурок пеганок (утка), которые сдирают и высушивают так, что голова проходит в брюхо птицы; причем ее шея, крылья и хвост остаются по-прежнему на своих местах. Наивеликолепнейшие их перяные* (перьевые. — *С.К.*) *шапки делаются из пеганок. Вместо шеи приделывают состоящую из сложенной вдвое кожи шириною в два пальца упругую полосу, которая внизу и вверху распещрена* (украшена. — *С.К.*) *мелким шитьем,*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

а по краям выложена волосяною бахромою длиною в перст (палец. — *С.К.*)» [Беляев 1800: 180]. Также сведения о ритуальных головных уборах, сделанных из целой шкуры птицы, приведены у Г.И. Шелихова: *«Некоторые носят шапки из пестрых птичьих кож, у которых оставлены отчасти крылья и хвост»* [Шелихов 1971: 81].

Ритуальный головной убор типа № 313–70 имеется в собрании Камчатского областного краеведческого музея [Володарская 2002: 176–177].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

537.
Ритуальный головной убор № 313–68.
Материал: кожа и мех тюленя, ткань, ус сивуча, конский волос, перья, шерстяные и хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: общая высота 70 см, ширина 18 см, длина бахромы 39 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

Как и предыдущий, этот головной убор символизирует водоплавающую птицу. Такие головные уборы использовались во время исполнения ритуальных танцев.

«Древний национальный алеутский танец теперь помнят только старики, и о нем я знаю только из их рассказов. Он исполнялся 3–5 мужчинами, одевавшимися в особые костюмы, сшитые из нерпичьих шкур, и изображал боевые и охотничьи приключения какого-нибудь знаменитого промышленника; танцующие во время исполнения этого танца пели про военные подвиги или про охоту изображаемого ими лица. Танцу аккомпанировал оркестр,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

состоящий из особого рода барабанов или бубнов из нерпичьих или котиковых шкур. Исполнение этого танца продолжалось 3—4 часа, причем танцующие все время меняли один другого» [Редько 1927: 89—90].

Головные уборы, символизирующие птиц, бытовали у алеутов Командорских островов до начала XX в. Соответственно до этого времени сохранялась память о ритуалах, связанных с их использованием. Что касается американских алеутов, то имеется фотография 1910—1912 гг., на которой изображен алеут с Уналашки Исидор Соловьев в парке, с бубном и колотушкой в руках, на его голове — убор из целой шкуры чайки — с опереньем, крыльями и головой с клювом [Berreman 2002: 28].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

538.
Накидка-платок № 313–69.
Материал: кожа тюленя, пищевод сивуча, краска, олений волос,
шерстяные и хлопчатобумажные нити, сухожилия.
Размеры: длина 96,5 см, ширина 52,5 см, длина кисти 11 см.
Собиратель: Николай Александрович. 1891 г., Командорские острова.

По каталогу выставки подарков Николаю Александровичу эта накидка-платок значится как «№ 668. Алеутская шапка для танцев» [Каталог выставки... 1998: 73]. Несмотря на то что в каталоге указан один предмет, к порядковому номеру 668 относятся еще два ритуальных головных убора № 313–68, 70. Аналогичная накидка-платок из собрания Камчатского областного краеведческого музея названа «платком женским» и «празднично-обрядовым головным убором» [Володарская 2002: 176]. Еще одна алеутская накидка-платок, приобретенная на Командорских островах в 1882 г., имеется в собрании Национального музея естественной истории в Вашингтоне, в книге Л. Блэк она названа «танцевальной шалью» [Black 2003: 159].

Сведения об использовании накидок в ритуалах алеутов Андреяновских островов приведены у К.Г. Мерка: *«Мужчина, который носил маску, попеременно то подпрыгивал вверх, то кружился на месте в такт ударам в бубен. В обеих руках он держал по два надутых желудка морских животных, которыми размахивал различным образом, но в такт; иногда бросал их прочь и вместо этого брал покрывало* (накидку-платок. — *С.К.*) *, сшитое из кишечной кожи, с красными и белыми полосами на нем, для подобной же игры»* [Мерк 1978: 61]. (Также см. аннотацию к № 4104–67.)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

539.
Пузырь-поплавок № 4104–67.
Материал: мочевой пузырь сивуча, краска, сухожилия.
Размеры: длина 33 см, ширина 21 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Андреяновские острова.

Во время проведения религиозных ритуалов надутые воздухом пузыри-поплавки символизировали морских животных. Об их использовании Г.А. Сарычев писал: *«Когда алеуты запели песню, тогда плясун взял в каждую руку по пузырю и, держа оные за один конец так, чтоб они лежали вдоль руки другим концом к локтю, начал с оными скакать, делая разные движения руками и кривляя головою в лад бубнов. Потом, брося пузыри, взял надутую тюленью кожу и, поднимая ее многократно кверху, показывал всем. После сего, положа кожу, плясал таким же образом с платком, держа концы его в обеих руках. Напоследок, взяв палку, делал ею так, как гребут веслом на байдарке»* [Сарычев 1952: 202].

К этому предмету имеется этикетка Морского музея с надписью «Пузырь сивучий плясовой». Этикетка с такой же надписью есть и к пузырю-поплавку № 4104–68.

540.
Пузырь-поплавок № 4104–68.
Материал: мочевой пузырь сивуча, краска, сухожилия.
Размеры: длина 33 см, ширина 22 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Андреяновские острова.

Об использовании пузырей-поплавков во время исполнения танцев К.Г. Мерк сообщает: *«Затем танцуют женщины (их танцы называются Achalk) также в отдельности, в лучших парках, если можно так выразиться. Они прыгают, прижав к туловищу ноги, ноги вперед, поворачиваясь назад и прямо вперед, причем некоторые из них имеют в каждой руке надутый продолговатый пузырь морского льва, в котором положены камешки или зубы. Они их* (пузыри. — *С.К.) держат перед бедрами как доказательство того, что их мужья ловки в охоте; хвалу мужьям воспевают остальные»* [Мерк 1978: 61].

В коллекции А.К. Этолина в Национальном музее Финляндии есть две костяные фигурки алеутов о. Атка, представляющие женщин за исполнением танцев. В руках они держат пузыри, а на одной из фигурок изображена мужская парка типа № 2888–82 [Varjola et al. 1990: 199; Black 2003: 110].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

541.
Верхняя часть от ритуального головного убора № 2868–26.
Материал: кожа, краска, сухожилия.
Размеры: длина 15,5 см, ширина 10,5 см.
Собиратель: вероятно, П.В. Повалишин. 1804–1805 гг., о. Уналашка.

Этот образец вышивки является верхней частью от ритуального головного убора. Алеутский головной убор с тульей, украшенной подобным узором, изображен на рисунке Дж. Вебера — участника Третьей экспедиции Дж. Кука [Cook 1784: pl. 56].

542.
Ритуальный женский головной убор № 2868–233.
Материал: кожа, краска, козья шерсть, сухожилия.
Размеры: диаметр 14 см, высота 9 см, длина бахромы 20 см.
Собиратель: неизвестен. XVIII в., о. Уналашка.

Головной убор этого типа, как и предыдущий (№ 2868–26), изображен на рисунке Дж. Вебера [Cook 1784: pl. 56]. Соответственно настоящий головной убор может относиться к 70–80-м годам XVIII в. На его тулье вышит узор в форме креста. Подобный узор в виде креста из четырех расширяющихся лучей имеется на женском головном уборе эскимосов о. Кадьяк [Эскимосы... 2010: 238–239].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

543.
Плетеный головной убор № 4104–28.
Материал: стебли дикой ржи, шерстяные нити.
Размеры: высота 12 см, диаметр 17 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., о. Атка.

Этот плетеный головной убор относится к изделиям XIX в. По своему функциональному использованию он заменил ритуальные женские головные уборы предыдущего типа (№ 2868–233). В Национальном музее Финляндии имеются три аналогичных головных убора. Они определены как изделия алеутов о. Атка [Varjola et al. 1990: 196].

544.
Головной убор в виде повязки № 2868–92.
Материал: кожа, краска, сухожилия.
Размеры: длина 27 см, ширина 5 см.
Собиратель: вероятно, А.М. Юрлов. 1767 г., Алеутские острова.

Возможно, этот головной убор является «венцом с прикраскою», о котором упомянуто в списке коллекции А.М. Юрлова. Такие повязки использовали во время танцев, когда *«...красавицы носили еще на лбу ленту из голой черной кожи тюленя, к которой кругом было пришито десять белых ремешков. С переднего края лента была украшена торчащей длинной шерстью козы»* [Мерк 1978: 68].

Об использовании головных повязок в ритуалах, связанных с китовой охотой, Г.А. Сарычев сообщает: *«Я застал еще здесь игрища, бываемые у алеут обыкновенно зимою и продолжающиеся до весны или до тех пор, насколько станет китового жиру. Начало сих празднеств, как сказывают, произошло от шаманов, которые уверяли алеут, что служащие им духи любят сие увеселения и обещают за оные выкидывать на берега их китов. Для таковых игрищ обыкновенно делаются деревянные личины, по виду казавшихся шаману духов. Ныне алеуты хотя и не так верят шаманам, как прежде, однако ж делают всегда сии празднества в том селении, где выкинет кита. Первый человек, нашедший оного, в знак того носит на голове узкую повязку, вышитую узорами, и сверх сего имеет право взять себе половину перепонки с языка, также половину кишок и половину жил; остальное ж тойон селения разделяет всем своим алеутам поровну»* [Сарычев 1952: 200].

Эти сведения дополняет К.Г. Мерк: *«Кто нашел кита первым, носит на голове повязку, вышитую пестро перышками и украшенную шерстью козы, и носят до тех пор, пока весь жир и мясо не будут съедены»* [Мерк 1978: 82].

545.
Пояс № 2868–235.
Материал: кожа, краска, кость, сухожилия.
Размеры: длина 102 см, ширина 5 см.
Собиратель: вероятно, И.М. Соловьев. 1764–1766 гг., о. Уналашка.

Пояс являлся частью ритуального костюма как мужчин, так и женщин, он использовался во время исполнения танцев [Сарычев 1952: 201]. В повседневной жизни *«пояс алеуты не употребляют, кроме того случая, когда надобно идти в парке или камлейке пешком»* [Вениаминов 1840, ч. II: 216].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

546.
Праздничная мужская парка № 2888–82.
Материал: кожа топорка с перьями, кожа тюленя, краска, мех морского котика, ткань, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 112 см, ширина подола 104 см, ширина с рукавами 138 см, ширина манжета 14 см. Ворот: ширина 26 см, высота 6 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1844 г., о. Атка.

«Мужчины носят парку, из птичьих кож сделанную; иногда перьями снаружи, а временем к телу. Кожаная сторона вся окрашена, а для щегольства украшают ремешками вышитыми. Такими же ремешками весьма искусно закрывают все швы на плечах. Поперек положенными ремешками в два ряда украшают перед и спину, опушка бывает очень узкая из котика морского и правильно сделанная, а вокруг шеи пришивают они широкий воротник из всякого хорошего меха» [Биллингс 1978: 44–45].

Парка хорошей сохранности из коллекции И.Г. Вознесенского, аналогичная экземплярам из собрания МАЭ, находится на хранении в Национальном музее Финляндии [Varjola et al. 1990: 140–141].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

547.
Праздничная мужская парка № 2888–86.
Материал: кожа топорка с перьями, кожа тюленя, краска, мех морского котика, мех калана, олений волос, шерстяные нити, сухожилия.
Размеры: длина 128,5 см, ширина подола 93 см, ширина с рукавами 158 см, ширина манжета 15 см. Ворот: ширина 23 см, высота 6 см.
Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1844 г., о. Атка.

Праздничные мужские парки использовали во время ритуальных танцев не только мужчины, но и женщины. Г.А. Сарычев писал: *«Женщины* (Андреяновских островов. — *С.К.*), *приготовляясь к пляске, надевают мужскую птичью парку, подпоясывая ее посредине; на голову повязывают такую же повязку, как и здешние алеуты; на спину на ремне вешают стрелку с надутым пузырем. В сем наряде выходит она перед сидящими мужчинами, становится посредине травяной рогожки на колени, и когда зрители начинают петь песни, тогда она станет понемногу пошевеливаться и привставать, держа руками за пояс; потом, вынув из-за спины стрелку, приподнимается на ноги и с нею пляшет на одном месте, потряхивая головою в такт бубнов и поворачивая стрелку в разные стороны»* [Сарычев 1952: 202].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

548.
Ритуальная маска № 538–1.
Материал: дерево, краска.
Размеры: высота 26,5 см, ширина 26,5 см, ширина профиля 15,5 см.
Основа маски: высота 26 см, ширина 21 см.
Собиратель: И.И. Архимандритов. XVIII в., поступила в 1857 г., о. Атка.

На маске сохранились небольшие фрагменты красочного слоя. Ее брови были окрашены в черный цвет; веки, внутренняя поверхность ноздрей и губы — в красный цвет. С обратной стороны маски есть рейка, за которую зубами держали маску во время исполнения танца.

Об использовании алеутами масок И.И. Биллингс писал: *«Зимою они веселятся более, нежели летом, но есть у них один обычай, которого я совершенно узнать не успел; он состоит в том, что они по приказанию своих колдунов или шаманов делают широкие деревянные личины и надевают их весною при пляске, которая бывает с битьем в бубен, с пением, с мазанием собственных лиц, а по окончании празднества закладывают оные личины в пещерки,*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

что в каменистых приморских утесах, и после никогда уже их не трогают. Думаю, что сие есть не иное что, как род жертвоприношения, дабы удачливым быть на ловле зверей, счастливым и благополучным в рассуждении здоровья и пр.» [Биллингс 1978: 46].

Эти сведения дополняет Г.И. Шелихов: *«Во весь декабрь месяц они веселятся; и сии забавы разнятся от вышеупомянутых тем токмо, что мужчины пляшут в деревянных личинах, изображающих разных морских зверей и подкрашенных краскою, зеленою и черною землею, которую на сих островах находят. Во время празднества жители посещают одни других не только из разных селений, но и с ближайших островов. По окончании игрищ ломают они свои личины и бубны или кладут их в пещеры гор, откуда никогда их более не берут»* [Шелихов 1971: 86].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

549.
Ритуальная маска № 538–2.
Материал: дерево, краска.
Размеры: высота 30,5 см, ширина 23 см, ширина профиля 13 см.
Собиратель: И.И. Архимандритов. XVIII в., поступила в 1857 г., о. Атка.

В нескольких местах на поверхности маски имеются остатки коричневой краски, которой когда-то была закрашена бóльшая часть маски, веки и губы закрашены в красный цвет. Судя по отверстиям для крепления, как и на предыдущей маске (№ 538–1), на этой маске были дополнительные накладки. На ее внутренней стороне рейка, за которую маску держали во время танца, отсутствует, но с боковых сторон есть пазы для такой рейки.

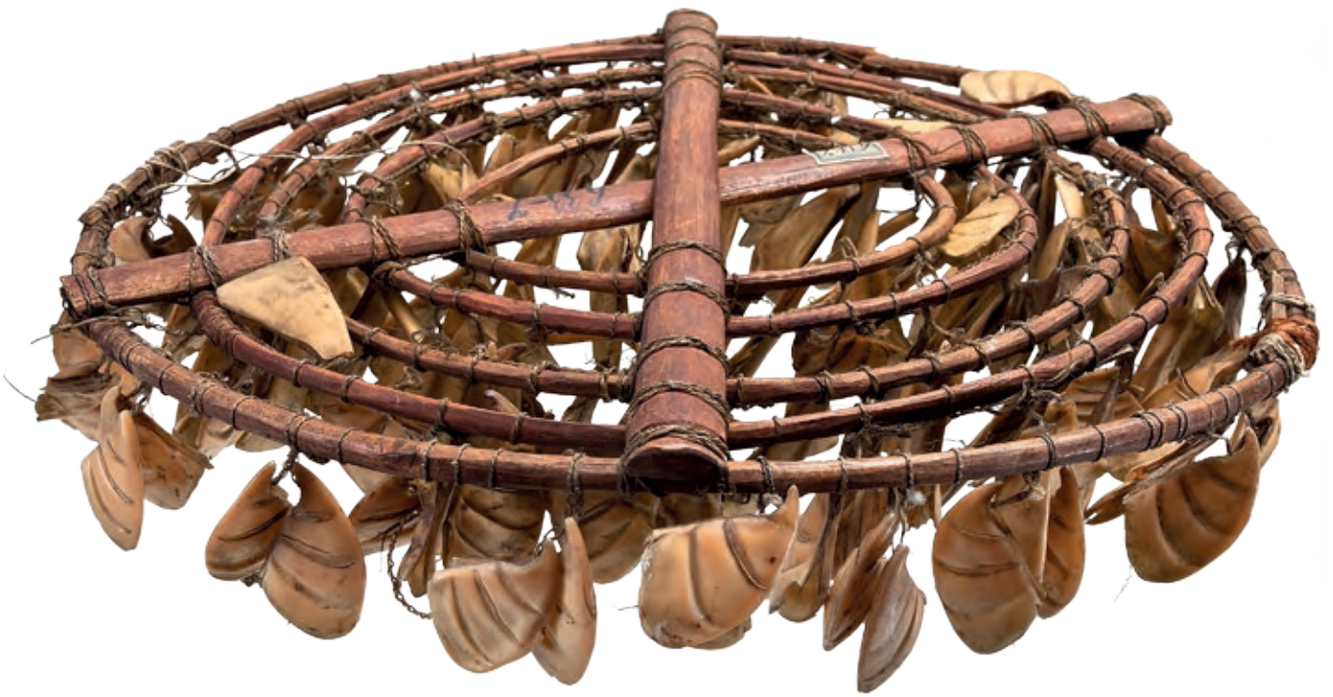
«Каждый танец в масках сопровождался особым пением. Одна маска держала в руках деревянный сосуд с маленьким пламенем из сухой травы и жира и бросила сосуд прочь, когда огонь потух. Толкование этого огня, а также песни при этом следующие: “Мой отец, который меня произвел на свет, дал мне этот огонь, как дневной свет”. Конец песни сопровождается радостными возгласами, затем это сменяется другими сценами. Тут и подражание охоте на морских животных и птиц, когда один из танцующих, например, притащил целую надутую кожу тюленя и выражал своими телодвижениями радость нападения на след животного, несколько страха и наконец забой жи-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

вотного палкой. Затем под соответствующей маской предлагает свои услуги сват со многими поклонами. Также танцуют девушки с намазанными растертой медной рудой лицами, в отдельных случаях с копьем в руке. В соответствии с обычаем гости не принимают участия в танцах. Последние продолжаются до самого утра. Каждый имеет свою собственную маску, которую прячут в начале весны, и алеуты никогда не сожгут своих масок, даже при полном отсутствии дров. Осенью мужчины вырезают опять себе новые маски с разными украшениями на них, как то: веслами, маленькими закругленными кусочками дерева, которые символизируют каменистую почву, на которой они живут, и т.д. Каждый придумывал свои собственные украшения» [Мерк 1978: 62–63].

Можно заметить внешнее сходство между этой маской и маской юпик района низовий Юкона из коллекции Э.В. Нельсона [Fienup-Riordan 2007: 77].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН



550.
Погремушка-трещотка № 633–7.
Материал: дерево, краска, клювы топорка, сухожилия.
Размеры: диаметр 29 см, ширина с клювами 5 см.
Собиратель: П.В. Повалишин. 1804–1805 гг., Аляска.

Пять обручей погремушки символизируют пять сфер, или миров, в которых обитали духи: подземный, подводный, земной и два воздушных, один из которых размещался над облаками, а в другом находились солнце, луна и звезды. Считалось, что личный дух-хранитель шамана перемещался между всеми пятью мирами и помогал шаману в борьбе с враждебными духами.

«Алеуты верили, что есть три света (которым они приписывали бытие и действие). Первый свет, называемый акадан Кюдак, т.е. высший свет, не имеющий ночи или вечера, где обитает множество (умерших. — *С.К.) людей. Второй свет — наш мир. Третий свет — подземный, называемый ситхугик Куюдак, где также обитает множество людей, смертных или бессмертных, того неизвестно»* [Вениаминов 1840, ч. II: 119].

Эта погремушка была опубликована в каталоге «Эскимосы алютиик» [Эскимосы... 2010: 331]. В результате дальнейших исследований удалось установить, что она является изделием алеутов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

551.
Погремушка-трещотка № 2867–35.
Материал: дерево, краска, клювы топорка, перо, сухожилия.
Размеры: диаметр 38 см, ширина реек 1,7 см.
Собиратель: неизвестен. XVIII в., о. Уналашка.

В наставлениях участникам торгово-промышленных экспедиций XVIII в. неоднократно упоминается о необходимости сбора «мусикийских», т.е. музыкальных, шаманских инструментов. В книге О.П. Беляева об этой погремушке сказано: *«Мусикийское орудие жителей острова Уналашки, состоящее из пяти разной величины обручей, укрепленных горизонтально поперечною палочкою и унизанных ипаткиными носами* (топорковыми клювами. — *С.К.*), *которые при малейшем трясении, друг о друга ударяясь, производят довольно ощутимый и приятный шум»* [Беляев 1800: 238].

552.
Погремушка-трещотка № 2867–34.
Материал: дерево, краска, клювы топорка, кожа, сухожилия.
Размеры: диаметр 34,5 см, ширина реек 1,7 см.
Собиратель: И.И. Биллингс. 1790–1792 гг., о. Уналашка.

Погремушки-трещотки являлись принадлежностью шаманских камланий и использовались для вызова духов. Подобные погремушки были распространены среди многих народов тихоокеанского побережья Северной Америки — от нутка острова Ванкувер до эскимосов полуострова Аляска и алеутов. Погремушки-трещотки тлинкитов и эскимосов о. Кадьяк опубликованы в каталогах Кунсткамеры [Тлинкиты... 2007: 257; Эскимосы... 2010: 326–335].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

553.
Фигурка духа в образе калана № 2938–9.
Материал: дерево, краска, стекло.
Размеры: высота 13,8 см, ширина 4,1 см, толщина 3,4 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Об использовании фигурок каланов К.Г. Мерк писал: «Чтобы сделать эту ловлю (каланов. — *С.К.*) более благоприятной, суеверные алеуты берут на свои одноместные каяки (байдарки. — *С.К.*) вырезанные из дерева фигурки морских выдр — Tschaach» [Мерк 1978: 81–82].

Использование различных амулетов долго сохранялось у алеутов. В 1927 г. Б.А. Редько писал: *«Распространена на Командорах и вера в силу талисманов. Мне пришлось один раз видеть талисман, называемый алеутами “чикмах” и считавшийся среди них весьма редким и ценным даже в древнейшие времена. Этот талисман имеет сжато-яйцевидную форму, величиной равен лесному ореху, белого цвета с несколькими узкими бледно-желтыми поперечными полосками; внутри — пустота, в которой перекатывается какое-то зернышко, как дробинка в детской побрякушке. <…> Считается, что “чикмах” приносит промышленнику большое счастье, особенно при охоте на бобров* (каланов. — *С.К.*)*; “чикмах” всегда берется с собой на промысел, причем помещается в специально выдолбленные для этого углубления в поплавках бобровых сетей»* [Редько 1927: 86].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

554.
Фигурка духа в образе птицы № 2868–48.
Материал: дерево, краска.
Размеры: высота 12,5 см, диаметр подставки 10 см.
Собиратель: неизвестен. XIX в., Алеутские острова.

Водоплавающие птицы: утки, чайки, бакланы, топорки и др. — могли свободно перемещаться между тремя сферами: воздушной, земной и подводной. Поэтому духи водоплавающих птиц считались наиболее могущественными помощниками шаманов. Деревянные и костяные фигурки птиц являлись временным пристанищем их душ.

«От древних религиозных воззрений и, в частности, от существовавшего культа ворона в настоящее время остались лишь слабые следы в некоторых из алеутских сказок. Последних у командорских алеутов много, причем некоторые из них сохранились с весьма древнего времени, как, например, сказка о происхождении бобров (от людей. — *С.К.*), *записанная Вениаминовым еще в начале прошлого века»* [Редько 1927: 86–87].

555.
Ланцет в футляре с поясом № 4104–45.
Материал: камень, дерево, сухожилия.
Размеры: длина пояса в свернутом виде 28 см. Ланцет в футляре: длина 11 см, ширина 1,6 см. Лезвие: длина 3,3 см, ширина 1,2 см.
Собиратель: неизвестный мореплаватель. XIX в., Алеутские острова.

«Против болезней они, кроме кровопускания — Uchtosch, не имеют почти никаких средств, если не считать только таковыми действия их шаманов, которым они доверяют и предсказания которых принимают за определенное решение своей судьбы. Для кровопускания служит им заостренный камень — Uchtoshk; сам камень получают с острова Умнака, где он называется Igak, алеуты называют его Sadgydak и делают из него также наконечники для дротиков» [Мерк 1978: 85].

«А ежели случится где ногу или на другом месте тело повредить и об острый камень порезать, то, взяв поврежденное место, рукою захватит, а другой человек <…> зашивает рану, прихватывая тела столь отважно, как бы какую кожу; а тот поврежденный улыбаясь сидит и держит рану с удивительной терпеливостью, как не чувствует (боли. — *С.К.*), *— в чем они свою крепость и мужество доказывают»* [Описание… 1944: 35–36].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

ИСТОЧНИКИ

Архив Музея антропологии и этнографии

АМАЭ. Ф. К–V. Оп. 1. № 106. 41 л. — Хабаров В.П. Алеуты.
АМАЭ. Ф. 23. Оп. 1. № 20. 32 л. — Орлова Е.П. Алеуты Командорских островов.

Архив Русского географического общества

АРГО. Р. 60. Оп. 1. № 2. 99 л. — Полонский А.С. Перечень путешествий русских промышленников в Восточном океане с 1743 по 1800 г.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. до 1918. № 9. Л. 123–130. — Опись № IV этнографических предметов, собранных от обитателей Камчатки и Алеутских островов, калифорнийских индейцев и иных стран жителей Российских владений в Северо-Западной Америке.

БИБЛИОГРАФИЯ

Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М.: Наука, 1975. 240 с.
Барабаш И.И. Каланы, котики, голубые песцы. М.; Л.: Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1937. 96 с.
Барабаш-Никифоров И.И. Командорские острова // Советский Север. 1934. № 4. С. 41–51.
Барабаш-Никифоров И.И. В стране ветров и туманов (два года на Командорах). М.; Л.: Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1934а. 92 с.
Беляев О.П. Кабинет Петра Великого. Отделение второе, содержащее в себе подробное Историческое описание всех вообще достопамятных как естественных, так и искусственных вещей, в Кунсткамере Санктпетербургской Императорской Академии наук сохраняющихся, с присовокуплением многих таблиц, и разных любопытных анекдотов. СПб.: Императорская типография, 1800. 287 с.
Берх В.Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или Подвиги российского купечества. С присовокуплением исторического известия о меховой торговле. СПб.: В типографии Н. Греча, 1823. 169 с.
[*Биллингс И.И.*] Путешествие господина Биллингса из Охотска на Камчатку; пребывание его в сей стране, отправление на американские острова; возвращение на Камчатку, вторичное шествие морем до тех же островов с северной стороны; оттуда в Берингов пролив и на Чукотский нос. 1789–1790–1791 гг. // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. / Сост. и пер. З.Д. Титова; под общей ред. И.С. Вдовина. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1978. С. 43–54.
Блашке Э. Несколько замечаний о плавании в байдарках и о лисьевских алеутах // Морской сборник. 1848. Т. I. № 3–4. С. 115–124; № 5. С. 160–165.
[*Васильев М.Н.*] Записка М.Н. Васильева о посещении о-ва Уналашка, условиях жизни и занятиях алеутов, их отношениях с РАК, плавании к о-ву Св. Георгия для уточнения его положения // Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1815–1841 / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Наука, 2005. С. 107–111.
[*Вениаминов И.Е.*] Записки об островах Уналашкинского отдела, составленные И. Вениаминовым / Издано иждивением Российско-американской компании. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1840. Ч. I. 367 с.; Ч. II. 415 с.; Ч. III. 147 с.
Володарская Е.Е. Коллекция предметов по этнографии командорских алеутов из собрания Камчатского областного краеведческого музея (конец XIX в.) // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. Петропавловск-Камчатский, 2002. С. 170–195.
[*Врангель Ф.П.*] Замечания Ф.П. Врангеля к части третьей // Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова / Сост., введ., коммент. Р.Г. Ляпуновой, С.Г. Федоровой. Л.: Наука, 1979. С. 139–145.
Ганюшкина Т.И., Разумовская Р.С., Шаврина И.Ф. Музей антропологии и этнографии = Museum of Anthropology and Ethnography. Л.: Аврора, 1973. Фото 1–124.
Говорливый З.С. Медико-этнографические заметки об алеутах и креолах // Медицинский вестник. 1862. № 9. С. 70–77.
Головнин В.М. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 гг. флота капитаном Головниным. М.: Мысль, 1965. 384 с.
Каталог выставки предметам, привезенным Великим князем Государем наследником цесаревичем Николаем Александровичем из путешествия Его императорского Величества на Восток в 1890–1891 гг. // Путешествие на Восток. СПб.: Союз-5, 1998. 151 с.
[*Киттлиц Ф.Г.*] Уналашка (из путешествия Китлица) // Вокруг света. 1862. Т. 2. С. 186–190.
[*Коровин И.*] 1766 г. июля 26. Репорт морехода и передовщика судна «Св. Живоначальная Троица» Ивана Коровина с товарищами прапорщику Т.И. Шмалеву об их плавании и пребывании на островах Уналашке и Умнаке в 1762–1765 гг. // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. / Под ред. А.И. Андреева. М.: Государственное издательство географической литературы, 1948. С. 120–146.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Корсун С.А. Этнографическое собрание И.Г. Вознесенского в Национальном музее Финляндии // Радловские чтения 2006: Тез. докл. / Отв. ред. Ю.К. Чистов, Е.А. Михайлова. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 68–73.

Коцебу О.Е. Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981. 351 с.

Кук Дж. Третье плавание капитана Джеймса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776–1780 гг. / Пер. Я.М. Света. М.: Мысль, 1971. 636 с.

Кулагин К.В. Алеуты // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск, 1927. № 6–7. С. 190–201.

[*Кулагина Л.И.*] Остров Беринга (Из отчета Л.И. Кулагиной) // Записки Владивостокского отдела государственного Русского географического общества. Владивосток, 1928. Т. I (XVIII). С. 97–104.

[*Купреянов И.А.*] Предписание И.А. Купреянова Атхинской конторе об организации поисков скелетов морской коровы по просьбе Императорской С.-Петербургской Академии наук и установлении награды за найденные скелеты и их части // Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1815–1841 / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Наука, 2005. С. 385.

Легенды и мифы Севера: Сб. / Сост. В.М. Санги. М.: Современник, 1985. 400 с.

[*Лисенков П.*] Поданное Прокопьем Лисенковым описание находящимся по акияну-морю от Камчатки островам, и какие на тех островах люди, звери и птицы, и какое у людей против российских с отменою обыкновение, и какое ж носят платье, о том значит ниже сего // Русская тихоокеанская эпопея / Сост. В.А. Дивин. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1979. С. 344–349.

Литке Ф.П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» 1826–1829. М.: Государственное издательство географической литературы, 1948. 303 с.

Ляпунова Р.Г. Очерки по этнографии алеутов (конец XVIII — первая половина XIX в.). Л.: Наука, 1975. 200 с.

Ляпунова Р.Г. Новый документ о ранних плаваниях на Алеутские острова («Известия» Федора Афанасьевича Кулькова 1764 г.) // Страны и народы Востока. Вып. XX: Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 4. М.: Наука, 1979. С. 97–105.

[*Мерк К.Г.*] Этнографические материалы из рукописи К. Мерка, начатого 16 августа 1789 г. в Охотске // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. / Сост. и пер. З.Д. Титова; под общ. ред. И.С. Вдовина. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1978. С. 59–97.

Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. II: Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. СПб.: ГеоГраф, 2006. 833 с.

Мир арктических зверобоев. Шаги в непознанное: Каталог выставки / Авт.-сост.: М.М. Бронштейн, К.А. Днепровский, Е.С. Сухорукова. М.; Анадырь: Департамент культуры, спорта, туризма и информационной политики Чукотского автономного округа РФ, Государственный музей Востока, 2007. 216 с.

Описание Андреяновских островов, составленное на основании показаний казаков М. Лазарева и П. Васютинского // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII–XIX вв. Сб. материалов / Под ред. А.И. Андреева. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1944. С. 29–37.

Паллас П.С. О российских открытиях на морях между Азиею и Америкой // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб.: Иждивением Императорской Академии наук, 1790. Ч. IV. С. 263–392.

Редько Б.А. Алеуты Командорских островов // Производительные силы Дальнего Востока. Выпуск пятый: Человек. Хабаровск; Владивосток: Акц. о-во «Книжное дело», 1927. С. 69–112.

Римский-Корсаков В.А. Балтика — Амур. Повествование в письмах о плаваниях, приключениях и размышлениях командира шхуны «Восток» / Сост. Б.П. Полевой. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1980. 448 с.

Русские морские экспедиции XVIII в. Очерки комплексного изучения памятников материальной культуры / Под ред. А.К. Станюковича. М.: Международное общество «Подводный мир», 1996. 240 с.

Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М.: Государственное издательство географической литературы, 1952. 325 с.

[*Соловьев И.*] Рапорт морехода Ивана Соловьева прапорщику Т.И. Шмалеву об его пребывании на Алеутских островах в 1764–1766 гг. // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. / Под ред. А.И. Андреева. М.: Государственное издательство географической литературы, 1948. С. 146–170.

Стеллер Г.В. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки. 1741–1742. М.: ПАН, 1995. 224 с.

Суворов Е.К. Командорские острова и пушной промысел на них. СПб.: Типография В.А. Киршбаума, 1912. 324 с.

Тан-Богораз В.Г. Воскресшее племя. М.: Художественная литература, 1935. 284 с.

Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-американской компании. СПб.: В типографии Эдуарда Веймара, 1863. Ч. II. 780 с.

Тлинкиты: Каталог коллекций Кунсткамеры / Отв. ред. Ю.Е. Березкин, тексты — С.А. Корсун. СПб.: МАЭ РАН, 2007. 272 с.

Флот Российской империи: Альбом / Отв. ред. Л.И. Спиридонова. СПб.: Славия, 1996. 288 с.

[*Хлебников К.Т.*] Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова / Сост., введ., коммент. Р.Г. Ляпуновой, С.Г. Федоровой. Л.: Наука, 1979. 280 с.

[*Хлебников К.Т.*] Русская Америка в «Записках» Кирилла Хлебникова. Ново-Архангельск / Сост., предисл., коммент. С.Г. Федоровой. М.: Наука, 1985. 302 с.

[*Черепанов С.*] Сказка тотемского купца Степана Черепанова об его пребывании на Алеутских островах в 1759–1762 гг. // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. / Под ред. А.И. Андреева. М.: Государственное издательство географической литературы, 1948. С. 113–120.

Чибизянов Д. На дальнем, дальнем Востоке. Как живут и чем промышляют гольды и алеуты. М.: Работник просвещения, 1928. 73 с.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Шафрановская Т.К. Народы Камчатки и прилегающих островов (Известия 1770 г.) // Страны и народы Востока / Под общ. ред. Д.А. Ольдерогге. Вып. VI: Страны и народы бассейна Тихого океана. М.: Наука, 1968. С. 61–67.

Шелихов Г.И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1971. 176 с.

Экстракт из журналов флота капитана П.К. Креницина и капитан-лейтенанта М.Д. Левашова // Русская тихоокеанская эпопея / Сост. В.А. Дивин. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1979. С. 349–362.

Эскимосы алютиик: Каталог коллекций Кунсткамеры / Авт.-сост. С.А. Корсун, отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб.: Наука, 2010. 464 с.

Berreman G.D. Aleut Shamanism in the Twentieth Century? An Assessment of Evidence // To The Aleutians and Beyond. The Anthropology of William S. Laughlin / Ed. B. Frohlich, A.B. Harper, R. Gilberg. Copenhagen: Department of Ethnography The National Museum of Denmark, 2002. P. 25–50.

Black L.T. Glory remembered: wooden headgear of Alaska sea hunters. Juneau: Alaska State Museum, 1991. 173 p.

Black L.T. Aleut Art. Unangam Aguqaadangin. Virginia Beach: Donning Company Publishers, 2003. 208 p.

Cook J. A Voyage to the Pacific Ocean. L., 1784. Vol. II and Atlas (Cook's Voyage to the northern Hemisphere). 76 plate.

Crossroads of Continents: Cultures of Siberia and Alaska / Ed. W.W. Fitzhugh, A. Crowell. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 1988. 360 p.

Die Grosse Nordische Expedition. Georg Wilhelm Steller (1709–1746) ein Lutheraner erforscht Sibirien und Alaska / Hrsg. W. Hintzsche, T. Nickol. Gotha: Perthes, 1996. 347 s.

Dyson G. Baidarka. The Kayak. Anchorage; Seattle; Portland: Alaska Northwest Books, 1999. 216 p.

Fienup-Riordan A. Yuungnaqpiallerput. The Way We Genuinely Live. Masterworks of Yup'ik science and Survival. Seattle; L.: University of Washington Press, 2007. 360 p.

Gorbatcheva V., Fedorova M. Art of Siberia. N. Y.: Parkstone Press International, 2008. 287 p.

Jochelson W. Archaeological Investigations in the Aleutian Islands. Washington: Published by the Carnegie Institution of Washington, 1925. 145 p.

King J.C.H. Artificial Curiosities from the Northwest Coast of America. Native American Artefacts in the Britisn Museum collected on the Third Voyage of Captain James Cook and acquired through Sir Joseph Banks. L.: Published by British Museum Publications Ltd, 1981. 119 p. Plate 1–87.

Lantis M. Aleut // Handbook of North American Indians. Vol. 5: Arctic / Ed. D. Damas. Washington, D.C.: Smithsonian Institution, 1984. P. 161–184.

Living Our Cultures, Sharing Our Heritage / Ed. By A.L. Crowell, R. Wolf, P.C. Ongtooguk, D.D. Biddson. Washington, D.C.: Smithsonian books, 2010. 312 p.

Ray D.J. Aleut and Eskimo Art: Tradition and Innovation in South Alaska. Seattle: University of Washington Press, 1981. 251 p.

Rousselot J., Grahammer V. Oltre Bering Le colonie russe del Nord Pacifico 1741–1867 = Jenseits von Bering Die Russischen Kolonien des Nordpazifiks 1741–1867 = Beyond Bering The Russian Colonies in the North Pacific 1741–1867. Lugano: Galleria Gottard; München: Staatliches Museum für Völkerkunde, 2004. 263 p.

Siberia and Russian America: Culture and Art from the 1700s / The Asch Collection, Cöttingen-Sibirien und Russisch-Amerika: Kultur und Kunst des 18. Jahrhunderts, die Sammlung von Asch-Göttingen / Ed. B. Hauser-Schäublin, G. Krüger. München; Berlin; L.; N. Y.: PRESTEL, 2007. 304 p.

The Far North: 2000 Years of American Indian and Eskimo Art. Washington, D.C.: National Gallery of Art, 1973. 288 p.

Unangam ungiikangin kayux tunusangin = Unangam uniikangis ama tunuzangis = Aleut tales and narratives. Collected 1909–1910 by Waldemar Jochelson / Ed. by K. Bergsland, M.L. Dirks. Fairbanks: Alaska Native Language Center, University of Alaska Fairbanks, 1990. 715 p.

Varjola P., Averkieva J.P., Liapunova R.G. The Etholen Collection: The ethnographic Alaskan collection of Adolf Etholen and his contemporaries in the National Museum of Finland. Helsinki: National Board of Antiquities, 1990. 336 p.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Специальные термины, местные и устаревшие слова

Аманат — заложник.
Ара — морская птица кайра.

Байдарщик — руководитель промысловой партии.
Банка — бухта.
Барабора — жилище.
Бобр *(морской бобр, морская выдра)* — калан.
Болван — вырезанная из дерева фигура идола.
Бурун — волна, накатывающаяся на берег.

Ворвань — китовый жир.

Горло — пищевод сивуча или морского котика.
Гребок — весло.

Дождевик — камлейка.
Дротик — гарпун.
Дрыгалка *(дрегалка)* — дубинка для забоя морских котиков.

Игрище — ритуальное празднество.
Ипатка — морская птица из рода тупиков.
Ишкат *(шкат)* — корзина.

Калга — раб.
Калуга — сосуд.
Кенаев — Кенайский залив.
Корольки — крупные бусины.
Куль — капюшон.
Куяки — деревянные боевые доспехи.

Лабаз — сооружение для хранения запасов продовольствия.
Лафтак — очищенная шкура тюленя.
Личина — 1) маска; 2) изображение «лица» духа.
Ловташны *(лавташны)* — штаны.

Мат травяной — циновка.
Матка — самка морского котика.
Маут — линь гарпуна.
Морской лев — сивуч.
Морской медведь — сивуч.
Морской попугай — топорок.

Нос *(носок)* **птичий** — клюв.
Носки стрел — наконечники стрел и гарпунов.
Носок — острие гарпуна.

Плошка — лампа-жирник.
Побрякушка — погремушка-трещотка.
Порты — штаны.
Пронизки — украшения из связок бисера, бусин или раковин.
Пузырь — 1) мочевой пузырь морского животного для хранения пищи; 2) поплавок от гарпуна; 3) пленка для покрытия светового люка в жилище.

Ратовище — древко копья или гарпуна.
Ровдуга — замша.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Рогожка — циновка.
Рукоделие — ремесленное изделие.
Рукомётка — метательная дощечка.

Систр — погремушка-трещотка.
Секач — взрослый самец морского котика или сивуча.
Стамед — 1) шерстяные нити; 2) шерстяная ткань.
Стеклярус — бусины цилиндрической формы.
Стрелка *(стрела)* — гарпун.
Сукли *(цукли)* — трубчатые раковины моллюска денталиум.

Тоен *(тойон, тайон, тоэн)* — вождь, старейшина.
Толмач — переводчик.
Топорок — морская птица семейства чистиковых.
Торбаса — обувь типа сапог.

Уда — удочка.
Урил — баклан.

Хворый — больной.
Холостяк — молодой самец морского котика или сивуча.

Церела *(срела)* — циновка.

Чага — кедр.
Челнок — байдарка.
Чугач — залив Принс-Уильям.

Шатина — копье для охоты на птиц.

Юкола — вяленая рыба.
Юрта *(юрташка)* — полуподземное жилище.

Ясак — дань мехами.

Меры длины и веса

Аршин — 71,12 см.
Верста — 1066,8 м.
Вершок — 44,5 мм.
Дюйм — 25,4 мм.
Миля морская — 1852 м.
Пуд — 16,38 кг.
Пядь — 17,78 см.
Сажень — 2,13 м.
Фут — 30,5 см.

Население Аляски

Аглегмюты — эскимосы, населявшие побережье Бристольского залива.
Атапаски — общее название для индейцев, населявших внутренние районы Аляски.

Инуиты — общее название для эскимосов, населявших арктическое побережье Аляски.
Ияк — индейцы, населявшие район устья реки Медной (Копер).

Кадьякцы — эскимосы, населявшие острова Кадьякского архипелага и восточное побережье полуострова Аляска.

Кенайцы *(денайна)* — индейцы, населявшие побережье Кенайского залива.
Креолы — потомки от браков русских и аборигенов Аляски.

Лисьевские алеуты — коренное население Лисьих островов Алеутского архипелага.

Тихоокеанские эскимосы *(алютшик)* — общее название для кадьякцев и чугачей.
Тлинкиты — индейцы, населявшие острова архипелага Александра и побережье от залива Якутат до пролива Порт Канал.

Чугачи *(сугпиак)* — эскимосы, населявшие побережье залива Принс-Уильям.

Юпики — общее название для эскимосов, населявших побережье Аляски от Бристольского залива до полуострова Сьюард.

Собиратели коллекций и исследователи Алеутских и Командорских островов

Антропова Валентина Васильевна (1909–1976) — этнограф-сибиревед, сотрудница МАЭ.
Архимандритов Илларион Иванович (1822–1872) — штурман, с 1838 г. служил на судах Российско-американской компании.

Баранов Александр Андреевич (1746–1819) — главный правитель Российско-американской компании на Аляске в 1799–1818 годах.
Барабаш-Никифоров (Барабаш) Илья Ильич (1894–1980) — зоолог, писатель, в 1930–1932 гг. проводил исследования на Командорских островах.
Басов Емельян Софронович (1705–1765) — организатор первых торгово-промысловых плаваний на Командорские и Алеутские острова.
Беляев Осип Петрович (1763–1807) — сотрудник Кунсткамеры, автор книги по истории музея.
Бем Магнус Карл (1727–1806) — премьер-майор, в 1773–1779 гг. был «командиром» Камчатки.
Беринг Витус Йонассен (1681–1741) — первооткрыватель Аляски и Алеутских островов, в 1741 г. совершил плавание к берегам Аляски, командуя пакетботом «Св. Петр».
Берх Василий Николаевич (1781–1834) — мореплаватель, участник кругосветного плавания, в 1804–1805 гг. находился в Русской Америке.
Биллингс Иосиф (Джозеф) Иосифович (1761–1806) — английский мореплаватель на русской службе, руководитель Северо-Восточной географической экспедиции (1785–1795 гг.) по исследованию северной части Тихого океана.
Блашке (Бляшке) Эдуард Леонтьевич (1810–1878) — врач, в 1835–1840 гг. находился на службе в Русской Америке.
Блэк Лидия Сергеевна (1925–2007) — американский этнограф, специалист по культуре алеутов и истории Русской Америки.
Бунге Александр Александрович (1851–1930) — полярный исследователь, проводил исследования на Командорских островах.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Ваксель Свен Лаврентьевич (1701–1762) — мореплаватель, участник плавания к берегам Америки на пакетботе «Св. Петр» под командованием В.Й. Беринга.
Васильев Михаил Николаевич (1770–1847) — мореплаватель, командуя шлюпом «Открытие», в 1820–1821 гг. находился в Русской Америке.
Венедиктов М. — консерватор Краеведческого музея им. Н.И. Гродекова города Хабаровска.
Вениаминов Иван Евсеевич (митрополит Иннокентий, 1797–1879) — православный миссионер, в 1824–1853 гг. служил на Аляске.
Вознесенский Илья Гаврилович (1816–1871) — сотрудник ИАН, в 1840–1845 гг. находился в Русской Америке, занимался сбором коллекций для академических музеев.
Врангель Фердинанд Петрович (1796–1870) — мореплаватель, в 1830–1835 гг. главный правитель Российско-американской компании на Аляске.
Всевидов Петр — мореход, участник нескольких торгово-промысловых экспедиций на Алеутские острова.

Герц Отто Альфред Федорович (1852–1905) — зоолог, проводил исследования на Командорских островах.
Глотов Степан Гаврилович (1729–1769) — мореход, участник нескольких торгово-промысловых экспедиций на Алеутские острова.
Говорливый Зиновий Степанович — врач, в 1851–1859 гг. находился на службе в Русской Америке.
Головнин Василий Михайлович (1771–1831) — мореплаватель, руководитель кругосветного плавания, в 1818 г. находился в Русской Америке.
Гребницкий Николай Александрович (1849–1908) — зоолог, в 1877–1907 гг. начальник промыслов на Командорских островах.

Дорошин Петр Петрович (1823–1875) — геолог, в 1848–1853 гг. находился на службе в Русской Америке.
Дружинин Филат (1817–1862) — креол, сопровождал И.Г. Вознесенского во время его поездок по Русской Америке.

Завалишин Дмитрий Иринархович (1804–1892) — мореплаватель, в 1823–1824 гг. находился в Русской Америке.

Иохельсон Владимир Ильич (1855–1937) — этнограф, в 1909–1910 гг. проводил полевые исследования на Алеутских островах.

Кашеваров Аполлон Филиппович (1825–?) — служащий Российско-американской компании, в 1868 г. передал в музей этнографическую коллекцию.
Кашеваров Василий Иванович (?–1849) — служащий Российско-американской компании, в 1830–1838 гг. управляющий Кадьякским отделом.
Киттлиц Фридрих Генрих (1799–1874) — художник и натуралист, участник кругосветного плавания, в 1827–1828 гг. находился в Русской Америке.
Коровин Иван Иванович — мореход, участник нескольких торгово-промысловых экспедиций на Алеутские острова.
Крузенштерн Иван Федорович (1770–1846) — мореплаватель, руководитель первой русской кругосветной экспедиции в 1803–1806 гг.

Кузнецов Осип Арсеньевич (?–1771) — алеут с о. Атту, служил переводчиком, в 1770 г. был представлен императрице Екатерине II.
Кук Джеймс (1728–1779) — английский мореплаватель, в 1778 г. проводил исследования в северной части Тихого океана.
Кулагин Константин — начальник Командорских промыслов в 1925–1928 гг.
Кулагина Лидия Ипполитовна — учительница на о. Беринга в 1925–1928 г., супруга К.В. Кулагина.
Кульков Федор Афанасьевич — купец, в 1759–1762 гг. участвовал в торгово-промысловой экспедиции на Алеутские острова.
Купреянов Иван Антонович (1799–1857) — мореплаватель, в 1835–1840 гг. главный правитель Русской Америки.

Лазарев Алексей Петрович (1793–1851) — мореплаватель, участник кругосветного плавания, в 1820–1821 гг. находился в Русской Америке.
Лазарев Максим — казак, сборщик ясака, участник нескольких торгово-промысловых экспедиций на Алеутские острова.
Левашов Михаил Дмитриевич (1738–1775) — мореплаватель, руководитель правительственной «Секретной экспедиции», в 1764–1770 гг. проводил исследования на Алеутских островах.
Левитский Александр Юлианович (1863–?) — врач, находился в служебной командировке на Командорских островах.
Лисенков Прокопий Яковлевич (1728–1788) — купец, участник нескольких торгово-промысловых экспедиций на Алеутские острова.
Лисянский Юрий Федорович (1773–1837) — мореплаватель, участник кругосветного плавания, в 1804–1805 гг. находился в Русской Америке.
Литке Федор Петрович (1797–1882) — мореплаватель, в 1827–1828 гг. находился в Русской Америке.
Ляпунова Роза Гавриловна (1928–1992) — этнограф-американист, сотрудница МАЭ, специалист по этнографии алеутов.

Меновщиков Георгий Алексеевич (1911–1991) — лингвист, проводил полевые исследования среди алеутов Командорских островов.
Мерк Карл Генрих (1761–1799) — врач, натуралист, участник Северо-Восточной географической экспедиции 1784–1795 гг.
Миддендорф Александр Федорович (1815–1894) — академик, исследователь Сибири и ее народов.
Миллер Герард Фридрих (1705–1783) — академик, исследователь Сибири и ее народов.

Николай Александрович (Романов, 1868–1918) — император.
Нилов Константин Дмитриевич (1856–?) — мореплаватель, проводил исследования на Командорских островах.

Орлова Елизавета Порфирьевна (1899–1976) — этнограф-сибиревед, в 1961 г. проводила полевые исследования среди алеутов Командорских островов.
Очередин Афанасий — штурман, участник нескольких торгово-промысловых экспедиций на Алеутские острова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Паллас Петр Симон (1741–1811) — академик, опубликовал очерк по истории освоения русскими промышленниками Алеутских островов.
Пинар Альфонс Луис (1852–1911) — французский этнограф, в 1871–1872 гг. проводил исследования на Аляске.
Повалишин Петр Васильевич (1775–1852) — мореплаватель, участник кругосветного плавания, в 1804–1805 гг. находился в Русской Америке.
Полонский Александр Семенович — врач и историк, с 1839 г., после окончания Медико-хирургической академии, служил на Камчатке. Автор ряда работ по истории освоения Курильских и Алеутских островов.
Пономарев Савин — казак, сборщик ясака, участник нескольких торгово-промысловых экспедиций на Алеутские острова.

Редько Борис — помощник начальника Командорских промыслов в 1923–1925 гг.
Римский-Корсаков Воин Андреевич (1822–1871) — мореплаватель, исследователь Дальнего Востока России.
Романовский Александр Данилович — врач, в 1840–1845 гг. находился на службе в Русской Америке.
Рупрехт Франц Иванович (1814–1870) — академик, профессор ботаники.

Сарычев Гавриил Андреевич (1763–1831) — мореплаватель, участник Северо-Восточной географической экспедиции 1784–1795 гг.
Сигнеус Уно (1810–1888) — лютеранский пастор, в 1840–1845 гг. служил в Русской Америке.
Сизов (Сизой) Иван Иванович — служащий Российско-американской компании, в 1815–1834 гг. находился в Русской Америке.
Соловьев Иван Максимович — мореход, участник нескольких торгово-промысловых экспедиций на Алеутские острова.
Стеллер Георг Вильгельм (1709–1746) — натуралист, сотрудник ИАН, в 1741 г. участвовал в плавании к берегам Аляски на пакетботе «Св. Петр».
Суворов Евгений Константинович (1880–1953) — исследователь Командорских островов.

Тиханов Михаил Тихонович (1789–1862) — художник, в 1818 г. посетил Русскую Америку в составе экипажа шлюпа «Камчатка».
Тихменев Петр Александрович (1824–1888) — мореплаватель, автор книги по истории Российско-американской компании.
Толстых Андреян (?–1766) — мореход, участник нескольких торгово-промысловых экспедиций на Алеутские острова.

Хабаров Валентин Поликарпович (1898–1942) — первый алеут-этнограф с Командорских островов.
Хлебников Кирилл Тимофеевич (1784–1838) — служащий Российско-американской компании, в 1818–1832 гг. находился в Русской Америке.
Хрущев Степан Петрович (1790–1865) — мореплаватель, в 1823 г. находился в Русской Америке.

Черепанов Степан Яковлевич — мореход, участник нескольких торгово-промысловых экспедиций на Алеутские острова.
Чириков Алексей Ильич (1703–1748) — мореплаватель, в 1741 г. совершил плавание к берегам Аляски, командуя пакетботом «Св. Павел».
Чупров Яков Петрович — участник торгово-промысловой экспедиции на Ближние острова в 1745–1747 гг.

Шелихов Григорий Иванович (1747–1795) — купец, основал первое постоянное русское поселение на острове Кадьяк.
Шилов Василий Иванович — купец, в 1762–1766 гг. участвовал в торгово-промысловой экспедиции на Алеутские острова, в дальнейшем участвовал в организации еще нескольких экспедиций.
Шмалев Тимофей Иванович (1736–1789) — командир камчатских крепостей, корреспондент академика Г.Ф. Миллера.
Шнейдер Густав Иванович (1823–1886) — врач, с 1853 г. состоял на службе в Российско-американской компании.

Этолин Адольф Карлович (1798–1876) — мореплаватель, в 1840–1845 гг. главный правитель Русской Америки.

Юрлов Андреян Моисеевич (?–1791) — мореход, участвовал в плавании к берегам Америки в 1741 г. на пакетботе «Св. Павел» под командованием А.И. Чирикова, в дальнейшем служил на Камчатке и в Охотске.

Список сокращений

АН — Академия наук
АМАЭ — Архив Музея антропологии и этнографии
АРГО — Архив Русского географического общества

ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР

ИАН — Императорская Академия наук
ИЛИ — Институт лингвистических исследований
ИНС — Институт народов Севера
ИРГО — Императорское Русское географическое общество

ЛГУ — Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова

МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
МГАД — Музей государственного Адмиралтейского департамента

РАК — Российско-Американская компания
РАН — Российская академия наук
РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
РЭМ — Российский этнографический музей

СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук

ЦВММ — Центральный военно-морской музей

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Алеутская коллекция — изучение и публикация *(Ю.К. Чистов)* 3

Изучение этнографии алеутов в Кунсткамере *(С.А. Корсун)* 7
Плетеные изделия алеутов в Кунсткамере: связь традиционного и современного искусства
(А.Л. Кроуэлл, Ш.П. Кэй) 39
Алеуты и алеутский язык *(Е.В. Головко, М.Л. Диркс)* 47

Орудия промысла и вооружение 59
Домашняя утварь и ремесла 187
Головные уборы, одежда и украшения 245
Ритуальные и культовые предметы 341

Справочные материалы 379

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН

Научное издание

АЛЕУТЫ

Каталог коллекций Кунсткамеры

Автор-составитель каталога С.А. Корсун
Ответственный редактор Ю.Е. Березкин
Руководитель проекта Ю.А. Купина

Отбор предметов С.А. Корсун
Хранители коллекции С.Н. Гиренко, А.Ю. Сайфиева
Фотографы С.Б. Шапиро, Е.Б. Толмачева
Редактор М.А. Ильина
Корректор Т.В. Никифорова

ООО «КМБХ»
Дизайн Т.В. Богданова
Обработка иллюстраций А.Н. Силантьев
Компьютерная верстка С.Г. Беляев, А.В. Сушицкий

Подписано в печать 15.09.2014
Формат 240×290 мм. Печать офсетная. Тираж 500 экз.
Усл. п. л. 48.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН»
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3.

Отпечатано в типографии ООО «КМБХ»
197101, Санкт-Петербург, ул. Кронверкская, д. 21.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-261-6/
© МАЭ РАН